

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

На правах рукописи

Фостова Сюзанна Андреевна
**Историко-культурное наследие в фокусе региональной политики памяти
в Калининградской области (1945—1991 гг.)**

5.6.1. Отечественная история
(исторические науки)

Диссертация на соискание
учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Костяшов Юрий Владимирович

Калининград
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Политика памяти на территории Калининградской области в 1945–1956 годах: трансформация культурного ландшафта.....	29
1.1. Формирование регионального исторического нарратива в системе просвещения, прессе и художественной культуре.....	29
1.2. Смена топонимической среды: города, сельсоветы, улицы.....	61
1.3. «Жизнерадостность» архитектурных форм и война памятников..	73
Глава 2. Культурная память в Калининградской области в 1956 – середине 1960-х годов.....	100
2.1. Региональный исторический нарратив в изданиях для туристов и городской топонимике: открытие прошлого.....	101
2.2. Формирование исторической экспозиции в краеведческом музее: поиск единой концепции.....	120
2.3. Роль культурного наследия в градостроительных практиках Калининграда и переоценка значения памятников истории.....	126
Глава 3. Мемориальный ландшафт Калининградской области в конце 1960-х–первой половине 1980-х годов: традиции и новые тенденции.....	152
3.1. Пространство исторических интерпретаций в издательском деле, визуальном каноне, топонимике и музейной сфере.....	152
3.2. Увековечивание прошлого в монументальной пропаганде.....	176
3.3. Ревитализация довоенных памятников архитектуры: акторы и подходы.....	186
Глава 4. Смена исторического нарратива в условиях перестройки (1985–1991 гг.)	206
4.1. «Историческая революция»: общесоюзные тенденции, региональные дискуссии, создание неформальных объединений.....	206
4.2. Региональная топонимическая полемика в свете гласности.....	230
4.3. Отношение к памятникам в контексте обновлённой политики памяти.....	237
Заключение.....	258
Список источников и литературы.....	262

Введение

Актуальность темы исследования. Междисциплинарные исследования, в центре внимания которых находится культурная память, её продуценты и носители, особенности конструирования (*memory studies*), имеют относительно недолгую, но насыщенную историю. Интерес к изучению памяти методами различных наук произвел «мемориальный бум», начавшийся в 1980–1990-х гг., что позволило обозначить новую парадигму в социально-гуманитарных дисциплинах¹.

Устойчивый интерес к проблемам памяти генерируют практики её использования. Одной из сфер, где наиболее часто используется история и память, является политика. Несмотря на то, что этот процесс, известный в том числе как историческая политика или политика памяти, активно изучается исследователями на примерах взаимоотношений государства и общества в современности, это явление имеет значительно более глубокие корни² и становится особенно заметным на стыке исторических эпох, в период таких радикальных социально-политических катаклизмов как революции и войны, которые влекут за собой изменения территориальных границ государств, смену политической системы, мнемонического режима в целых странах и регионах. Так произошло с частью германской провинции Восточная Пруссия³, которая вошла в состав РСФСР как Калининградская область, изменив своё название, национальный состав и весь мемориальный ландшафт.

---

¹ Васильев А.Г. Современные *memory studies* и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 19.

² Строго говоря, в современном понимании политики памяти или исторической политики в СССР не существовало, а использование подхода, появившегося позже произошедших событий, является в некоторой степени модернизацией истории. Вместе с тем автор диссертации полагает, что применение в исследовании рамки *memory studies* плодотворно для изучения культурных процессов, происходивших в Калининградской области в советские десятилетия, и позволяет соединить разрозненные события в единую картину.

³ В настоящее время земли бывшей Восточной Пруссии входят в состав трех государств: российская Калининградская область, литовский Клайпедский край и польское Варминьско-Мазурское воеводство. Эти территории принято также называть Юго-Восточной Прибалтикой.

Уникальность ситуации, сложившейся на землях бывшей Восточной Пруссии в советский период, даёт богатый материал для осмысления проблемы исторической памяти вообще и её региональной составляющей. Стержневой проблемой региональной политики памяти является отношение к историко-культурному наследию, которое играло ключевую роль в формировании представлений о прошлом края.

Политику памяти в отношении регионального историко-культурного наследия можно разделить на несколько этапов, которые были тесно связаны с общими тенденциями политического и культурного развития СССР:

1 этап: 1945–1956 гг. – период становления политики памяти, начинающийся на последнем этапе Великой Отечественной войны, когда начал формироваться образ провинции Восточной Пруссии в СМИ, и заканчивающийся XX съездом КПСС, решения которого внесли корректировки в отношении к прошлому;

2 этап: 1956 – середина 1960-х гг. – период, совпадающий с хрущёвской оттепелью и завершающийся угасанием либеральных тенденций, влиявших на политику памяти в области;

3 этап: конец 1960-х гг. – первая половина 1980-х гг. – сочетание разных сформированных ранее подходов и первые проявления конкуренции исторических нарративов относительно истории края;

4 этап: вторая половина 1980-х гг. – 1991 г. – период радикальных перемен в публичном отношении к историко-культурному наследию края.

Историографический обзор.

Исследование памяти, безусловно, популярное направление в российской науке. Тем не менее комплексное рассмотрение исторической политики или политики памяти на протяжении всего советского периода в отечественных научных работах достаточно редкое явление⁴. Действия

---

⁴ К примеру, исследователь В.В. Бушуев сумел определить основные направления и механизмы формирования «исторической “картины мира” в течение всего периода существования СССР, а также основные особенности исторической политики, включая

властей по созданию той или иной коллективной идентичности рассматриваются в основном относительно постсоветской истории страны, а из советских периодов истории наиболее проработанным является перестройка⁵.

Особенности исторической политики на других этапах существования СССР, а также основные элементы общего исторического нарратива можно выявить, обратившись к трудам отечественных исследователей.

Главным событием в истории страны в результате осуществления целенаправленной политики памяти стала Октябрьская революция 1917 г. Учёными исследовано, как была подготовлена и сформулирована концепция «Великого Октября» и механизм превращения исторических фактов в «факты исторической памяти»⁶. Не менее важной доминантой советской политики памяти, по мнению ряда учёных, является Великая Отечественная война, ставшая новым основанием легитимности советского строя. Предметом анализа становятся дискурсы, коммеморативные практики, в том числе празднования юбилеев Победы в войне, а также установка памятников⁷.

присущие ей неоднородность, многоуровневость и вариативность с изменением идейно-политических приоритетов правящих элит (Бушуев В.В. Историческая политика в СССР: императивы и специфика реализации // Ценности и смыслы. 2012. №4 (20). С. 119–128).

⁵ Новикова М.В. Особенности исторической политики советского государства в годы перестройки 1985–1991 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. №. 2. С. 24–38; Елисеева Н.В. Формирование исторической политики времён перестройки в СССР (1985–1988 гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. Т. 11. № 1. С. 19–27.

⁶ См.: Глухарев Н.Н. Октябрь 1917 г. в пространстве исторической памяти: от мемориализации к забвению // Война и революция: социальные процессы и катастрофы. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2016. С. 98–106; Клопихина В.С. Исторический нарратив об Октябрьской революции 1917 г. как основа советской идеологии 1920-х гг.: региональный аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 84–91.

⁷ См.: Зиновьева О.А. Памятники Великой Отечественной войны Москвы: формирование политического капитала и отображение памяти // Новое прошлое. 2017. № 3. С. 55–64; Бушмаков А.В. «Пусть живёт в веках беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне!» Память о войне и советская историческая политика в 1965–1980 гг. // Культурный код. 2019. № 3. С. 26–35; Липатов А.В. Военные праздники и дни воинской славы в праздничной культуре советского общества в период хрущевской «оттепели»: на материалах Сталинградской (Волгоградской) области // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти. СПб., 2020. С. 295–304; Габович М.

Многие авторы склонны оценивать значение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войне как системообразующие идеологические опоры и отмечать важный воспитательный потенциал темы, влияющий на нравственный облик советского человека.

Кроме того, исследователями изучены другие составляющие компоненты советского исторического нарратива, которые в сменявшие друг друга эпохи обладали разной степенью важности, например, память о других войнах и военных конфликтах⁸, Карибском кризисе⁹, покорении космоса¹⁰ и т.д. Нередко объектом изучения становятся исторические личности, причины актуализации их образов, акты их мемориализации и роль в формировании знаний об истории¹¹.

Для диссертации также представляется значимым опыт учёных в изучении «посредников памяти», в роли которых часто выступают памятные места. Одной из наиболее изученных их разновидностей являются мемориальные памятники и процессы вокруг их установки и демонтажа¹².

Памятник и Праздник: этнография дня Победы // *Памятник и праздник: этнография Дня Победы*. СПб., 2020. С. 8–26.

⁸ Нарский И. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 211–236; Поршнева О.С. Политика памяти vs историческая память о Первой мировой войне в Советской России / СССР // *Международные отношения в XX–XXI веках.. Екатеринбург, 2020. С. 98–105.*

⁹ Дергачева В.Е., Чернышов Ю.Г. Карибский кризис в политике памяти СССР (России) и США сравнительная характеристика // *Известия Алтайского государственного университета*. 2020. № 6 (116). С. 22–28.

¹⁰ Кокоулин В.Г. Покорение космоса в политике исторической памяти советского периода и в постсоветской России // *Архив в социуме – социум в архиве*. Челябинск, 2021. С. 383–386.

¹¹ Попов А. Полковнику никто не верит? Героизация военных страниц биографии Л.И. Брежнева как камертон исторической памяти // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 3 (157). С. 169–183; Сосницкий Д.А. Ермак Тимофеевич в исторической памяти советского общества // *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 56–10. С. 68–72; Курочкин С.С. Образ Павла Степановича Нахимова в советской историографии, литературе и исторической памяти // *Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее*. СПб., 2019. Т. 3. С. 328–331.

¹² Сосницкий Д.А. Образы российских правителей в монументальной скульптуре современного Санкт-Петербурга // *Клио*. 2024. № 4 (208). С. 170–177; Сосницкий Д.А. Пантеон героев и событий отечественной истории в монументальной скульптуре

Схожие функции предписывались советской архитектуре, которая призвана была визуализировать авторитет и всевластие власти¹³.

Менее популярны среди исследователей такие направления советской политики памяти, как музейное дело, периодическая печать, художественная литература, кинематограф, сфера топонимики и др.¹⁴ Значение устной истории и анализ российского опыта использования материалов интервьюирования в современных исторических и этнографических исследованиях, в том числе при изучении проблем исторической памяти, представлен в работах Т.К. Щегловой¹⁵.

Успешность использования подходов *memory studies* к истории Калининградской области демонстрируют работы ряда зарубежных авторов¹⁶.

Немецкий исследователь Б. Хоппе, задавшись целью проследить развитие городской среды в Калининграде в 1946–1970 гг., затрагивал

Ленинграда (1985–1991 гг.) // *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 2024. Т. 11. № 1. С. 50–67.

¹³ См.: Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В. Алма-Ата: некоторые архитектурные нарративы советского города // *Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение*. 2021. № 1 (134). С. 10–21.

¹⁴ См.: Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимики, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2017. № 4 (16). С. 153–160; Мазур Л.Н. Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // *Диалог со временем*. 2019. № 66. С. 100–119; Никитина А.С. Политика советского государства в области периодической печати // *Поволжский вестник науки*. 2023. № 4 (30). С. 27–30.

¹⁵ Щеглова Т. К. Материалы устной истории как исторический источник и поиски им места в научных классификациях российского источниковедения в XX–XXI столетиях // *Вестник Алтайского гос. пед. ун-та*. 2019. № 4(41). С. 93–101; её же. Устная история в российском историографическом пространстве 1990-2010-х годов: вызовы, достижения и риски // *Исторический курьер*. 2020. № 5(13). С. 8–22; её же. Российский опыт развития устной истории (*oral history*): организационная структура, направления и формы деятельности. 1990-2020-е гг. // *Русский архив*. 2021. № 9(1). С. 12–28.

¹⁶ См.: Дементьев И.О. «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // *Балтийский регион*. 2015. № 4 (26). С. 105–120; его же. Современная зарубежная историография об исторической политике в советском Калининграде // *Калининградские архивы*. 2015. Вып. 12. С. 233–250; его же. Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // *Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гум. и общ. науки*. 2019. Вып. 2. С. 104–112.

вопросы «архитектурного управления прошлым»¹⁷, использования региональными властями «исторических аргументов» при обосновании градостроительных планов и поиска калининградской идентичности. Автор, в частности, показал, как менялось отношение к руинам Кёнигсберга, которые сперва были символом Победы, а затем «достойными сохранения приметам региональных особенностей»¹⁸. Изучив советский период истории края, автор проследил тенденцию превращения изначально негативного образа Кёнигсберга в позитивный¹⁹.

Другой немецкий ученый П. Бродерзен, исследовавший проблемы советизации бывшей немецкой провинции, пришел к выводу, что отношение в области к довоенному культурному наследию прежде всего определялось проводимой властями политикой. П. Бродерзен расширил базу исследования за счёт обращения к визуальным источникам, печатной продукции туристической индустрии, материалам прессы²⁰.

В работах Э. Маттеса рассматриваются вопросы, связанные с интерпретацией довоенной истории в советском Калининграде в контексте становления регионального сознания калининградцев и их отношения к краю. Ограничения на пользование архивом области, вехи научного краеведения, цензурирование текстов, взаимосвязь с актуальными городскими проблемами и другие эпизоды представляют непосредственный интерес для автора как примеры осуществления региональной политики памяти²¹.

---

¹⁷ Hoppe B. Auf den Trümmern von Königsberg: Kaliningrad 1946-1970. München, 2000.

¹⁸ Ibid. S. 85.

¹⁹ Хоппе Б. Борьба против вражеского прошлого: Кёнигсберг/Калининград как место памяти в послевоенном СССР // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 237–268.

²⁰ Brodersen P. Fortsetzung der Heldentat. Berlin: [s. n.], 2000. 101 S.; Brodersen P. Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde Göttingen, 2008.; Бродерзен П. «Много прекрасных мест и зданий». Калининград как туристический объект в 1950–1971 гг. // Калининградской области — 60: этапы истории, проблемы развития. Калининград, 2006. С. 106–117.

²¹ См.: Маттес Э. Запрещенное воспоминание: возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945–2001). Калининград, 2003. С. 81–150; Matthes E. Als Russe in Ostpreußen: Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg / Kaliningrad nach 1945. Ostfildern, 1999.

Схожие вопросы являются областью научных интересов Ю.В. Костяшова, изучившего региональную политику памяти первого послевоенного десятилетия, выраженную в формуле «изгнание прусского духа», которая стала общеупотребимой в региональных сюжетах *memory studies*²². Автор указал на непродуманность и спонтанность многих действий властей по адаптации переселенцев к новому и чуждому для них историко-культурному ландшафту. Вместе с тем он обратил внимание на то, что множество объектов культурного наследия прошлых веков было сохранено благодаря действиям калининградской интеллигенции, которая понимала, что «отсутствие исторической памяти лишает человека связи с той землей, на которой он живет, и в конечном счете делает невозможным осуществление какой-либо осмысленной социальной деятельности»²³.

Некоторые важные аспекты политики памяти в Калининградской области исследованы историком И.О. Дементьевым, который проанализировал официальный и альтернативный дискурсы о прошлом на протяжении разных этапов советской истории края²⁴. Особый интерес представляет статья, посвящённая малоизученному периоду 1970–1980-х гг. и властным подходам, обеспечивавшим контроль за культурной памятью калининградцев, а также анализу неофициальных социокультурных общностей, в которых складывались альтернативные представления о прошлом края²⁵.

---

²² Костяшов Ю.В. Изгнание прусского духа: как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. Калининград, 2003. С. 7–80; Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области: очерки 1945-1956 гг. Калининград, 2009.

²³ Там же. С. 80.

²⁴ Дементьев И.О. «Что я могу знать?»: Формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е годы) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 6. С. 175–218.

²⁵ Дементьев И.О. «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970-е — 1980-е годы) // *Erdvių pasisavinimas Rytų Prūsijoje XX amžiuje*. Klaipėda, 2012. С. 92–118.

В других своих работах И.О. Дементьев затрагивает такие аспекты политики памяти, которые касались установки и символики гражданских памятников, цензуры как института памяти, которому «не удалось добиться тотального контроля над дискурсом о прошлом», а также делает обстоятельный разбор особенностей региональной политики памяти в постсоветский период²⁶.

Великой Отечественной войне как ключевом событии в культурной памяти жителей области посвящено несколько трудов Г.В. Кретинина. Исследователь выявил такое важное свойство калининградской военной памяти как «виртуальность», определяемую тем, что жители области в основном узнавали о войне через посредников – материалы СМИ, литературу, устные источники. Г.В. Кретинин также рассмотрел значение создания в Калининградской области воинских мемориалов о событиях 1941–1945 гг. как одно из главных направлений в политике памяти региональных властей²⁷.

Научный инструментарий *memory studies* успешно применяется специалистами для анализа широкого спектра тем: от деятельности советского экскурсионного бюро, переименования населённых пунктов области до градостроительных практик и мест памяти²⁸. Вместе с тем в изучении

---

²⁶ Дементьев И.О. Цензура как институт политики памяти Калининградской области советского периода // Калининградские архивы. 2016. Вып. 13. С. 98–110; его же. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. 2020. № 3. С. 40–61; его же. Политика памяти в Калининградской области // Политика памяти в России – региональное измерение. М., 2023. С. 137–175.

²⁷ Кретинин Г.В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник БФУ им. И. Канта. 2015. Вып. 12: Гум. науки. С. 65; Г.В. Кретинин Генезис и формирование региональной исторической памяти о боях за Восточную Пруссию в 1944–1945 годах // Балтийский регион в Новое и Новейшее время. Калининград, 2016. С. 152–153; его же. Что храним и как храним? Об истории исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Время музея. 2019. С. 25–35; его же. Калининградская земля – место памяти россиян // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гум. и общ. науки. 2021. № 4. С. 86–94.

²⁸ Белинцева И. Архитектура Калининградской области: «чужое» как «чуждое» и как «свое» // Между Одером и Неманом. Калининград, 2012. С. 151–160; Полх П.П. Сельская топонимика Калининградской области как отражение исторической памяти населения проблемы // Там же. С. 72–78; Маслов В.Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населённых пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. №3. С. 100–107; Маслов В.Н. Экскурсионная

калининградской мемориальной культуры заметна хронологическая диспропорция: глубоко и разносторонне рассмотрен позднесталинский период, отчасти 1960-е гг., а изучение 1970-х — 1980-х гг. очень фрагментарно. Кроме того, в фокусе внимания историков неизменно оказывается Калининград, тогда как другие города и посёлки области остаются в тени. До сих пор комплексно не изучены присущие политике памяти инструменты, участие в её осуществлении органов власти, общественных организаций, учреждений образования и культуры. Совершенно недостаточно исследованы судьбы многих объектов историко-культурного наследия и связанных с этим общественных дискуссий. Комбинация всех отмеченных обстоятельств позволяет говорить о перспективности комплексного исследования способов присвоения прошлого в отношении культурного наследия.

Объектом исследования является региональная политика памяти в советский период истории Калининградской области. **Предметом исследования** является содержание регионального исторического нарратива, отношение калининградского социума к историко-культурному наследию края и эволюция коммеморативных практик.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить содержание и особенности политики памяти в Калининградской области в советский период.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

деятельность и формирование исторической памяти калининградцев в 1964–1975 годах // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гум. и общ. науки. 2017. Вып. 4. С. 77–84; Манкевич Д.В. Калининградский филиал Советского / Российского фонда культуры и политика памяти в самой западной области России (1987—2007) // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 159–168; Манкевич Д.В., Мегем М.Е., Филёв М.В. От «правильного немца» к «калининградскому философу» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. Т. 64. № 6. С. 138–160; Манкевич Д.В., Мегем М.Е. Иностранное наследие в мемориальном ландшафте Калининградской области // Балтийский регион. 2023. Т. 1. №2. С. 139–155.

- выявить основные направления политики памяти, её акторов и посредников;
- рассмотреть структуру и содержание регионального исторического нарратива;
- определить место историко-культурного наследия в политике памяти и реконструировать подходы к работе с ним со стороны властных институтов и общества;
- дать характеристику и определить особенности отдельных этапов реализации политики памяти.

Хронологические рамки исследования охватывают 45 лет с момента завершения Восточно-Прусской операции в 1945 г. и образования Особого военного округа до завершения советского периода в истории Калининградской области в 1991 г. Несмотря на то, что официально создание области и введение гражданского управления на ее территории произошло в лишь в 1946 г., автор считает целесообразным рассматривать начало формирования региональной политики памяти со времени перехода под контроль советской военной администрации территории будущей области РСФСР.

Территориальные рамки исследования включают в себя всю Калининградскую область, образованную на северной части бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия. Поскольку ключевые события, связанные с реализацией политики памяти, происходили в Калининграде, а также учитывая, что он являлся областным центром, а значит образцом для подражания и площадкой для мемориальных экспериментов, большая часть повествования относится к Калининграду, однако история других городов и поселений области не остаётся без внимания.

Источниковая база исследования. Исследование основывается на широком комплексе неопубликованных документов из фондов Государственного архива Калининградской области, Архива Калининградского областного историко-художественного музея,

Калининградской областной научной библиотеки, Калининградского городского архива, а также документов из личных архивов калининградцев.

Наиболее обширную группу источников составляет *делопроизводственная документация*. Прежде всего она представлена в фондах партийных и государственных органов²⁹. Преимущественно эти фонды состоят из планов и отчетов, справок, других информационных материалов, а также разного рода обращений и корреспонденции между местными и центральными советскими и партийными органами власти по широкому кругу вопросов из сферы культуры.

Фонд Калининградского областного совета депутатов трудящихся располагает обширной перепиской с Министерствами культуры СССР и РСФСР, а также с подведомственными ему местными органами власти и содержит разнообразные документы, раскрывающие способы реализации политики памяти на примерах конструирования городского ландшафта, изменений топонимики, работы СМИ, учреждений культуры и образования. В документах советских органов власти имеются сведения о мотивации и аргументах сторонников и противников сохранения тех или иных объектов историко-культурного наследия.

Исключительно важным для диссертации является фонд областного управления культуры³⁰. Управление занималось реализацией министерских и партийных решений и установок и было наделено важными функциями, включая организацию массовых мероприятий, составление планов празднования годовщин исторических событий, контроль за содержанием музейных экспозиций и изданием краеведческой литературы и т.п. Таким

---

²⁹ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-1. Калининградский областной комитет КПСС; Ф. П-2. Калининградский городской комитет КПСС; Ф. П-4089. Партийная организация Калининградского областного краеведческого музея; Ф. Р-216. Калининградский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет; Ф. Р-297. Калининградский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет; Калининградский городской архив. Ф. 1. Калининградский городской совет депутатов трудящихся и его исполком.

³⁰ ГАКО. Ф. Р-68. Управление культуры Калининградского облисполкома.

образом, именно в этом фонде в основном сосредоточен корпус данных о подходах властей к работе с культурным наследием прошлого, что напрямую связано с предметом исследования.

Протоколы и стенограммы заседаний, материалы лекций и экскурсий, списки памятников, планы, отчёты в вышестоящие инстанции, переписка с партийными комитетами ряда калининградских отделений общественных организаций³¹ представляют большой интерес для реконструкции их взаимоотношений с руководящими органами, прежде всего зависимости от партийных комитетов разного уровня. Этот вид источников позволяет охарактеризовать содержание официальных идеологических установок, выяснить роль профессиональных сообществ как акторов политики памяти, сопоставить мнения разных сообществ по сути исследуемых вопросов.

Аналогичные виды документации характерны для фондов культурно-просветительских учреждений³², органов печати, радио и телевидения³³, учреждений образования³⁴. По ним можно проследить процессы подготовки материалов для трансляции краеведческих знаний с идеологически корректными акцентами в понимании прошлого.

Формированием и адаптацией городской среды Калининграда и других населённых пунктов области, а также приведением ее в соответствие с общесоветскими урбанистическим принципами занимались органы

---

³¹ ГАКО. Ф. Р-133. Калининградская писательская организация; Ф. Р-135. Калининградская организация Союза архитекторов СССР; Ф. Р-153. Калининградский областной совет по туризму и экскурсиям; Ф. Р-414. Калининградское областное лекционное бюро; Ф. Р-615. Калининградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры; Ф. Р-1167. Калининградское областное отделение Российского фонда культуры.

³² Архив Калининградской областной научной библиотеки. Ф. 1.

³³ ГАКО. Ф. Р-116. Калининградское областное книжное издательство; Ф. Р-232. Управление по охране государственных тайн в печати при Калининградском облисполкоме; Ф. Р-19. Калининградский областной комитет по телевидению и радиовещанию.

³⁴ ГАКО. Ф. Р-165. Калининградский государственный педагогический институт.

управления строительства и архитектуры³⁵. Эти материалы позволяют понять причины сложностей, с которыми сталкивались специалисты в воплощении задачи создания образцовых советских городов на бывшей прусской земле.

До сих пор недостаточно введенные в научный оборот материалы Архива Калининградского областного историко-художественного музея³⁶ состоят из разнородных по видам документов: копии постановлений правительства, решений и распоряжений облисполкома и горисполкома, переписка с органами власти, отчёты, пояснительные записки, конспекты исторической литературы, планы экспозиций, методические разработки экскурсий и другие материалы. Документы архива главного калининградского музея были использованы для анализа процесса создания и модернизации исторической экспозиции как одного из главных источников знаний для массовой публики о прошлом края, для освещения истории создания Парка скульптуры как наглядного примера реализации исторической политики властей города и другим вопросам.

В диссертации также использован ряд опубликованных *нормативных документов* – постановлений Верховных Советов и Советов министров СССР и РСФСР³⁷.

Еще одну группу источников составляют произведения *художественной литературы*³⁸ советских писателей, сюжеты которых

---

³⁵ ГАКО. Ф. Р-310. Управление коммунального хозяйства Калининградского горисполкома; Ф. Р-520. Главное управление архитектуры и градостроительства Калининградского облисполкома; Ф. Р-522. Архитектурно-планировочное управление Калининградского горисполкома.

³⁶ Архив Калининградского областного историко-художественного музея. Ф. 1.

³⁷ См., например: Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Кёнигсбергской области в составе РСФСР от 7 апреля 1946 г. // Самая западная. Сб. документов. 1946–1952 гг. Калининград, 1980. Вып. 1. С. 17; Постановление Совета министров РСФСР от 14 февраля 1968 г. «Об утверждении Положения о порядке наименования и переименования государственных объектов республиканского (РСФСР) и местного подчинения, а также колхозов и других кооперативных организаций». URL: <https://docs.cntd.ru/document/885216865> (дата обращения: 28.01.2024).

³⁸ Баринов М.М. Вилла «Эдит». Калининград, 1958; Грязева Н. Черепки // Калининград: литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград, 1951. С. 222-233; Снегов С.А. Ветер с океана. Калининград, 1977.

строятся вокруг событий из истории края. По ним можно судить как о содержании политики памяти, так и об одном из важных способов ее осуществления. Проза и стихи в работе используются в качестве иллюстрации образов, применявшихся для репрезентации истории, а на примере создания романа С. Снегова «Ветер с океана» прослеживается весь путь создания художественного произведения, связанного с историей края, и роль в этом процессе цензуры и самоцензуры.

При написании работы были использованы материалы периодических изданий (официальных газет и журналов) за период с 1946 по 1991 г., а также одного «самиздатовского» журнала «Кафедральный собор» (1990)³⁹. Большая часть периодики представляет собой печатные органы областных и районных органов власти, ведомств, предприятий и организаций. Публикации журналов и газет позволили детализировать происходившие события и уточнить их хронологию. С другой стороны, местная пресса долгое время служила главным источником информации, пусть и довольно ограниченной, по истории края для калининградцев. В годы перестройки страницы региональных газет стали платформой для общественных прений на исторические темы, по ним можно познакомиться, в том числе, с широкой палитрой мнений, включая и большую аудиторию читателей этих изданий.

При написании работы широко использовались источники *личного происхождения*. Среди них интервью первых переселенцев, рассказывающих об их отношении к довоенному историко-культурному наследию края⁴⁰, интервью с архитектором Ю.И. Забугой⁴¹, который в 1980-е гг. предложил общественности свой вариант ревитализации уничтоженных войной центральных районов Калининграда. Материалы устной истории отражают личный опыт и мировоззрение респондентов и являются своеобразной

---

³⁹ Кафедральный собор. Калининград, 1990. №3.

⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-1191. Коллекция документов переселенцев в Калининградскую область; Первые впечатления переселенцев о новом крае (по материалам интервью) / публ. М.А. Клемешевой // Калининградские архивы. 2003. Вып. 4. С. 136–151.

⁴¹ Интервью с архитектором Ю.И. Забугой от 04.10.2017 г. Из архива С.А. Фостовой.

«субъективной реконструкцией» прошлого, что требует особого подхода к записям интервью, в том числе дополнительной верификации и сопоставления с другими источниками⁴².

К сожалению, не удалось найти опубликованные или рукописные воспоминания, написанные людьми, принимавшими участие в реализации политики памяти, за исключением сборника очерков председателя Калининградского горисполкома в 1972–1984 гг. В.В. Денисова⁴³. Кроме того, в различных изданиях было опубликовано несколько очерков с воспоминаниями ветеранов области о городе и его памятниках⁴⁴, а также автобиографичная книга журналиста и публициста Б.А. Нисневича, участника дискуссии о судьбе Кёнигсбергского замка, в которой автор проливает свет на характер отношений литераторов и власти⁴⁵. Определенный интерес представляют дневниковые записи граждан СССР, путешествовавших по территории края или оставивших воспоминания о событиях, важных для истории области, доступные в цифровом архиве личных документов из частных собраний «Прожито»⁴⁶.

Специфическую группу источников составляют *визуальные материалы*, в числе которых альбомы с фотографиями Калининграда⁴⁷, открытки городов области, карты и художественные полотна, чьи репродукции опубликованы в

---

⁴² См.: Щеглова Т. К. Устная история. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2010. С. 47–53, 185–187.

⁴³ Денисов В.В. Калининград — судьба моя. Калининград, 2001.

⁴⁴ Новиков Н. Письмо из курсантской юности // Запад России. 1993. № 2 (6). 1993. С. 103–105; Павловский О. Город мой // Там же. № 4 (8). С. 20–26; Губин А. Рождение краеведа // Там же. 2001. № 1 (24). С. 231–234; Рождённая победой. Имена в истории края: воспоминания, очерки, стихи. Калининград, 2011.

⁴⁵ Нисневич Б.А. Свет памяти моей: дневник очеркиста. Майкоп, 2018.

⁴⁶ См., например, запись из дневника искусствоведа и члена Союза московских архитекторов С.С. Попадюка за 7 марта 1980 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/4495> (дата обращения: 09.10.2023); Запись из дневника учителя истории из московской школы Л.Я. Липкина от 8 марта 1953 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5382> (дата обращения: 08.10.2023).

⁴⁷ См.: Калининград: [фотоальбом]. [Калининград], [1964]; У моря янтарного: фотоочерк о земле Калининградской — самом западном крае нашей Родины / фот. Н.Н. Пшенецкий [и др.]. Калининград, 1981.

каталогах⁴⁸ или внесены калининградскими учреждениями культуры в Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. Фотографии, рисунки, их сопоставление с официальной печатной продукцией позволяют сделать выводы о принципах конструирования образов городов для массового потребления, их эволюции в зависимости от конкретного исторического периода.

В целом источниковая база представляется достаточно обширной и разнообразной для решения поставленных в исследовании задач.

Методологическая и теоретическая база

Методологической основой диссертационного исследования послужил системный подход. Для выявления содержания и трансформации политики памяти на протяжении советского периода калининградской истории применялся сравнительный метод. Он позволил выявить и сопоставить локальные и всесоюзные, а также внутриведомственные уровни политики в отношении историко-культурных объектов, показать произошедшие изменения, определить тенденции развития в разных исторических периодах.

Структурный метод, основанный на выявлении устойчивых связей внутри системы, обеспечивающих сохранение ее основных свойств, позволил проследить взаимодействие органов власти, общественных организаций, индивидуальных акторов в процессе осуществления политики памяти и её влияния или отсутствие такового на жителей области. Принципы герменевтического анализа, учитывающего контекст создания текста и цели его авторов, были использованы для интерпретации публицистических и художественных текстов, посвященных проблеме культурного наследия, политике памяти, отношению к прошлому. Системный метод позволил определить и ранжировать органы власти, ответственные за имплементацию исторической политики, а также выявить противоречия, которые возникали

---

⁴⁸ Каталог предметов периода образования и становления Калининградской области: из собрания Калининградского областного историко-художественного музея / сост.: О.Н. Щеглова, И.И. Эйдельман. Калининград, 2017.

между ними как элементами системы (на региональном уровне). Для определения места и роли объектов историко-культурного наследия в культурной памяти жителей, для изучения топонимики и визуальных образов края был использован количественный контент-анализ.

Помимо названных выше научных методов, применяемых в современных исторических и иных гуманитарных исследованиях, в диссертации использовались теоретические концепции ряда ученых — специалистов в области изучения исторической памяти и политики памяти.

Первым концептуально осмыслил память как социокультурный конструкт М. Хальбвакс, пришедший к выводу о том, что память не сугубо индивидуальна, а социально обусловлена⁴⁹. Коллективная (или социальная) память одновременно с М. Хальбваксом исследовалась немецким искусствоведом А. Варбургом, который поставил проблему носителей исторической памяти и способов её трансляции во времени⁵⁰.

Существенно расширил список носителей памяти французский историк П. Нора, предложив понятие «мест памяти» (*lieux de mémoire*), связанных с нациестроительством и национальной идентичностью, в числе которых он называл музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, люди, события, предметы, здания, песни, ассоциации, географические точки⁵¹. Признаками места памяти, по мысли П. Нора, являются также дискуссионность, окружающая его, наличие коммеморативных практик, с ним связанных, а также его изменимость с течением времени⁵².

---

⁴⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.

⁵⁰ Романовская Е.В. Идея социальной памяти: М. Хальбвакс и А. Варбург // После постпозитивизма. М., 2022. С. 711; Нечаева А.А. Становление *memory studies* как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. Вып. 4 (60). С. 124.

⁵¹ Нора П. Между памятью и историей: нация-память. Как писать историю Франции? Эра коммемораций // Франция — память. СПб., 1999. С. 17, 26.

⁵² Следуя не вполне чёткому, но интуитивно понятному определению, автор диссертации предлагает рассматривать в качестве локальных мест памяти, например, фигуры И. Канта,

Египтолог Я. Ассман разработал теорию культурной памяти, которая, по его мысли, искусственно поддерживается и контролируется институциями и служит для передачи культурных смыслов⁵³. Теория культурной памяти также объясняет манипуляции с памятью в политических целях: со смертью живых носителей памяти в процесс сохранения памяти включаются различные институции, которые организуют практики обращения к прошлому.

Особенно часто использование истории в политических целях применяется к изучению событий последних 30–40 лет в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве. Российские исследователи значительно чаще используют понятие «историческая память» и «историческая политика». Теоретические вопросы изучения исторической памяти, подходы к определению самого понятия, его структуры, механизмов формирования подробно рассмотрены Л.П. Репиной⁵⁴ несколькими исследователями. Структура и виды, а также источники и механизмы формирования исторической памяти наиболее полно проанализированы в работах Л.Н. Мазур⁵⁵.

Большую роль в анализе политических подходов, обобщении концепций, определении их свойств в формулировке понятий на русском языке сыграли историки А.И. Миллер, Н.Е. Копосов и политолог О.Ю. Малинова⁵⁶. Отсутствие унифицированных определений привело к тому, что

Ф. Шиллера, К. Донелайтиса, форт №5, Кёнигсбергский замок, мемориал 1200 гвардейцам, Восточно-Прусскую операцию 1945 г.

⁵³ В отличие от «коммуникативной памяти», которая, наоборот, существует 80–100 лет, слабо оформлена, возникает из опыта и передаётся через устные рассказы (Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 58–59).

⁵⁴ Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 7–18.

⁵⁵ Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гум. науки. 2013. №3. С. 243–256.

⁵⁶ См.: Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России М., 2011; Малинова О. Коммеморация.. С. 6–12; Миллер А. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. статей. М., 2002. С. 7–32.

в историографии существуют различные подходы в трактовке названных выше понятий. Одни авторы склонны к «узкому» пониманию политики памяти, выраженному в фокусировке на деятельности государства или политических элит, другие придерживаются более широкой трактовки, включающей в число акторов также гражданское общество и деятелей сферы культуры⁵⁷.

Именно в связи с тем, что в современной российской науке существуют разные интерпретации одних и тех же терминов и понятий в области изучения политики памяти, целесообразно пояснить, какой смысл вкладывается в них в настоящей диссертации.

Историческая память — это «сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно — как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях»⁵⁸.

При этом память опосредована и, по мнению ведущих исследовательниц *media memory* А. Эрл и Э. Ригней, передаётся внутри и между поколениями, становится «продуктом публичных актов воспоминаний», использующих различных посредников (*media*) от поколения к поколению, от акторов памяти к её реципиентам, общественным группам. К таким *посредникам памяти* относятся: устная и письменная история, изображения, музеи, историческая живопись, историография, документальные фильмы, памятники и памятные ритуалы⁵⁹. В качестве посредников памяти в диссертации также рассматриваются мемориальные доски, топонимические названия, корпус краеведческой литературы (в том числе художественной), организации

---

⁵⁷ Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб., 2020; Verovšek P.J. Collective memory, politics, and the influence of the past. 2016. Vol. 4. № 3. P. 535.

⁵⁸ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 10.

⁵⁹ Erl A., Rigney A. Literature and the Production of Cultural Memory: Introduction // European Journal of English Studies. 2006. Vol. 10, №2. P. 111–115. P. 111; Erl A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // Cultural Memory Studies. Berlin, New York, 2010. P. 389.

(лекторское бюро, общество «Знание», книжное издательство, телевидение, СМИ), часто⁶⁰ зависимые от акторов памяти и не имеющие агентности.

Под *актором* политики памяти, или мнемоническим актором, согласно определению М. Бернхарда и Я. Кубика, следует понимать общественно-политические силы, заинтересованные в «специфическом понимании истории»⁶¹. В связи с этим в качестве акторов могут выступать политические партии, общественные организации, профессиональные сообщества и даже отдельные личности.

Историческая политика – это особая конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей партии»⁶². В свою очередь историческая политика рассматривается как частный случай *политики памяти*, под которой понимается «деятельность государства и других акторов направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формировании поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования»⁶³.

Согласно определению О.Ю. Малиновой и А.И. Миллера, *мнемонический режим* – это «доминирующая модель политики памяти, которая существует в данном обществе в данный момент в отношении

---

⁶⁰ Вместе с тем нельзя не отметить, что в начале советской истории Калининградской области, когда формировался региональный исторический нарратив, некоторые посредники могли быть участниками этого процесса, поскольку многие задачи выполнялись ими впервые (например, музейные сотрудники, работавшие над созданием исторической экспозиции, или лекторы, представлявшие первичные тексты выступлений своим коллегам для рецензий).

⁶¹ Bernhard M., Kubik J. A Theory of the Politics of Memory // Twenty Years after Communism: The Politics and Commemoration. Oxford, 2014. P. 11.

⁶² Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. М., 2002. С. 19).

⁶³ Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб., 2021. С. 15.

конкретного исторического события или процесса, имеющего важные последствия»⁶⁴.

Региональное историко-культурное наследие в настоящем исследовании интерпретируется как совокупность материальных и интеллектуально-духовных ценностей, а также воззрений довоенного и советского времени, обладающих физической, исторической, эстетической и символической важностью, сохранившихся на территории бывшей германской провинции после окончания Второй мировой войны и созданных в области в послевоенные десятилетия: рукотворный ландшафт, здания и сооружения, памятники истории и культуры, архивные, библиотечные, музейные собрания и экспозиции, художественная и краеведческая литература, топонимика, памятные места, связанные с историческими событиями, биографией деятелей истории, литературы, науки и искусства.

Под *историческим нарративом* имеется в виду определенная модель, «в общих чертах описывающая те или иные исторические события и фиксирующая особенности их репрезентации в исторической памяти и оценочные характеристики». *Официальным нарративом* обычно называется «принятое на государственном уровне видение истории»⁶⁵. Исторический нарратив является предметом изучения с целью исследования прошлого, формой репрезентации которой он является⁶⁶.

Репрезентация — это не прямое (в отличие от презентации) создание образа чего-либо, которое даёт представление об объекте через идеи и другие образы.

Под *коммеморацией* понимается процесс отбора того, что подлежит «вспоминанию» и «забвению». Среди *коммеморативных практик* обычно

---

⁶⁴ Там же. С. 32.

⁶⁵ Булавин А.В. Исторический нарратив в междисциплинарных исследованиях: проблемы и критерии определения понятия // Центр и периферия. 2021. № 2. С. 6.

⁶⁶ Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология & философия науки. 2012. Т. XXXI. №1. С. 157–173.

выделяют организацию праздников, установку или демонтаж памятников, создание музеев и мемориалов, номинацию и реноминацию в публичных пространствах и т.д.⁶⁷

Мемориальный (или меморативный) *ландшафт* рассматривается как вид культурного (т.е. изменённого в результате хозяйственной деятельности человека) ландшафта, который относится к сфере культуры памяти⁶⁸.

Научная новизна заключается в том, что в представленной диссертации впервые в региональной историографии предпринята попытка комплексного исследования политики памяти в Калининградской области, охватывающего весь советский период истории.

В научный оборот введён и систематизирован большой массив неопубликованных архивных документов, которые позволяют по-новому взглянуть на проблемные вопросы в интерпретации прошлого края, детализировать неофициальные и альтернативные непубличные способы изучения и сохранения историко-культурного наследия, продемонстрировать влияние политики памяти на формирование калининградской идентичности.

Кроме того, в работе впервые целостно проанализировано воздействие политики памяти на ранее малоизученные в региональном контексте аспекты историко-культурного наследия. Среди них музейные исторические экспозиции, являвшиеся важным транслятором идеологических установок относительно прошлого; особенности и нормы калининградского топонимизма; визуальная репрезентация советского урбанистического пространства и использованные для этого приёмы; литературное художественное произведение как результат взаимодействия внутренней и внешней цензуры; дискуссии о судьбах и состоянии памятников истории и культуры.

---

⁶⁷ Малинова О. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. №4. С. 6–12.

⁶⁸ Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022. Т. 34, № 1. С. 72.

Научно-практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что оно разрабатывает такие аспекты новейшей региональной истории, которые до сих пор оставались в значительной мере вне поля внимания историков. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории Калининградской области, в учебных и справочных изданиях, экскурсионной литературе, а также на лекционных и семинарских занятиях в рамках вузовского преподавания курсов по региональной истории.

Апробация работы. Основные результаты исследования и выносимые на защиту положения диссертации были опубликованы в 19 научных работах в т.ч. в 6 статьях, напечатанных в изданиях, входящих в Перечень, утверждённый ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ⁶⁹, и 9 статей в изданиях международных реферативных баз данных и систем цитирования.

Результаты и выводы исследования были представлены в виде докладов на 2 международных летних школах “Identities and Cultural Memory of East and West in the Baltic Sea Region” (Stockholm, Gdansk, 2017) и “German Heritage in Eastern Europe. Comparing Narratives, Finding, New Perspectives” (Tallinn, 2019), международном симпозиуме «Проект “Уралмаш”: культурное будущее [пост]индустриальных городов» (Екатеринбург, 2017), международном научно-практическом форуме «Без срока давности. Преступления нацистов против человечности: история и современность» (Светлогорск, 2023), а также

---

⁶⁹ Региональная история в экспозиции Калининградского историко-художественного музея (1946 — 1991) // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гум. исследования. № 2. 2019. С. 67–75; Историческая память о советских военнопленных и «остарбайтерах» в экспозиции Калининградского историко-художественного музея 1960–1980-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 4. 2021. С. 99–108; Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950–1970-е годы). Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гум. науки. 2022. № 3. С. 49–58; «Молодой цветущий край»: особенности репрезентации городского ландшафта Калининграда в фотодокументах советской эпохи // Новое литературное обозрение. 2022. № 2. С. 132–142; Форт № 5 в исторической памяти калининградцев // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гум. и общ. науки. 2022. № 4. С. 70–82; «Давайте проделаем небольшой эксперимент»: письма жителей СССР о переименовании Калининграда в 1991–1992 гг. // Новое прошлое. 2022. № 4. С. 236–258.

еще на 2 региональных, 5 всероссийских и 9 международных научных конференциях, включая «Конструируя “советское”?: политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (Санкт-Петербург, 2016), «Смольные чтения» (Санкт-Петербург, 2017–2019, 2021); «История и память» (Санкт-Петербург, 2018 г.), “Heritage Across Borders: Association of Critical Heritage Studies” (Китай, Hangzhou, 2018), “The Third Annual Memory Studies Association Conference” (Madrid, 2019), «НОМО LOQUENS: логика — язык — культура» (Калининград, 2019) в 2016–2023 гг.

Структура исследования. Текст диссертации состоит из четырёх глав и организован по хронологическому принципу. В первой главе рассматривается политика памяти на территории Калининградской области в первое послевоенное десятилетие (1945–1956), во второй — конструирование исторической памяти в области в период хрущёвской оттепели (1956 — середина 1960-х), в третьей — мемориальный ландшафт края в период «эпохи застоя» (конец 1960-х гг. — первая половина 1980-х), в четвёртой главе уделяется внимание смене исторического нарратива в условиях перестройки (1985–1991). В каждой из глав анализируются процессы складывания и изменения регионального исторического нарратива, топонимические практики, формирование символического и архитектурного пространства, а также отношение к довоенному и советскому историко-культурному наследию.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политика памяти, осуществлявшаяся в Калининградской области в 1945–1991 гг., в целом соответствовала общесоюзному идеологическому курсу и принятым в СССР практикам коммеморации. Вместе с тем основные противоречия и сложности в реализации политики памяти в регионе состояли в том, что в результате послевоенного изменения государственных границ новая область была образована на территории северной части бывшей немецкой провинции Восточной Пруссии, оставившей после себя специфическое культурное наследие, с самого начала признанное

идеологически чуждым и даже враждебным советскому человеку. Однако по мере знакомства с краем и освоения новой территории, довоенное наследие частично стало включаться в культурный опыт переселенцев.

2. Наиболее действенным способом адаптации и включения в массовое сознание советских переселенцев знаний и представлений об истории края послужил нарратив о русском присутствии в Юго-Восточной Прибалтике в прошлом. Он включал такие исторические сюжеты, как борьба с крестоносцами, Великое посольство Петра I, управление Восточной Пруссией русскими губернаторами в годы Семилетней войны, события Наполеоновских войн. Такой подход способствовал также установлению в историческом сознании калининградцев ощутимой связи между историей своего Отечества и довоенным прошлым края, которое только на первый взгляд казалось совершенно чужим.

3. Новый мемориальный ландшафт области в советское время формировался посредством разных инструментов и способов действий: уничтожения, умолчания, перекодировки, адаптации, приспособления, создания и пропаганды нового. На протяжении нескольких первых десятилетий основными акторами на этом поле были региональные власти. Тем не менее, начиная со времен оттепели, в калининградском социуме появляются отдельные граждане, небольшие общественные и профессиональные группы, чье отношение к историко-культурному наследию, прежде всего довоенному, в какой-то степени отличалось от провозглашаемых официально установок. Эти представители калининградской интеллигенции ратовали за сохранение довоенного культурного наследия, прибегая к использованию ведомственных и профессиональных связей, а также обращаясь по таким поводам в органы власти, центральную и местную прессу. Провозглашение гласности во второй половине 1980-х гг. продемонстрировало, что иное восприятие регионального наследия, аккумулировавшееся в интеллигентской среде, обладает

потенциалом, способным внести коррективы в утвердившийся ранее официальный подход к прошлому.

4. На протяжении почти всего исследуемого периода особенностью официальной региональной политики памяти являлось обесценивание и вытеснение советского исторического наследия, что обосновывалось его принципиальной чуждостью (классовой, идеологической и этнокультурной), существующей в стране общественно-политической системы. В то же время представители союзных и республиканских органов управления культурой, академических учреждений и руководители творческих союзов время от времени высказывались за сохранение тех или иных архитектурных и мемориальных объектов довоенного прошлого, считая, что они придают своеобразие культурному облику края. Вместе с тем и в составе местных партийных и советских органов власти иногда имелись различия в мнениях относительно тех или иных конкретных шагов в реализации политики памяти (например, в случаях Кёнигсбергского замка, Кафедрального собора), арбитром в таких случаях становились вышестоящие инстанции.

5. Главенствующей темой в региональном историческом нарративе стала победа советского народа в Великой Отечественной войне, что полностью соответствовало общему для всей страны вектору в развитии политики памяти. Для калининградцев это событие имело особую значимость, так как именно оно привело к «рождению» Калининградской области. Тема Великой Отечественной войны и Победы всегда доминировала в коммеморативных практиках, монументальной пропаганде, топонимике и репрезентации прошлого края в прессе, музейных экспозициях и краеведческой литературе. Это место ядра культурной памяти калининградцев и их общественного сознания не смог поколебать даже произошедший в годы перестройки пересмотр некоторых утвердившихся ранее установок и коммеморативных практик в сфере политики памяти (например, в отношении довоенного прошлого).

Глава 1. Политика памяти на территории Калининградской области в 1945–1956 гг.: трансформация культурного ландшафта

В послевоенном советском историческом нарративе так же, как и в предшествующие десятилетия, важную роль играла Октябрьская революция, в результате которой возникло Советское государство. Весьма значимыми оставались также сюжеты, связанные с победами русского оружия в разные времена. Кроме того, как заметил В.В. Бушуев, при расширении ключевого пространства «“патриотического” (государственнического) дискурса» проходило постепенное сокращение «“интернационалистического” дискурса советской идеологической палитры»⁷⁰, что оказало непосредственное влияние на особенности политики памяти в Калининградской области.

В данной главе будут рассмотрены основные компоненты регионального исторического нарратива, проблемы их формирования и интерпретации в периодической печати, деятельность лекторского бюро, содержание художественной литературы и изобразительного искусства. Учитывая, что политика памяти проявлялась и визуально в урбанистическом ландшафте, будет уделено внимание методам «советизации» городской среды Кёнигсберга посредством топонимических практик, архитектурных проектных решений, а также вытеснения немецких символов и памятников и замены их традиционными для советского пространства.

1.1. Формирование регионального исторического нарратива в системе просвещения, прессе и художественной культуре

Первые представления об истории Восточной Пруссии стали формироваться ещё в период Великой Отечественной войны. Источниками информации о прошлом края служили специальные справочники для военных

---

⁷⁰ Бушуев В.В. Указ. соч. С. 124.

и советская периодическая печать. Так, в небольшом издании, подготовленном издательством Наркомата обороны для офицерского состава Красной армии в 1944 г., наряду с общими сведениями по географии и экономике освещались некоторые исторические вопросы. Автор справочника В.И. Глебов⁷¹ называл пруссов литовским племенем, значительную часть земель которого в XIII в. захватил Тевтонский орден, подвергший их истреблению. Всего на нескольких десятках страниц брошюры нашлось место упоминаниям о Грюнвальдской битве 1410 г., Прусском королевстве, периоде XVIII — XX вв. В целом повествование было лишено явного идеологического окраса и преимущественно снабжало читателей фактической информацией. Кёнигсберг был описан не более как «главный город провинции Восточная Пруссия»⁷².

Иной подход был характерен для публикаций в прессе. По мере наступления советской армии, с осени 1944 г. и в первые месяцы 1945 г., для поддержания боевого духа солдат фотографы, художники и корреспонденты центральных и фронтовых газет, в числе которых были А.Т. Твардовский и И.Г. Эренбург⁷³, прилагали усилия для формирования у читателей негативного образа этой восточной провинции Германии. Описывая разрушения и разорение немецкой территории, военные корреспонденты показывали, что это — неизбежная расплата немецких агрессоров и торжество справедливости⁷⁴. Одним из выразительных приёмов пропагандистов стало использование зооморфной метафоры. Как отмечает А.М. Сологубов, Восточная Пруссия стала называться «логовом, берлогой, питомником (осиным, змеиным, звериным, разбойничьим). Её жители — скотоводы,

---

⁷¹ Глебов В.И. Восточная Пруссия: краткий справочник. М., 1944.

⁷² Там же. С. 46.

⁷³ Сологубов А.М. Формирование образа Восточной Пруссии советской военной пропагандой и его использование в послевоенное время // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гум. и общ. науки. 2011. Вып. 12. С. 76.

⁷⁴ Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 9.

живодёры, псы, хищники, волки, разбойники»⁷⁵. На следующий же день после завершения штурма Кёнигсберга корреспондент газеты «Комсомольская правда» майор А. Красов писал: «Тысячи наших пушек в течение двух часов громили змеиное гнездо пруссаков», солдаты шли «всё дальше в самое сердце прусского разбойничьего гнезда»⁷⁶. Впоследствии этот приём из военной пропаганды станет часто использоваться для описания событий, произошедших на этой территории во время заключительного этапа войны.

В 1945 г. по горячим следам штурма Кёнигсберга в центральном органе ЦК ВКП(б) газете «Правда» подполковником В. Величко была опубликована первая статья, которая касалась непосредственно истории Пруссии. В ней Кёнигсберг — это «история преступлений Германии» и город, который «жил разбоем», не ведая иного пути⁷⁷. По мнению исследователя региональной политики памяти Ю.В. Костяшова, текст стал «своего рода официальной установкой отношения к прошлому этой германской провинции»⁷⁸.

Принятая в нашей стране периодизация истории прусских земель — заслуга профессора МГУ Н.П. Грацианского. 19 сентября 1945 г. в Москве он прочитал лекцию о Кёнигсберге, разбив её на темы: «Кёнигсберг — опора немецкого разбоя в Пруссии и Литве. Его история до первой половины XVII века», «Русские в Кёнигсберге в период Семилетней войны», «Роль Кёнигсберга как очага германской агрессии в XIX веке» и «Падение кёнигсбергской торговли и попытка возродить былое значение кёнигсбергского порта»⁷⁹.

Историк достаточно подробно описал прошлое Пруссии, используя язык публицистических преувеличений. Так, по мнению Н.П. Грацианского, тевтонские рыцари с образованием герцогства превратились в «светских

---

⁷⁵ Сологубов А.М. Указ. соч. С. 78.

⁷⁶ Красов А. Кёнигсберг пал! // Комсомольская правда. 1945. 10 апреля. С. 2.

⁷⁷ Величко В. Падение Кёнигсберга // Правда. 1945. 13 апр. С. 3.

⁷⁸ Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 10.

⁷⁹ Грацианский Н.П. Кёнигсберг: стенограмма публичной лекции, прочитанной 19 сентября 1945 года в Лекционном зале в Москве. М., 1945. С. 2.

крупных помещиков, от которых произошли тупоголовые и алчные прусские юнкеры»⁸⁰. В завершающей части лекции автор обосновал отторжение Кёнигсберга от Германии «всей предыдущей историей города» и стремлением покончить с очагом агрессии на Балтике — ведь в советских руках Кёнигсберг «никому не будет грозить»⁸¹.

В 1947 г. текст этой лекции был перепечатан в четырёх номерах газеты «Калининградская правда»⁸², а её основные тезисы легли в основу канона интерпретации довоенной истории Восточной Пруссии. На протяжении нескольких десятилетий выводы Н.П. Грацианского будут использоваться партийными деятелями, лекторами и журналистами.

Долгое время для калининградцев региональные газеты были главным источником знаний об истории края и современности. В 1947 г. в Калининградской области насчитывалось почти два десятка периодических изданий⁸³. Тем не менее только «Калининградская правда», будучи печатным органом Калининградских обкома и горкома ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся, была директивным изданием для других СМИ и прочих общественных институтов — в том числе и в вопросах исторических трактовок. Современникам она виделась как «коллективный пропагандист, агитатор и организатор»⁸⁴. С первых выпусков на её страницах стало формироваться и транслироваться знание о довоенном прошлом края.

Уже во втором номере газеты, в декабре 1946 г., автор заметки П. Живилин предвосхитил рассказ о колхозах Багратионовского района

---

⁸⁰ Там же. С. 5.

⁸¹ Там же. С. 17

⁸² Грацианский Н.П. Кёнигсберг — опора немецкого разбоя // Калининградская правда. 1947. 13 сен., 16 сен., 18 сен., 22 сен.

⁸³ Давиденко А.А., Мегем М.Е. «Политически целеустремленные, идейно-содержательные и литературно грамотные местные передачи»: новостная повестка Калининградской области в 1947 году // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гум. и общ. науки. 2021. Вып. 4. С. 59.

⁸⁴ Бутовская С.Г. Калининград: Иллюстрированный очерк. Калининград, 1959. С. 23. Кроме того, эта цитата — парафраз слов В.И. Ленина из статьи 1901 г. (Ленин В.И. С чего начать? / Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 5. С. 11).

историческим экскурсом, посвящённым эпизоду Наполеоновских войн — битве при Прейсиш-Эйлау 1807 г., когда французы, как утверждалось в заметке, потерпели поражение в бою с русскими соединениями. П. Живилин далее объяснял, что, поскольку русским войском под Прейсиш-Эйлау командовал «славный патриот своей родины» генерал П.И. Багратион, в честь него и был назван новый район Калининградской области⁸⁵.

Кроме статей со вставками исторических сюжетов, «Калининградская правда» печатала и полноценные очерки о прошлом края, но повествование в них носило схематический характер. Так, в 1948 г. лектор политотдела Калининградского областного управления по гражданским делам Г. Попов предложил свою версию истории края, которая начиналась практически как легенда: «В седую старину на этих землях жили предки советского народа — славянские и литовские племена. Их земли были цветущими и богатыми, но жили они разобщённо»⁸⁶. Отсутствием взаимовыручки воспользовались крестоносцы, которые, прибегая к «неслыханным зверствам», сожгли деревни и укрепились в Пруссии. Вероятно, эта часть текста была вольным пересказом известной цитаты из К. Маркса⁸⁷.

Местная история освещалась сквозь призму побед русского оружия на территории, ставшей Калининградской областью. Одна из первых попыток объединить в одной газетной публикации несколько событий, происходивших на протяжении длительного периода между XVII и XX вв., принадлежит А. Лапину. Его статья была приурочена к 190-летию со дня первого взятия Кёнигсберга русскими войсками и была озаглавлена фразой, приписываемой А.В. Суворову: «Русские прусских всегда бивали». Стремление к выпуску публикаций в честь юбилеев, по наблюдениям историков М.Е. Мегема и М.В. Филёва, было свойственно локальным СМИ советского периода: таким

---

⁸⁵ Живилин П. На новой советской земле // Калининградская правда. 1946. 13 дек. С. 4.

⁸⁶ Попов Г. Наша область // Калининградская правда. 1947. 25 янв. С. 2.

⁸⁷ Так, у К. Маркса: «К концу XIII столетия цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи» (Архив Маркса и Энгельса. Т. 5. М., 1938. С. 344).

способом «региональную проблематику пытались связать с отечественной историей в целом»⁸⁸. Вероятно, в частности и поэтому, журналист А. Лапин вставил в подробное описание Гросс-Егерсдорфского сражения 1757 г. ремарку о том, что одно название прусского места «многое говорит русскому сердцу»⁸⁹.

Следуя за темой русских побед, А. Лапин далее переносил читателя в 1813 г., когда русские войска вновь оказались в Кёнигсберге. Этот эпизод он раскрывал через воспоминания П.С. Степанова — участника сражения при Прейсиш-Эйлау, знавшего немецкий язык и назначенного городничим Кёнигсберга, которые стали известны благодаря публикации, подготовленной правнуком городничего⁹⁰. Показательно, что, учитывая доминирующий антифранцузский контекст происходивших событий, А. Лапин нарочито выбрал для своего повествования из воспоминаний городничего фрагмент с критикой немцев: «Хотя мы воюем с французами, но они относятся к нам гораздо лучше льстивых и подлых прусских бюргеров, которые, кланяясь на улице в пояс, всегда готовы убить русского человека»⁹¹.

Нетривиально А. Лапин подошёл и к освещению Великой Отечественной войны, увязав её с событиями Первой мировой. Известно, что в советской историографии война 1914–1918 гг. считалась «империалистической», и никто из создателей локального исторического нарратива до А. Лапина прежде к ней не обращался⁹². Однако журналист нашёл символический артефакт, который помог придать смысл упоминанию о

---

⁸⁸ Мегем М.Е., Филёв М.В. «Сверх плана»: роль региональных СМИ в формировании сознания советского человека // «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области. Калининград, 2022. С. 193.

⁸⁹ Лапин А. Русские прусских всегда бивали // Калининградская правда. 1948. 11 янв. С. 4.

⁹⁰ Степанов А.Н. История моего прадеда, городничего Кенигсберга // Смена. 1945. № 5. С. 13.

⁹¹ Лапин А. Указ. соч. С. 4.

⁹² Упоминания были у профессора Н.П. Грацианского и историка А.Е. Ерусалимского (См. Ерусалимский А.С. Ликвидация Прусского государства: стенограмма публичной лекции, прочитанной 31 марта 1947 г. в Лекционном зале в Москве. М., 1947. С. 14–15).

Восточно-Прусской операции 1914–1915 гг.: он заявил, что в 1944 г. советские войска, проходя через лесной массив Роминтен (будущий Нестеровский район Калининградской области), в одном из флигелей «охотничьей дачи Геринга»⁹³ обнаружили некую «книгу священнописания». В книге пулемётчики 111-го пехотного Донского полка Русской императорской армии в начале века зафиксировали факт своего пребывания в одной из комнат охотничьей резиденции⁹⁴. По словам рассказчика, через 40 лет советские солдаты добавили ещё одну надпись: «В этой комнате второй раз русские воины были в октябре 1944 г.»⁹⁵. Так журналист «Калининградской правды» смог, обращаясь к мемуарам свидетелей событий, осветить ряд исторических сюжетов, которые, за исключением Первой мировой войны, станут обязательными составными частями нарратива о довоенном периоде Калининградской области.

Другим неизменным компонентом историописания в позднесталинский период стало суждение о «славянской земле», под которым понималось то, что с древнейших времен территория Прибалтики была заселена славянами и близкими к ним племенами.

Как было убедительно показано И.О. Дементьевым, тезис о славянской земле был не нов для российской пропаганды — в частности, его использовали в период Первой мировой войны⁹⁶. Вновь его взял на вооружение И.В. Сталин на международных конференциях антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. 1 декабря 1943 г. в Тегеране на

---

⁹³ Изначально охотничья усадьба кайзера Вильгельма II, построенная в 1893 г. в Норвегии и перевезённая впоследствии в Роминтенскую пушчу. Сохранившие после Второй мировой войны части усадьбы были перевезены в калининградский ЦПКиО им. М.И. Калинина.

⁹⁴ В январе–феврале 1915 г. 111-й пехотный Донской полк входил в 20-й армейский корпус Русской императорской армии. Он действительно принимал участие в сражениях на обозначенной территории. В тяжёлых боях под городом Августовом (современная территория Польши) полк понёс большие потери.

⁹⁵ Лапин А. Указ. соч. С. 4.

⁹⁶ Дементьев И.О. «Древние славянские имена» Восточной Пруссии в российской пропаганде начала Первой мировой войны // Калининградские архивы. Калининград, 2016. Вып. 13. С. 34–41.

встрече лидеров СССР, США и Великобритании он, обосновывая необходимость присоединения Кёнигсберга, Мемеля и соответствующей части Восточной Пруссии к РСФСР после войны, упомянул, что «русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. <...>. Тем более, что исторически это исконно славянские земли»⁹⁷.

Между тем пруссы не были славянами. Региональные исследователи склонны полагать, что И.В. Сталин мог почерпнуть эти знания из работы «Хронологические выписки» К. Маркса, которая, в свою очередь, была конспектом «Всемирной истории» Ф. Шлоссера. По распространённой версии, пруссы были названы славянскими племенами, видимо, из-за ошибки редактора выписок К. Маркса⁹⁸. Между тем И.О. Дементьев предполагает, что на представления верховного главнокомандующего повлияли «усвоенные советским вождем в молодости представления о прошлом этой земли»⁹⁹. Кроме того, истоки «славянского тезиса» можно найти в «Древней российской истории» М.В. Ломоносова¹⁰⁰.

Сталинский тезис довольно часто воспроизводился в средствах массовой информации¹⁰¹. Историк И.В. Литвиненко, в частности, упоминает о

---

⁹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. М., 1978. С. 167.

⁹⁸ Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996. С. 482; Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002. С. 453.

⁹⁹ Имеется в виду, что на представления могла повлиять интерпретация прошлого Восточной Пруссии, сложившаяся в российской пропаганде начала Первой мировой войны (Дементьев И.О. «Древние славянские...». С. 36).

¹⁰⁰ Ломоносов М.В. Древняя Российская история // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 205–209.

¹⁰¹ Следует отметить, что параллельно ряд учёных отстаивал тезис о литовском происхождении пруссов. См.: Ерофеев Н., Хейфец Ф. Восточная Пруссия. Справка (в помощь слушателям школ партактива). М., 1945.; Перцев В.Н. Пруссия до ее завоевания немцами // Исторический журнал. 1944. № 4. С. 44–52; Базилевич К.В. Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков // Правда. 1945. 31 мая. С. 3; Косминский Е.А. Исторические судьбы Восточной Пруссии // Правда. 1945. 2 фев. С. 4; Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. Новая серия, т. XV. М., 1951.

двух киноочерках 1949 г. и 1951 г.¹⁰², более чем о десяти публикациях в центральных и местных газетах, а также нескольких художественных произведениях, где тиражировалось это высказывание¹⁰³.

Помимо этого, о славянском происхождении пруссов говорилось в трудах археологов¹⁰⁴. С 1949 по 1951 г. в области действовал отряд Славянской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР под руководством Ф.Д. Гуревич¹⁰⁵. Его появлению предшествовало совещание специалистов, на котором было решено изучать Прибалтийский регион с археологической точки зрения, а также уточнить хронологию событий и связей Прибалтики с Древней Русью¹⁰⁶. Глава археологического отряда в Калининградской области Ф.Д. Гуревич видела задачу экспедиции в следующем: «Изучить культуру и быт народов, населявших территорию области в первом тысячелетии нашей эры»¹⁰⁷.

За три года работы в Калининградской области участники экспедиции изучили более 30 поселений древних людей с I по XII — XIII в. н. э. Детально был исследован посёлок Грачевка недалеко от Светлогорска. Тщательная работа советских археологов в прессе противопоставлялась всем предшествующим раскопкам немецких археологов, которые, по словам

---

¹⁰² Документальные фильмы «Калининград» (1949) и «Пять лет Калининградской области» (1951).

¹⁰³ Литвиненко И.В. Историки и советская пропаганда: славянский мираж на территории бывшей Восточной Пруссии // Калининградские архивы. 2016. Вып. 13. С. 75–76.

¹⁰⁴ Там же. С. 77–79.

¹⁰⁵ По данным С.А. Коваль, Ф.Д. Гуревич также была в Калининграде в 1946 г. Целью её визита было формирование общего представления об актуальном состоянии археологических памятников Восточной Пруссии. Археологическая деятельность отряда под руководством Ф.Д. Гуревич была также продолжена в 1956–1959 гг. (Коваль С.А. Материалы работ Калининградского отряда Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР (1949–1958 годы) // Время музея. 2021. Вып. 4. С. 229).

¹⁰⁶ Суворов В.С. Древняя история края в исследованиях 1940–1960 годов // Калининградские архивы. 1998. Вып. 1. С. 116.

¹⁰⁷ К итогам работы археологической экспедиции. Беседа с руководителем экспедиции Ф.Д. Гуревич // Калининградская правда. 1951. 21 окт. С. 2.

Ф.Д. Гуревич, «умышленно фальсифицировали историю, подгоняя факты под свою теорию “превосходства немецкой расы”»¹⁰⁸.

Анализ городищ и найденных на их территории злаковых культур, сельских орудий труда, (например, лемех сохи) и монет позволил археологам сделать вывод, что древние жители Калининградской области обладали «передовой для того времени культурой земледелия», имели торговые связи с Римом, использовали железную руду и одновременно являлись скотоводами и воинами. Что касается их этнического происхождения, то на основе орнамента керамики, особенностей земледелия и принципов домостроительства, Ф.Д. Гуревич сделала вывод о «славянском происхождении народа, жившего на территории Калининградской области» и указала на «родственность его славянам, жившим на территории Смоленской области, Белоруссии и Польши, с одной стороны, и на общие черты культуры с литовскими племенами, жившими в то время на территории Литвы»¹⁰⁹.

Специалисты отмечают, что для археолога Ф.Д. Гуревич были характерны «очень аккуратное оперирование фактами» и «осторожные высказывания», что подтверждает и формулировка, в которой она сделала описанный вывод¹¹⁰. Отсутствие прямого отождествления пруссов и славян, как замечает И.В. Литвиненко, не препятствовало тому, чтобы в июле 1951 г. в «Калининградской правде» появились анонимные статьи, сообщавшие о том, что в ходе раскопок под руководством Ф.Д. Гуревич «были обнаружены следы городища древних славян»¹¹¹. В дальнейшем в своих научных работах Ф.Д. Гуревич понимала под пруссами «сборное имя для западно-балтийских племен»¹¹², как это общепринято и до сих пор.

Что касается самой последней на тот момент главы истории края — Восточно-Прусской операции 1945 г. и штурма Кёнигсберга, — то эти

---

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Коваль С.А. Указ. соч. С. 236; Литвиненко И.В. Указ. соч. С. 80.

¹¹¹ Литвиненко И.В. Указ. соч. С. 80.

¹¹² Цит. по: Коваль С.А. Указ. соч. С. 236

события в прессе 1940–1950-х гг. освещались не часто. М.Е. Мегем объясняет это «большой осторожностью» местных властей в обращении с региональным историческим нарративом¹¹³.

К главным итогам событий 1945 г. журналисты относили конец истории Восточной Пруссии и законное присоединение её части к РСФСР. Констатация завершённости немецкого периода была также частью общего исторического повествования. Она достигалась с помощью разных формулировок («она ликвидирована», «прусское государство уничтожено навсегда», «разбойничья роль Кёнигсберга закончилась», «ныне Восточной Пруссии не существует», «навсегда вернули эти исконно славянские земли их настоящим хозяевам»), а правомерность произошедших перемен обеспечивалась ссылкой на решения Потсдамской (Берлинской) конференции трёх победивших держав¹¹⁴. Масштабное значение событий Восточно-Прусской операции 1945 г., разделившей весь ход истории на этой территории на до и после, без труда считывалось современниками. Как спустя десятилетия вспоминала журналистка Н. Боровская, «часы истории на этой земле пущены с 45-го года»¹¹⁵.

Дополнительным ресурсом исторических знаний для новоприбывших калининградцев стали выступления работников лекторских организаций. Уже в 1946 г. в отчётном докладе о работе политотдела Управления по гражданским делам Калининградской области упоминается деятельность собственной лекторской группы, а также лекторов из ЦК ВКП(б). В сумме двумя этими группами был охвачен 25 721 слушатель, что при численности

---

¹¹³ Мегем М.Е., М.В. Филёв «Сверх плана»... С. 194.

¹¹⁴ Пахомовский Н. Приятные сердцу места // Калининградская правда. 1948. 18 янв. С. 3; Лапин А. Указ. соч. С. 4; Грацианский Н.П. Кёнигсберг – опора немецкого разбоя // Калининградская правда. 1947. 22 сен. С. 2; Зеленцов Н. Разгром гитлеровских войск в Восточной Пруссии // Калининградская правда. 1950. 9 апреля. С. 2; Григорьев Б. Суворов в Кёнигсберге // Калининградская правда. 1950. 17 мая 1950. С. 3; Георгиев А. Древняя славянская земля // Калининградская правда. 1949. 12 янв. С. 4.

¹¹⁵ Боровская Н. Память: оковы или тайна спасения? // Запад России. 1992. № 1. С. 164.

населения на 1 января 1947 г. около 278 тыс. человек¹¹⁶ составляло 9,2 % населения. Однако следует учитывать, что при районных и городских гражданских управлениях действовали свои группы лекторов численностью до 10–15 человек¹¹⁷. К концу 1940-х — началу 1950-х гг. количество лекторских групп в области удвоилось, а прочитанные лекции стали исчисляться многими тысячами¹¹⁸.

Спектр тем для выступлений был весьма широк. В позднесталинский период лидирующие позиции занимали сюжеты, связанные с деятельностью партии и непосредственно с фигурой её вождя И.В. Сталина, а также с текущей международной ситуацией. Позже, к примеру в архивных делах Областного лекторского бюро за 1955 г., встречаются более разнообразные темы: от гнездовой посадки картофеля и гигиены жилища колхозника до происхождения человека и дружбы А.И. Герцена с Н.П. Огарёвым¹¹⁹.

Несмотря на разнообразие материалов, лекторы неохотно брались за освещение исторических (и особенно краеведческих) тем. Ю.В. Костяшов, проанализировав несколько сотен тем лекторских выступлений, пришёл к выводу, что местная специфика была отражена лишь в 2–5 % из них¹²⁰. О том, что лекторы обкома мало выступают на «историко-партийные темы», упоминал в июне 1948 г. секретарь горкома ВКП(б) И. Матузков в справке об восстановлении Калининграда, адресованной инспектору ЦК ВКП(б) М.А. Шамбергу¹²¹. Это можно объяснить тем, что среди забот лекторов была не только подготовка доступных для понимания аудитории сообщений и

---

¹¹⁶ Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1996. Т. 2. С. 85.

¹¹⁷ Отчёт политотдела управления по гражданским делам Калининградской области / публ. В.Н. Маслова, В.А. Грицаенко // Калининградские архивы. 2013. Вып. 10. С. 190.

¹¹⁸ См.: Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 48.

¹¹⁹ ГАКО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 43. Л. 30–31, 52–52об, 121–122.

¹²⁰ Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 49.

¹²¹ Справка об освоении города Калининграда 1948 г. / Кёнигсберг — Калининград... // Калининградские архивы. 2001. Вып. 3. С. 223.

организация их содержания в логическом порядке, но и трансляция актуальной и идеологически выверенной информации. В условиях отсутствия крупных советских работ по истории региона, недостаточной обеспеченности библиотек и других учреждений области периодической печатью и книжным фондом, например собраниями классиков марксизма-ленинизма¹²², лекторские организации принимали участие в формировании локального исторического нарратива путём проб и ошибок.

В устной пропаганде лекторского бюро так же, как и в СМИ, важную роль занимала риторика о становлении Пруссии как милитаристского государства, первым и основополагающим шагом на пути к которому стало завоевание племён древних пруссов рыцарями Тевтонского ордена¹²³. Деликатность сюжета с самого начала проявлялась, например, в формулировках тем лекций. Так, в 1953 г. один из лекторов подготовил текст выступления под названием «Немецкая агрессия Восточной Пруссии в XIII в.». Однако рецензент В.С. Фёдоров предъявил к заголовку сразу две претензии: во-первых, автор выводил на передний план *агрессию* Тевтонского ордена, а не *борьбу* местного населения с ней¹²⁴, а во-вторых, не отделял немецкий народ от его «угнетателей» в лице «псов-рыцарей» и феодалов¹²⁵.

Спустя год уже сам В.С. Фёдоров оказался в центре внимания на совещании краеведческой секции бюро с материалом, охарактеризованным научным сотрудником областного краеведческого музея¹²⁶ Ю.Я. Цыганковым

---

¹²² Там же. С. 224.

¹²³ Она также была темой научных изысканий. См.: Риер Г.Я. Кёнигсберг XIII — начала XVI веков – оплот агрессии немецкого рыцарства в Прибалтике. Дис. канд. ист. наук. Ленинград, 1952.

¹²⁴ ГАКО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 31. Л. 249.

¹²⁵ Последний тезис был с соответствующей ссылкой заимствован из труда И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и, в частности, приказа наркома обороны от 23 февраля 1942 г. По мысли лидера СССР, между политическим режимом и народом неверно ставить знак равенства: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаётся» (Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Л., 1944. С. 43).

¹²⁶ Сейчас — Калининградский областной историко-художественный музей.

как «первая попытка дать краткий обзор истории Калининградской области на протяжении 700 лет»¹²⁷. Всеми присутствующими на собрании была отмечена ошибка В.С. Фёдорова, допущенная при констатации славянского происхождения пруссов. До 1953 г. ничего предосудительного в этом утверждении не было, но после смерти И.В. Сталина лекторы стали признавать лишь *влияние* славянской культуры на литовские и прусские племена за счёт развития экономических и культурных связей. В ответном слове лектор пояснил, что заимствовал эти данные из Большой советской энциклопедии (БСЭ)¹²⁸. Как замечает И.В. Литвиненко, несмотря на то что в научных, методических и отчасти пропагандистских публикациях тезис об «исконно славянских землях» развивался «крайне редко», он всё же проник именно в издание БСЭ 1953 г.¹²⁹

Разбор лекции В.С. Фёдорова также продемонстрировал, что специалисты лекторского бюро не всегда хорошо владели фактическим материалом и имели слабую теоретическую подготовку. В частности, рецензия Ю.Я. Цыганкова выявила некомпетентность В.С. Фёдорова в понимании сложности и комплексности исторических процессов, неосведомленность об основополагающих фактах наряду с несколькими «стилистическими погрешностями», которые вводили слушателей в заблуждение. Рецензент особо подчеркнул, например, что наличие монет из разных стран, найденных при раскопках, не обязательно свидетельствует о прямых торговых контактах с пруссами, а завоевание местных племён рыцарями связано не только с различиями в общественном строе, но и с отсутствием у пруссов союзников¹³⁰. Кроме того, лектор проявил неосведомлённость в инженерном деле, географии СССР и знании Конституции¹³¹. Несмотря на все ошибки, В.С. Фёдоров был одним из самых

---

¹²⁷ ГАКО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 31. Л. 87.

¹²⁸ Там же. Д. 37. Л. 92.

¹²⁹ Литвиненко И.В. Указ. соч. С. 82.

¹³⁰ Там же. Л. 87–89.

¹³¹ Там же. Л. 90.

активных лекторов и впоследствии стал секретарём краеведческой секции Областного лекторского бюро.

Важно также, что рассказ по истории региона, в зависимости от предпочтений лектора, мог быть усложнен за счёт дополнений, связанных не только с военным, но и культурным присутствием россиян на территории Пруссии. Такой подход можно видеть, например, в лекции В.А. Шарапова о прошлом, настоящем и будущем Калининграда, прочитанной 25 апреля 1951 г. в читальном зале областной библиотеки. Рецензент Зайцев отметил, что лектор «подробно и в доступной форме» изложил прошлое края. За 1 час 35 минут В.А. Шарапов рассказал о пребывании в Восточной Пруссии русской армии в 1758 г. и 1813 г., связях Кёнигсберга с Россией, превращении города в «плацдарм для нападения на Россию» и значении битвы за город в годы Великой Отечественной войны¹³². Высоко оценив качества лектора и его материала, рецензент среди прочего отметил, что в лекции недоставало фактов нахождения здесь «Петра I, Емельяна Пугачёва¹³³, А.В. Суворова, городничего Кёнигсберга Степанова, Маяковского¹³⁴ и т. п.».

Лекторы могли использовать немецкое прошлое как фон рассказа об успешном строительстве советской области. Например, материал лекции о природе Калининградской области было рекомендовано дополнить информацией о том, что восточнопруссские немцы не умели окрашивать янтарь — а калининградцы производят янтарь в целом спектре цветов: красный, розовый, голубой, синий, чёрный¹³⁵.

---

¹³² Там же. Д. 16. Л. 96–97.

¹³³ Пребывание Е.И. Пугачёва в Восточной Пруссии и, в частности, в Кёнигсберге не подтверждено документально. Вероятно, появление Е.И. Пугачёва в ряд с известными деятелями истории и культуры, на самом деле посещавшими город, обусловлено влиянием художественно-исторической эпопеи «Емельян Пугачёв» В.Я. Шишкова.

¹³⁴ Пребывание поэта в Кёнигсберге стало общеизвестным фактом, благодаря заметке В. Покровского «Маяковский в Кёнигсберге» в газете «Калининградская правда» (номер от 14 апреля 1950 г.)

¹³⁵ ГАКО. Ф. Р-414. Оп. 1. Д. 16. Л. 16–17.

Похожий случай произошел с лекцией историка И.П. Колганова, которому было рекомендовано во фрагменте о развитии Калининградской области сократить или убрать материалы о тяжелой и лёгкой промышленности Восточной Пруссии, которые, по мнению двух его коллег, были «приведены неудачно»¹³⁶. По итогам совещания И.П. Колганов согласился преподнести данные о немецкой промышленности с акцентом на милитаристском характере экономики Восточной Пруссии, а также дополнить рассказ об экономике Калининградской области иллюстрациями успехов в области развития транспорта, связи, электрификации печати для «более яркого показа превосходства социалистической экономики»¹³⁷.

Несмотря на всю работу по репрезентации истории края, проделанную лекторами, их недостаточное внимание к данной тематике было замечено в руководстве организации. Возможно, в связи с этим 28 февраля 1955 г. директор Областного лекторского бюро Н. Егоров подписал приказ, который обязывал штатных лекторов просматривать местные газеты за каждый месяц и «давать краткие информации по наиболее интересным фактам» на специальном совещании лекторов в начале каждого месяца¹³⁸.

Взаимный контроль лекторов был частью внутренней организации работы бюро. Однако, помимо этого, действовали и органы профессиональной цензуры. Российский историк-архивист Т.М. Горяева, исследовавшая политическую цензуру в СССР, отмечает, что среди использовавших практик специальных органов были закрытие газет и журналов, цензура в культурно-развлекательных учреждениях, чистки библиотечных фондов¹³⁹. В Калининградской области, где провозглашалось, что культурное строительство ведётся «с чистого листа», государственные цензоры редактировали все тексты, которые предназначались для печати или

---

¹³⁶ Там же. Д. 37. Л. 84.

¹³⁷ Там же. Л. 86.

¹³⁸ Там же. Д. 42. Л. 20.

¹³⁹ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2010. С. 295.

публичного представления (например, экспозиции и экскурсии в музеях), санкционировали выпуск визуальной продукции о крае и таким образом контролировали локальный исторический нарратив.

По подсчётам Ю.В. Костяшова, количество цензурных вычерков за период с 1947 по 1956 гг. в калининградском обллите¹⁴⁰ составило более 2,5 тысяч. Они выражали запрет на любое упоминание о военных, климате, характере погоды, названиях спортивных команд, а также касались двусмысленных опечаток, логических ошибок и замечаний, связанных с актуальными внутривластными тенденциями (космополитизмом, низкопоклонством перед Западом и т. д.). Тем не менее, как отмечает исследователь, из всего массива цензурных изъятий лишь чуть более 2 % носили политический или идеологический характер, поскольку государственная цензура работала с произведениями, уже прошедшими самоцензуру авторов и редакторов разного ранга¹⁴¹. Того же вывода придерживается И.О. Дементьев, который установил, что в период с 1947 по 1975 гг. положительные или беспристрастные упоминания немецкого прошлого были «почти исключены» и цензорам нужно было лишь изредка «корректировать визуальный ряд — предотвращать публикацию изображений немецких зданий»¹⁴².

Цензоры были участниками в том числе и формирования исторической экспозиции в калининградском краеведческом музее. Российские исследователи памяти едины во мнении, что музей является транслятором ценностных установок, местом памяти и рычагом исторической политики¹⁴³.

---

¹⁴⁰ Официальное название органа — «Управление по охране государственных тайн в печати при облисполкоме».

¹⁴¹ Костяшов Ю.В. Красный карандаш цензуры: калининградский обллит в 1947–1956 гг. // Калининградские архивы. 2003. Вып. 5. С. 129–138.

¹⁴² Дементьев И.О. Цензура как институт... С. 103.

¹⁴³ См., например: Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 16; Кочеляева Н.А. Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе // Культурологический журнал. 2012. № 1. URL: http://crjournal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9 (дата обращения: 13.10.2023).

Калининградский областной краеведческий музей стал выполнять такие функции с момента своего создания 7 августа 1946 г.

Почти все находившиеся в Кёнигсберге музейные ценности были либо вывезены немцами в Германию, либо не пережили ударов английской авиации в последний год войны. Фонды музея на первых порах комплектовались исключительно из реликвий Великой Отечественной войны.

Первые экспонаты в фондах музея — карты, схемы, диаграммы, фотомонтажи, карты, рисунки и макеты. Формирование же экспозиции началось, когда учреждению были переданы предметы с выставки, приуроченной к Первой областной партийной конференции 1947 г., а также первые изделия, выпущенные на промышленных предприятиях области. Между тем сотрудники музея вели поиск исторических экспонатов. Например, в 1948 г. в подсобном хозяйстве неманского ЦБК был обнаружен стол, за которым Александр I и Наполеон предположительно подписали Тильзитский мир 1807 г. Предмет мебели был доставлен в музей и ему был присвоен инвентарный номер, но позже он был датирован началом XX в.¹⁴⁴

В деятельности музея собирались принимать участия сотрудники Академии наук СССР. Во всяком случае, её президент С.И. Вавилов пообещал создать «специальную бригаду научных работников, которой будет поручено составление экспозиции истории края»¹⁴⁵. Несмотря на поддержку Академии, в первой постоянной экспозиции музея, открытой лишь в день пятилетия области, раздела «История» не было¹⁴⁶. Его открытие перенесли на июнь 1952 г.¹⁴⁷

Тематический план показа прошлого края должен был включить четыре раздела: «Первобытнообщинный строй», «Раннее Средневековье», «Немецкая

---

¹⁴⁴ Эйдельман И. Калининградский областной историко-художественный музей — ровесник области // Балтика. 2006. № 3. С. 78.

¹⁴⁵ Калининградский краеведческий музей // Калининградская правда. 1948. 31 окт. С. 1.

¹⁴⁶ Музеи Калининградской области: справочник. Калининград, 2005. С. 20.

¹⁴⁷ Архив Калининградского областного историко-художественного музея (далее — АКОИХМ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 1.

агрессия (sic!) в XII — XIII вв.», а также «Семилетняя война». Для каждого раздела указывалась цель показа, определялась трактовка исторических событий и акценты, которые следовало расставить. Так, к примеру, при демонстрации первобытнообщинного строя следовало «ярко выделить основной момент: население Калининградской области с древнейших времён автохтонное (т.е. в данном контексте “славянское” — прим. С.Ф.)», что должно было подтвердить его права на данную территорию. В теме «Раннее Средневековье» рекомендовалось продемонстрировать, что «территория Восточной Пруссии издревле была заселена славянскими племенами, которые стояли на довольно высокой ступени социального развития»¹⁴⁸.

В архивное дело с темпланом были подшиты и отзывы на этот документ от специалистов из Государственного исторического музея в Москве и Калининградского пединститута. Эксперты обращали внимание на некорректные формулировки и несоблюдение хронологических рамок. Предлагалось дополнить план новыми темами — от основания Кёнигсберга до деятельности Э. Тельмана. Самыми существенными недостатками справедливо назывались фрагментарность материала и отсутствие вещественных экспонатов, без которых экспозиция превращалась в «выставку бумаги»¹⁴⁹.

Планы музейной экспозиции принимались и тщательно проверялись представителями обкома КПСС, управления культуры и обллита «с точки зрения их содержания в политико-идеологическом отношении и соблюдения требований по охране государственных и военных тайн»¹⁵⁰. В архиве музея сохранились документы с замечаниями по тематическому плану отдела истории первой половины 1950-х гг. Рядом с текстом об объединении Тевтонского и Ливонского орденов есть пометка красным карандашом: «А где военный союз прибалтов и русских? 1216–1220 гг.»; там, где говорилось о

---

¹⁴⁸ Там же. Д. 6. Л. 18, 21.

¹⁴⁹ Там же. Л. 32–39.

¹⁵⁰ Там же. Л. 1.

намерении проиллюстрировать деятелей Семилетней войны бюстом Фридриха II, тем же карандашом оставлено замечание: «Зачем такая роскошь для него?»¹⁵¹.

Цензоры проверяли не только тексты. Предметом их интереса могли стать изображения из научного вспомогательного фонда. Например, 10 декабря 1952 г. сотрудниками обллита были изъяты портреты Жданова, Булганина, Ворошилова, Хрущева, Маленкова, Кагановича, Молотова и Косыгина, поскольку изображения были искажены и не имели портретного сходства¹⁵².

В 1953 г. деятельности музея была посвящена разгромная статья в «Калининградской правде». Пройдясь по основным залам учреждения, журналист Л. Марков констатировал непопулярность музея среди калининградцев и его «отставание» от текущей жизни области: в экспозиции, среди прочего, не было макетов новых судов, отражения деятельности драмтеатра, образцов современного ассортимента продукции бумажных комбинатов. Исторического отдела по-прежнему не было — хотя, по замечанию журналиста, археологические раскопки в области и были проведены, ничего из обнаруженного музей не экспонировал: «Оказывается, археологические находки лежат в его кладовых в неразобранном виде»¹⁵³. В 1955 г. был подготовлен очередной план экспозиции, но и в нём раздел «История советского периода» раскрывался лишь частично. Как отмечали авторы отчёта, на полноценный раздел истории «у музея не хватило ни сил, не средств»¹⁵⁴.

На музей возлагалась большая ответственность за воспитание чувства любви к своему краю и побуждение к его изучению. Но краеведение могли курировать и культпросветработники. В частности, для сельских

---

¹⁵¹ Там же. Д. 1. Л. 37, 72.

¹⁵² Эйдельман И. Указ. соч. С. 79.

¹⁵³ Марков Л. О краеведческом музее // Калининградская правда. 1953. 1 июля. С. 3.

¹⁵⁴ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.

культурпросветработников методический кабинет Областного отдела культурно-просветительской работы выпустил рекомендуемую программу деятельности краеведческих кружков при культурпросветучреждениях области на 41 час. Из них 4 часа организаторам кружков предлагалось выделить на изучение всей истории края с древнейших времён до 1945 г. Ещё 10 часов предполагалось посвятить теме Восточно-Прусской операции 1945 г. и её героям и организовать экскурсию по местам боев¹⁵⁵. При этом поощрялась поисковая работа школьников для краеведческих уголков — особое внимание следовало обращать на небольшие холмики и валы (потенциальные могильники и городища), а также глиняные черепки, кости и каменные изделия. При обнаружении их следовало «ни в коем случае не раскапывать», но сообщать о находке в областной краеведческий музей¹⁵⁶. Школьников вовлекали в краеведческую работу и другими методами. Например, в рамках деятельности клуба юных путешественников калининградского Дворца пионеров было посещение памятников славы русского оружия и работа над книгой «История нашей области»¹⁵⁷.

В 1948 г. в местном пединституте стали очно готовить кадры учителей-историков, а спустя год открылось заочное отделение. Анализ документации учреждения за 1947–1953 гг., проведённый Ю.В. Костяшовым, показал, что преподавание истории края не включалось ни в общий план занятий студентов, обучавшихся по этой специальности, ни во внеклассную программу. На курсах повышения квалификации учителей было то же самое¹⁵⁸. Тем не менее, в общесоюзной методической литературе для учителей встречались материалы по истории Восточной Пруссии. Например, в 1946 г. в журнале

---

¹⁵⁵ Остальные 27 часов предполагалось потратить на изучение природы, климата, промышленности, сельского хозяйства и транспорта области с соответствующими специальными экскурсиями.

¹⁵⁶ В помощь сельскому культурпросветработнику: работа краеведческого кружка при культурпросветучреждениях Калининградской области. Краеведческие экскурсии. Калининград, 1952. С. 12, 15.

¹⁵⁷ Юные краеведы // Калининградская правда. 1950. 16 апр. С. 3.

¹⁵⁸ Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 31.

«Преподавание истории в школе» вышла статья, подготовленная специалистом по истории международных отношений, будущим академиком А.Л. Нарочницким. Красной нитью через повествование проходила мысль о перманентной политике «натиска на Восток», которую немцы проводили на захваченной ими прусской территории¹⁵⁹. Воплощением этой идеи, по А.Л. Нарочницкому, были как военные столкновения Пруссии и России, так и «откровенные мечты» местных элит о нападении на Россию¹⁶⁰ в период ослабления русского государства. Как следует из заглавия статьи, особое место автор отводил Пруссии как плацдарму для агрессии на Восток, будь то германское нападение на Россию, удар в тыл польской армии в сентябрьской кампании 1939 г. или поход Наполеона в 1812 г.¹⁶¹

Научное краеведение стало развиваться при педагогическом институте со второй половины 1950-х гг., однако, как отмечает историк В.И. Гальцов, до 1980-х гг. «условия для изучения истории Калининградской области были ограничены жесткими партийно-идеологическими установками и тотальной цензурой»¹⁶². Следует учитывать также, что многие архивные исторические источники были недоступны исследователям, а публикация документов была возможна только после получения разрешения в партийных инстанциях¹⁶³. При этом известно, что первые сотрудники Государственного архива Калининградской области, созданного в 1949 г.¹⁶⁴, собирали документы

---

¹⁵⁹ Следует учитывать, что выбранная специалистом тема была частью идеологической войны, которую вели советские историки в 1930–1940-х гг. (См. Мегем М.Е. «Натиск на Восток» в советском историческом дискурсе // Вестник РГУ им. И. Канта. 2010. Вып. 12: Гум. науки. С. 78–84).

¹⁶⁰ Нарочницкий А.Л. Восточная Пруссия как плацдарм против славян и прибалтийских народов // Преподавание истории в школе. 1946. № 1. С. 46.

¹⁶¹ Там же. С. 45–50.

¹⁶² Гальцов В.И. История Калининградской области в документальных публикациях // Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития. Калининград, 2006. С. 5.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Государственный архив Калининградской области. Калининград, [2006]. С. 3.

в подвалах и на чердаках довоенных зданий, хотя формально у них не было задачи сохранить документы немецких архивов и учреждений¹⁶⁵.

Общие тенденции регионального исторического нарратива можно видеть и в художественной литературе. Калининградское отделение Союза писателей было создано только в начале 1960-х гг., но первые литературные сообщества появились в области уже в 1948 г. Литературная жизнь Калининграда нашла отражение в местной периодике, в частности на страницах газеты «Калининградская правда»¹⁶⁶. Кроме того, проводились литературные вечера. Один из них, например, состоялся в октябре 1949 г.¹⁶⁷ Впоследствии произведения большинства его участников — молодых писателей и поэтов, были опубликованы в первом литературном альманахе «Калининград», изданном 1951 г. Одним из авторов был И. Жернаков, получивший репутацию «певца колхозной деревни»¹⁶⁸. Он выбрал в качестве героя своей поэмы демобилизованного солдата, ставшего работником колхоза «Восток». Драматизма произведению придаёт то, что во время войны герой оказался в концлагере в Тильзите: «Я от Тильзита нахожусь вблизи, но называем мы его Советском!»¹⁶⁹. Отец бывшего солдата бранит его за то, что «сын остаться здесь посмел». Конфликт разрешается благодаря тому, что новоиспечённый калининградец убеждает отца в том, что эта территория отныне не немецкая и здесь он «хозяин пашен»¹⁷⁰.

Первым крупным художественным произведением, затронувшим темы довоенного периода истории области и её становления стал роман писателя-

---

¹⁶⁵ Криворучкая И.Е. Традиция хранения и использования историко-культурного наследия в ГАКО в свете взглядов академика Д.С. Лихачева // Калининградские архивы. 2008. Вып. 8. С. 20.

¹⁶⁶ Полатовский С.А. Исторические сюжеты в творчестве калининградских писателей 1960-х годов (по материалам ГАКО) // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 149.

¹⁶⁷ Литературный вечер // Калининградская правда. 1949. 19 окт. С. 2.

¹⁶⁸ Гаркави А. О калининградских поэтах. Калининград, 1959. С. 5.

¹⁶⁹ Жернаков И. Восход // Калининград: литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград, 1951. С. 149.

¹⁷⁰ Там же.

фронтовика Ф. Ведин «Золотая жила»¹⁷¹, также впервые опубликованный в литературном альманахе 1951 г. Произведение повествует о том, как бывший военный А. Хазов, участвовавший во взятии вымышленного города Прибалтийска, возвращается строить новый город, прототипом которого, несомненно, является бывший Кёнигсберг. Например, описывая впечатления героя от первых часов после приезда в Прибалтийск, автор рисует картину части города со «старинной крепостью, где гитлеровцы сопротивлялись особенно упорно»¹⁷², а перед ней два памятника — Бисмарку и Вильгельму¹⁷³. что соответствует картине центра послевоенного Кёнигсберга.

Первый же разговор героев в книге связан с констатацией базового принципа в описании истории края позднесталинского периода: «...славяне здесь жили в древние времена. По всем законам эти земли принадлежат нам...»¹⁷⁴. Вместе с тем в романе упоминаются такие детали прошлого, которые редко освещались публично, — например, что городской парк культуры и отдыха назывался «парком королевы Луизы», а южная трибуна стадиона «Балтика» была построена в честь приезда в город Г. Геринга, который, стоя на ней, «приветствовал фашистский сброд»¹⁷⁵.

При этом в романе есть намеренные умолчания об исторических деталях, связанных с послевоенным временем. И.О. Дементьев заметил, что Ф. Ведин исключил из послевоенной повседневности города немцев: «То ли (само)цензурные ограничения, то ли невозможность вписать немцев в картину

---

¹⁷¹ В 1953 г. переработанный вариант произведения под названием «Город — будет!» был издан в Риге. Название романа — отсылка к стихотворению В. В. Маяковского «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929).

¹⁷² Ведин Ф. Город — будет! Рига, 1953. С. 7.

¹⁷³ Имеется в виду кайзер Вильгельм I (1797–1888).

¹⁷⁴ Ведин Ф. Золотая жила // Калининград: литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград, 1951. С. 6. Тезис о славянском прошлом территории сквозь книгу в разных временных отрезках повторяется ещё несколько раз См.: Дементьев И.О. «Золотая жила» янтарного края: образы Восточной Пруссии и Калининградской области в период господства социалистического реализма // Балтийские исследования. 2013. Вып. 7: Советизация Калининградской области. С. 66–67.

¹⁷⁵ Ведин Ф. Город — будет! Рига, 1953. С. 92.

становления советского города вынудили писателя поступиться исторической действительностью»¹⁷⁶.

Тесную связь разных исторических эпох можно проследить у писательницы Н. Грязевой в рассказе «Черепки» из в того же сборника. Главный персонаж произведения В. И. Сабинин вспоминает, как во время Восточно-Прусской операции после одного из сражений обнаружил черепок, который он тут же, будучи аспирантом кафедры археологии МГУ, атрибутировал как славянский¹⁷⁷.

После войны Сабинин возвращается к своей мирной профессии и организует раскопки на том же месте, где обнаружил осколки утвари. На бывшее городище приезжает его младший по званию бывший сослуживец — Васька, который в начале рассказа проявлял себя как молодой человек без интереса к истории. Под влиянием Сабинина он всё больше узнаёт о славянском прошлом территории и событиях, которые привели к покорению местного населения. Большое впечатление на Ваську производит фантазийная импровизация археолога о том, как в культурный слой попали обнаруженный экспедицией фрагмент меча и черепки. В воображении Сабинина этому предшествовало нападение крестоносцев на прусское городище, в ходе которого один из рыцарей забежал в жилище, где уже «на земляном полу, почти надвое рассечённая мечом, лежала молодая женщина, обнимая мёртвыми руками младенца с раздробленной головой», далее «сбрасывает с полок утварь» и начинает «топтать ногами разбитые черепки и кувшины»¹⁷⁸.

Под конец рассматриваемого периода было опубликовано ещё одно художественное произведение о недавнем прошлом Калининградской области, которое, однако, было совсем не похоже на всё, что ранее печаталось в области. Первоначально повесть «Вилла “Эдит”» печаталась с

---

¹⁷⁶ Дементьев И.О. «Золотая жила» янтарного края: образы Восточной Пруссии и Калининградской области в период господства социалистического реализма // Балтийские исследования. 2013. Вып. 7: Советизация Калининградской области. С. 77.

¹⁷⁷ Грязева Н. Указ. соч. С. 225.

¹⁷⁸ Там же. С. 232.

продолжениями в газете «Калининградский комсомолец» с 15 августа по 28 сентября 1956 г. В течение полутора месяцев калининградцы следили за детективными историями, происходившими, по замыслу автора, М.М. Баринова, сразу в двух странах и временных отрезках: в Кёнигсберге в 1945 г. и Калининграде 1955 г. Героем обоих повествований стал А. Асанов — молодой парашютист-десантник, который во время войны был разведчиком.

По сюжету Асанова вместе с двумя товарищами, переодетыми в форму противника, отправляют со спецзаданием в Кёнигсберг, чтобы помочь советскому агенту под прикрытием — Эдит¹⁷⁹. Вскоре герои узнают, что из города планируется вывоз секретного плана подземелий Кёнигсберга, незнание которого подвергает риску потенциальный успех штурма города советской армией. Но операция срывается — Эдит погибает и план остаётся в городе. Через десять лет Асанов возвращается в Калининград, где встречает шпионов, вознамерившихся присвоить себе заветную карту. Спустившись в городские подземелья в погоне за ними, Асанов нейтрализует неприятелей.

Захватывающий сюжет, лёгкий язык, узнаваемые места действия и наличие иллюстраций художника В. Синчалина во многих выпусках принесли повести широкую популярность. Журналист В. Ржевский пишет, что «калининградцы знали чуть ли ни наизусть» произведение, а прототип виллы стал неофициальной местной достопримечательностью¹⁸⁰. В 1958 г. «Вилла “Эдит”» вышла отдельной книгой тиражом 30 тыс. экземпляров. Автор нашумевшего произведения военный служащий М.М. Баринов, по данным В. Ржевского в 1950-е гг. служил начальником продовольственной службы дивизии торпедных катеров в Балтийске и интересовался историей¹⁸¹.

---

¹⁷⁹ В конце первой части герои узнают, что настоящее имя героини — Нина.

¹⁸⁰ Вероятно, это дом по адресу проспект Победы, 180 (Ржевский В. Вилла «Эдит» // Культура. Калининград. М., 2020. Вып. № 4 (1), март. С. 39).

¹⁸¹ Ржевский В. Указ. соч. С. 43.

Выбранное место действия повести определило необходимость введения исторического контекста, хотя авантюрный характер сюжета позволил автору ограничить его несколькими фрагментами. Например, в начале своего пребывания в Кёнигсберге разведчики замечают плакаты с надписями «22 января 1758 года не повторится никогда»¹⁸². В газетной версии М.М. Баринов разъяснял, что это «день, когда [в период Семилетней войны. — С.Ф.] русские войска Румянцева церемониальным маршем торжественно входили в поверженный, сдавшийся Кёнигсберг»¹⁸³. Упоминание о Румянцеве в книге убрали из-за исторической ошибки: русские войска в Кёнигсберге возглавлял В. Фермор.

Проводником разведчиков в перипетии местной истории в основном становится Эдит. В частности, именно она рассказывает о том, что отец А.В. Суворова был военным комендантом Кёнигсберга, его сын ступал по улицам этого города, а «в Преголе поил казачьих лошадей хорунжий Емельян Пугачев»¹⁸⁴. Во второй части повествования в газетной версии читатель узнавал, что Эдит также сообщила советским военным, что во время Великого посольства в Кёнигсберге останавливался Пётр I¹⁸⁵.

По следам успеха повести калининградский драматический театр поставил одноимённый спектакль. Его премьера состоялась 21 мая 1957 г. За пять последующих лет спектакль показали 200 раз. Перенос художественного произведения на сцену был осуществлён М.М. Бариновым совместно с режиссёром З.Я. Корогородским. По мнению журналиста А. Дарьялова, повесть «грешила многими серьёзными художественными недостатками»¹⁸⁶, которые и в театральной версии не удалось исправить. В постановку были перенесены некоторые фактические ошибки из повести. Журналист замечает, что авторы пьесы обнаруживают настолько «оригинальные познания в

---

¹⁸² Баринов М.М. Вилла «Эдит»... С. 21.

¹⁸³ Баринов М. Вилла «Эдит» // Калининградский комсомолец. 1956. 24 авг. С. 4.

¹⁸⁴ Баринов М.М. Вилла ... 1958. С. 28.

¹⁸⁵ Баринов М. Вилла «Эдит» // Калининградский комсомолец. 1956. 12 сен. С. 4.

¹⁸⁶ Дарьялов А. Когда актёры бессильны // Калининградский комсомолец. 1957. 26 мая. С. 2.

истории, что потрясённому “взыскательному калининградскому зрителю” остаётся только развести руками». Создателям спектакля среди прочего вменялось неведение того, что В.И. Суворов не был первым генерал-губернатором Пруссии, что П.А. Румянцев брал не Кёнигсберг, а Тильзит и что они не знают историю своего родного города и не соотносят историю этой территории с историей других государств. Общая оценка спектакля от журналиста была неутешительной: «Авторы создали низкопробный детектив, рассчитанный на самые нетребовательные вкусы зрителей»¹⁸⁷.

Исторические события — прежде всего Восточно-Прусская операция — нашли отражение и в визуальном искусстве. События осени 1944 — весны 1945 г. были зафиксированы маслом на холсте и карандашом на бумаге солдатами Красной армии и военными журналистами¹⁸⁸. В 1946 г. тиражом 25 тыс. экземпляров в Москве издательство «Искусство» отпечатало плакат «Штурм Кёнигсберга», созданный братьями С. и Ст. Аладжаловыми. Он изображал улицу, обрамлённую горящими зданиями, и группу бойцов, преодолевающих баррикаду, у которой лежат тела убитых противников¹⁸⁹.

На дошедший до нас визуальный облик послевоенной Калининградской области, ландшафт которой после войны был наполнен руинами, повлиял секретный приказ начальника областного гражданского управления В.А. Борисова от 5 сентября 1946 г. Одним из пунктов этого документа, устанавливавшего ограничения для граждан, был запрет любых фото- и кинематографических съёмок области без официального разрешения органов

---

¹⁸⁷ Там же. С. 3.

¹⁸⁸ Например, И.А. Ершов был художником и корреспондентом одной из фронтовых газет. Он выезжал на фронт, делал зарисовки, заполнял боевые листки, создавал стенгазеты и плакаты. К примеру, им были запечатлены будни 3-го Белорусского фронта, изображающие не события в центре города, а окраины Кёнигсберга, где на фоне задымленных силуэтов городских домов размещался медсанбат (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19015774> (дата обращения: 09.05.2023); URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25030001> (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁸⁹ Плакат «Штурм Кёнигсберга» художников С. и Ст. Аладжаловых, 1946 г. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34625464> (дата обращения: 09.05.2023).

внутренних дел¹⁹⁰. Однако были и альтернативные, более архаичные способы фиксации действительности. Например, первый архитектор-строитель Калининграда и работник «Облкоммунпроекта» А.В. Максимов, как замечает Н.П. Перетяка, «всячески маскируясь и скрываясь от прохожих»¹⁹¹, на протяжении 20 лет рисовал руины Кёнигсберга, понимая, как отмечал краевед А.П. Овсянов, «что скоро история потеряет навсегда этот апофеоз войны»¹⁹². Его акварели стали доступны массовому зрителю уже в постсоветское время. Сам А.В. Максимов вспоминал, что его вдохновляла не только живописность развалин, но и то, что «ни один художник в Калининграде никогда не касался этой темы. Они проходили мимо, не чувствуя, что каждый день руины расчищают, а камни везут через море в Ленинград»¹⁹³. Власти старались визуально закамouflировать руины, и Максимов действительно оказался одним из немногих, кто запечатлел их художественными средствами.

Через год после образования области было создано первое художественное объединение «Калининградский художник». Оно стало посредником между художниками и государственными институциями, занималось размещением заказов и покупкой произведений искусства, организовывало выставки и конкурсы, а также издание альбомов. В 1947–1948 гг. товарищество насчитывало 25 членов¹⁹⁴. Фокусом их деятельности должны были стать темы героики современности и славное прошлое советского и русского народа.

К 32-летию Октябрьской революции в 1949 г. было приурочено открытие первой областной выставки живописи, графики, скульптуры, архитектуры, прикладного искусства и художественной фотографии. Её

---

¹⁹⁰ Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 16.

¹⁹¹ Перетяка Н.П. Причалы Юрия Иванова: воспоминания и размышления о жизни и творчестве калининградского писателя Юрия Николаевича Иванова. М., 2016. С. 86.

¹⁹² Овсянов А.П. В руинах старого замка. Калининград, 1997. С. 319.

¹⁹³ Kabus R. Ruinen von Königsberg: Bilder eines Kaliningrader Architekten. Husum, 1992. S. 7.

¹⁹⁴ Костяшов Ю.В. Товарищество «Калининградский художник»: из истории художественной жизни края в 1947–1953 годах // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С. 112, 115–116.

организовало недавно созданное региональное отделение Союза советских художников. В выставке участвовали 18 авторов, которые экспонировали 179 произведений¹⁹⁵, среди которых было два портрета И.В. Сталина, политические плакаты «За прочный мир, за народную демократию!» и «Слава отечества», а также зарисовки на городские темы¹⁹⁶. Областной отдел по делам искусств по итогам выставки отметил, что большинство картин составляли «случайные» пейзажи, что свидетельствовало о том, что не все художники-пейзажисты правильно понимают свои задачи¹⁹⁷.

К этой же выставке была подготовлена картина Л.А. Климентовской «Утро Калининграда»¹⁹⁸. Художница, используя яркую гамму цветов, запечатлела многолюдный сквер, образованный пересечением двух проспектов: Победы и Сталинградского. На полотне было изображено сразу несколько видов транспорта — велосипед, мотоцикл, автомобиль и два трамвая. Объектом притяжения горожан в сквере изображена монументальная доска почета на фоне недавно восстановленного здания универмага¹⁹⁹. Интересно отметить, что на страницах местной печати сохранилась фотография изображённого художницей места, сделанная в январе 1949 г.²⁰⁰ Сравнение двух изображений показывает, что в правом нижнем углу художница разместила пышные зелёные кроны, не перенося из реальности на холст руинированные дома на Сталинградском проспекте — они бы явно не гармонировали с общим настроением обновления и городского летнего уюта.

К пятилетнему юбилею Калининградской области в 1951 г. была приурочена Вторая областная выставка калининградских художников,

---

¹⁹⁵ Выставки советского изобразительного искусства: справочник. М., 1965. Т. 4. С. 146.

¹⁹⁶ Николаев А.Н. Областная художественная выставка // Калининградская правда. 1949. 7 нояб. С. 4.

¹⁹⁷ Костяшов Ю.В. Товарищество «Калининградский художник»... С. 117.

¹⁹⁸ Каталог предметов периода... С. 154–155.

¹⁹⁹ В объявлении в газете «Калининградская правда» сообщалось, что ЦУМ будет открыт 28 октября 1948 г. (Центральный универсальный магазин калининградского горпромторга // Калининградская правда. 1948. 27. 10. С. 4).

²⁰⁰ Город Калининград. // Калининградская правда. 1949. 12 янв. С. 3.

проходившая в помещении драматического театра²⁰¹. Большинство картин было посвящено теме созидательного труда, строительства и Великой Отечественной войне, которая была представлена событиями штурма Кёнигсберга и его капитуляции²⁰². В частности, на полотне В.М. Митяевского²⁰³ был изображён момент пленения офицеров немецкого гарнизона крепости на Парадеплац рядом с блиндажом коменданта²⁰⁴.

Мирная жизнь Калининграда нашла отражение в картине Е.Н. Скитальцева 1950 г. «Калининград строится»²⁰⁵. На полотне был изображён момент восстановления домов на Сталинградском проспекте, построенных в 1930-е гг.: леса ещё не убраны, проезжают трамваи и автобусы, восстановленное светло-жёлтое здание контрастирует с коричневато-чёрным коробом стоящего рядом разбитого строения. Картина наглядно отражала контраст исчезающего немецкого наследства и созидательной деятельности советских людей. Судя по отзывам в прессе, идеологический посыл Е.Н. Скитальцева был считан и одобрен современниками²⁰⁶.

Нетипичный для тогдашней калининградской живописи исторический сюжет для своего полотна выбрал художник Э. Чарномский. Его вдохновила тема пребывания Петра Первого в Пруссии. Отметив интересную задумку автора, журналист В. Леонидов подчеркнул в своём газетном отчёте о

---

²⁰¹ Выставки советского изобразительного искусства: справочник. М.: Советский художник, 1965. С. 325.

²⁰² ГАКО. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 113. Л. 4.

²⁰³ В карточке предмета музея в Госкаталоге картина называется «Штурм Кёнигсберга» и атрибутирована 1955 г., однако судя по сюжету это «Капитуляция Кёнигсберга» 1951 г. (Митяевский В. М. «Штурм Кёнигсберга». Калининград, 1955. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10847479> (дата обращения: 09.05.2023)).

²⁰⁴ Леонидов В. Под знаком творческого роста // Калининградская правда. 1951. 13 апр. С. 3.

²⁰⁵ Картина Е. Н. Скитальцева «Калининград строится» (1950) URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11472872> (дата обращения: 09.05.2023). В рассматриваемый период Е.Н. Скитальцев написал ещё несколько пейзажей (например, в 1950 г. «Ветер с моря», «Берег моря», «Дорога», а в 1954 г. — «Восход луны» и индустриальную композицию о работе калининградского порта «На погрузке»).

²⁰⁶ Калмыков Г. К областной художественной выставке // Калининградская правда. 1951. 3 апр. С. 3.

выставке, что художник не сумел «охватить тему» и «передать зрителям величие, неисчерпаемую энергию и силу преобразователя боярской Руси»²⁰⁷. На оценке картины сказались декоративность выбранного стиля и непроработанность её деталей²⁰⁸. Следует отметить, что В. Леонидов воспроизводил существовавший в то время взгляд на фигуру Петра. Вслед за классиками марксизма-ленинизма первого русского императора рассматривали как олицетворение ускоренной европеизации страны, а его реформы оценивались как «прогрессивное историческое явление»²⁰⁹.

Интерес художников к локальной истории проявился на следующей областной выставке в апреле 1953 г. Калининградские темы нашли выражение в портретах стахановцев, сельских и городских пейзажах. Внимание критиков привлекли полотна В.М. Митяевского «Черняховский под Инстербургом» и «Багратион под Прейсиш-Эйлау». Впрочем, критик В. Медведев и искусствовед И. Ястребов отметили низкий уровень выполненных работ — они не обнаружили в картинах «величавой героики подвига русских военачальников и их сподвижников», образы полководцев показались им «неубедительными», а люди вокруг центральных фигур — «безликими»²¹⁰.

На Четвёртой областной выставке в 1958 г.²¹¹ были выставлены работы 14 художников на ставшую традиционной тематику: Великая Отечественная война (например, Н.П. Карякин «Памяти героев»), промышленные и сельскохозяйственные зарисовки (например, М.Г. Пясковский «В порту»), а также картины природы (например, К.М. Кишкин «На Шешупе»).

---

²⁰⁷ Леонидов В. Под знаком творческого роста // Калининградская правда. 1951. 13 апр. С. 3.

²⁰⁸ Непроработанность также объяснялась тем, что художник выставил картину в незавершенном виде (Новиков А.С. Первый калининградский памятник Петру I // Время музея. 2022. Вып. 5. С. 40.

²⁰⁹ Мезин С.А. Петр I и его эпоха глазами историков // Историографический сборник. Саратов, 2020. С. 103.

²¹⁰ Медведев М. Совершенствовать мастерство, расти творчески! // Калининградская правда. 1953. 17 мая. С. 3; Ястребов И. Добиваться подлинного мастерства! // Калининградская правда. 1953. 5 июля. С. 3.

²¹¹ Четвёртая областная Калининградская художественная выставка: каталог выставки. Калининград, 1958.

Характеризуя первые шаги на пути формирования регионального исторического нарратива, можно сказать, что он стал складываться уже во время боевых действий на территории Восточной Пруссии 1944–1945 гг. После завершения войны источниками базовых сведений о досоветском прошлом становилась академическая и справочная литература, а также труды классиков марксизма-ленинизма, которые интерпретировались идеологическими работниками и пропагандистами и транслировались населению посредством прессы, публичных лекций, музейных экспозиций и краеведческих занятий для школьников, через художественную литературу и визуальное искусство. Довоенная история рассматривалась с позиции концепции об автохтонном славяно-балтском населении, пострадавшем в Средние века от германской агрессии и онемеченных прибалтийских народах. Важным считалось подчеркнуть их героическое сопротивление нарастающей агрессии со стороны сначала орденского, а затем прусского государства, а оплотом среди противостоящей угрозы неизменно оказывалось русское государство. Наибольшего внимания в этом ключе удостаивались события Семилетней войны и Восточно-Прусской операции 1945 гг., обосновывающие законность российского присутствия в Юго-Восточной Прибалтике. Освещение военно-политических событий прошлого доминировало среди других исторических сюжетов, повествование было схематичным, не изобиловало подробностями, внутреннее развитие и культурная история Восточной Пруссии почти не освещались, региональный исторический нарратив оставался очень фрагментарным.

1.2. Смена топонимической среды: города, сельсоветы, улицы

Исследователи топонимических практик с 1980-х гг. рассматривали их в русле междисциплинарного подхода и связывали с формированием идеологии

как части общественно-политической системы²¹². Считается, что советские топонимические кампании как метод «распространения идеологически “правильных” географических названий» стали продолжением практик, сложившихся ещё в Российской империи²¹³.

Если кёнигсбергская топонимика складывалась на протяжении семисот лет, то большинство названий улиц Калининграда появилось в 1945–1950 гг. Новым властям города нужно было в сжатые сроки привести топонимическую среду к советской системе координат. Вместе с тем кампания по переименованию была быстрым и малозатратным административным ответом на запрос идеологической трансформации присоединённой территории.

В 1940 г. в Кёнигсберге насчитывалось более 950 улиц²¹⁴. Их переименование стало одной из первых задач советской власти и выпало на период руководства территорией военными, в связи с чем первый документ, регламентирующий переименование, был принят Военным советом Особого военного округа 23 ноября 1945 г. В преамбуле постановления была названа «нетерпимой» сложившаяся ситуация, при которой «многие улицы, площади и парки г. Кёнигсберг носят имена фашистских бандитов, их главарей и иных противонародных деятелей»²¹⁵. Первое единовременное переименование охватило немногим менее трети топонимов — всего 290 улиц, переулков, проспектов, включая четыре посёлка (Западный, Фабричный, Портовый, Судостроительный).

Большая часть новых названий была вдохновлена известными общесоюзными географическими объектами (например, ул. Херсонская, Тульская, Гродненская), была связана с военным ремеслом (например, ул. Стрелковая, Красноармейская, Лейтенантская), либо же являлась

---

²¹² Терентьев Е.А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 3. С. 73–86.

²¹³ См.: Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика... С. 157.

²¹⁴ Губин А.Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. Вып. 5. С. 141.

²¹⁵ ГАКО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

производной от расположенного на улице учреждения или предприятия (ул. Почтовая, Фабричная, Привокзальная).

Исследователь калининградской топонимики А.Б. Губин выявил 62 топонима, при формировании которых было учтено немецкое название улиц: либо путём прямого перевода (например, Цигельштрассе — ул. Кирпичная), в некоторой степени по смыслу (например, Кольхоф — «Kohl» по-немецки «капуста» — ул. Агрономическая), а также по созвучию (Мариенштрассе — ул. Морская). Смысловые переименования порой требовали не только знания языка, но также истории города. Так, ул. Библиотечная появилась в Калининграде на месте Валленродтштрассе, названной в свою очередь в честь основателя книжного собрания Мартина фон Валленродта; улица 1812 года была образована взамен Йоркштрассе, получившей своё имя в честь прусского генерала Л. Йорка — участника войны 1812–1813 гг.²¹⁶

В первом списке переименований насчитывалось лишь 20 улиц с идеологически окрашенными именами (к примеру, ул. Интернациональная, Октябрьская, 1905 года) и ни одной — с названиями в честь участников Великой Отечественной войны, революционеров, героев Гражданской войны, коммунистического движения или исторических личностей. При этом «именные» улицы в честь немецких деятелей науки, культуры и искусства в списке были: ул. Коперника, Бетховена, Моцарта, Баха, Листа, Брамса, Штрауса, Вебера, Шиллера, Клаузевица. Все они соответствовали довоенной топонимике, а значит, прошли идеологические фильтры институций, утверждавших списки, в отличие, например, от Адольф-Гитлер-плац, ставшей площадью Победы, или Кайзер-Вильгельм-плац — Площади свободы. О качестве переименований можно судить по дублированию наименований или частым повторам: улиц Причальных было четыре, Диагональных — пять,

---

²¹⁶ Губин А.Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. Вып. 5. С. 192–193, 195.

Прорезных — семь. Второй список был призван устранить эти и прочие недочёты. Его утвердил приказ городского управления по гражданским делам 1 августа 1946 г.²¹⁷

Новый список, написанный на оборотных сторонах немецких документов, включал уже по 500 старых и новых названий²¹⁸. При этом не более сотни прежних названий из 1945 г. оказались на картах 1946 г., и не всегда они географически располагались в том же месте²¹⁹.

В новом списке численность «именных» улиц увеличилась почти в 10 раз. Причём наибольшего почёта удостоились деятели науки, культуры и искусства: из 95 топонимов с личными именами таких оказалось 50. В основном это были деятели русской/советской культуры, но изредка встречались и иностранные, в том числе немецкие и австрийские фамилии, которых не было в списке 1945 г. Так, ул. Патрульная стала Генделя, ул. Клубная — Гайдна, Геометрическая — Гёте, Шахматная — Глюка. В противоположность этой тенденции ул. Шуберта стала называться именем Чайковского. В списке 1948 г. также есть улица Вагнера. Возможно, она была почерпнута из довоенной топонимики Кёнигсберга — названа в честь композитора Рихарда Вагнера²²⁰.

Вскоре названия улиц из бумажных списков были перенесены на эмалированные таблички, что сделало их видимыми для горожан. Некоторые из жителей оказались недовольны переименованием. На кандидата экономических наук В. Мурина, например, фамилии Вебера, Глюка и Гайдна

---

²¹⁷ ГАКО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 1. Л. 71–82.

²¹⁸ Губин А.Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. Вып. 5. С. 144.

²¹⁹ Например, часть Герцог-Альбрехт-аллее в 1945 г. стала ул. Стрелковой, но в 1946 г. была уже известна как ул. Тельмана. Другая часть Герцог-Альбрехт-аллее, в 1945 г. бывшая ул. Стрелковой, стала в 1946 г. ул. Советской. При этом в 1946 г. ул. Красный путь (бывш. Лангенбекштрассе) получила название Стрелковой.

²²⁰ Известно, что Рихард Вагнер в 1836 г. два месяца проработал в Кёнигсбергском театре. (Кёнигсберг А.К. Рихард Вагнер. 1813–1883. Л., 1972. С. 16). Однако до 1933 г. эта улица называлась не по имени композитора, а в честь местного жителя - хирурга К.Э.А. Вагнера (Лавринович К.К. Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995. С. 319–322).

производили «странное и неприятное впечатление». В опубликованной в областной газете заметке он высказал мнение, что увековечивание в топониме может быть обоснованным только «заслугами перед русским народом»: «Я не знаю, что преобладает в этом никчемном увлечении именами немецких музыкантов — недомыслие или политическая близорукость горкомхоза»²²¹. Точно неизвестно, какое влияние на процесс формирования местной топонимики оказала эта публикация, но можно констатировать, что вскоре часть непривычных русскому уху названий были изменены по решению горисполкома от 12 января 1950 г. Улица Листа была заменена на Шота Руставели, Баха — Георгия Димитрова, Глюка — Грекова, Бетховена — Кирова, Моцарта — Репина, Гёте — Пушкина, Штрауса — Римского-Корсакова, Гайдна — Серафимовича, Брамса — Жданова,²²².

Удаление иностранных имен из городской топонимики было частью не только политики «изгнания прусского духа», но также актуальной в 1948–1951 гг. политической кампании по борьбе с космополитизмом. Впоследствии эта практика была признана неправильной. Уже в первом очерке об истории края, написанном местными историками Э. и И. Колгановыми в 1959 г., отмечалось, что «советские люди с большим уважением отнеслись к светлой памяти выдающихся сынов и дочерей немецкого народа — борцов за социализм, к памяти великих немецких ученых и деятелей искусств». Авторы приводили в пример в том числе улицы Шиллера, Гёте, Гейне²²³, Канта²²⁴

---

²²¹ Упорядочить названия улиц // Калининградская правда. 1949. 24 июня. С. 3.

²²² ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 60. Л. 101.

²²³ Ул. Гейне не было ни в калининградской, ни в кёнигсбергской топонимике.

²²⁴ Улица Канта встречается в приложении к распоряжению горисполкома 1948 г., посвящённом восстановлению городского освещения (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 24. Л. 23 об.), но в списке переименований её нет. Учитывая, что Кантштрассе располагалась в центре города рядом с Главным почтамтом Кёнигсберга и недалеко от замка, можно предположить, что улица была достаточно сильно руинирована, чтобы избежать формальной процедуры переименования.

Бетховена, Моцарта, Генделя, Глюка, Шуберта²²⁵. Между тем ко времени публикации очерка в Калининграде существовали лишь две таких улицы — Шиллера и Генделя²²⁶.

В 1950 г. названия получили ещё 117 ранее безымянных или имевших порядковый номер улиц, проездов, переулков Калининграда и прилегающих к нему посёлков. Почти все они были названы в честь городов СССР и исторических деятелей: революционеров, военных, учёных и писателей. Среди последних не было ни одной фамилии, имевшей отношение к местной истории²²⁷.

Изменение названий улиц стало первым актом трансформации ландшафта области. Однако, несмотря на важность этого события, политически чувствительнее было переименование городов области.

На протяжении года после штурма столицы Восточной Пруссии она находилась в составе Особого военного округа под командованием генерала К.Н. Галицкого. 7 апреля 1946 г. на основе округа была образована и включена в состав РСФСР Кёнигсбергская область, а вскоре запущена процедура переименования Кёнигсберга²²⁸.

Имя Кёнигсберг после нескольких месяцев подготовки и проведения Восточно-Прусской операции и послевоенной пропагандистской кампании стало устойчиво ассоциироваться с чем-то вражеским и чуждым, и прежнее название оказалось неприемлемым. Новое наименование центра области, как и всех остальных населённых пунктов края, должно было транслировать актуальные идеологические смыслы и, как считает исследовательница

---

²²⁵ Колганова Э., Колганов И. Самая западная: краткий очерк о Калининградской области. Калининград, 1959. С. 7.

²²⁶ План г. Калининграда: маш. 1:10000 / сост. В.И. Поляков, М.И. Бусоргин, Н.И. Литвинов и др. [Б. м.]: [б. и.], 1959. [4 л.]. URL: http://www.etomesto.ru/map-kaliningrad_1956/ (дата обращения: 31.07.2023).

²²⁷ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 60. Л. 101–105.

²²⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Кёнигсбергской области в составе РСФСР от 7 апреля 1946 г. // Самая западная: сборник документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области, 1946–1952 гг. Калининград, 1980. Вып. 1. С. 17.

О. Сезнева, способствовать конструированию единого символического пространства: «Присвоение знакомых имен было средством образного воспроизведения “дома”»²²⁹.

В 1945–1946 гг. рассматривались три возможных новых названия области и её столицы. Начальник областного управления по гражданским делам В.Г. Гузий стоял на том, чтобы назвать область «Прибалтийской», поскольку её границы соприкасаются с Балтийским морем. Кёнигсберг в этой концепции превращался в «Славгород» — «город славы русского оружия; разгром Восточной Пруссии всегда, как правило, определялся взятием Кёнигсберга»²³⁰. В иных документах, обнаруженных исследователями в архивах, предлагался вариант с «Балтийской областью» и её одноимённым центром²³¹. В третьем варианте Кёнигсберг переименовывался в «Королевец», а область соответственно в «Королевецкую». Это название было заимствовано из архивных документов и отсылало к имени, под которым город был известен на Руси. «Королевский» титул города был связан с чешским правителем XIII в. Оттокаром II, который, по легенде, повелел основать «королевскую гору» — Кёнигсберг.

На межведомственном совещании Верховного Совета РСФСР по переименованию бывших восточнопруссских городов 1946 г. фаворитами стали варианты «Балтийск» и «Королевец». Однако в итоге председатель Совета министров РСФСР М. И. Родионов подготовил проект указа Президиума Верховного Совета РСФСР об изменении названия в пользу Балтийска. По мнению В.Н. Маслова, название «Королевец» не было поддержано, поскольку «не соответствовало идеологическим установкам

---

²²⁹ Sezneva O. *Tenacious Place, Contingent Homeland: Making History and Community in the Repopulated City of Kaliningrad*. Doctoral (Philosophy Dissertation), New York, 2005. P. 119.

²³⁰ Цит. по: Маслов В.Н. Создание Кёнигсбергской области и её переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. 2014. Вып. 11. С. 104.

²³¹ Каменева И.Н. Кёнигсберг мог стать Балтийском // Балтийский альманах. 2005. № 5. С. 7.

коммунистической партии, до 1917 г. боровшейся с монархической властью»²³².

Впрочем, по стечению обстоятельств самому западному областному центру РСФСР было присвоено имя «всесоюзного старосты», умершего накануне запланированного переименования. 30 июня 1946 г. Совет министров СССР принял постановление «Об увековечении памяти Михаила Ивановича Калинина», по которому его имя присваивалось институту, дивизии, нескольким районам в городах и областях СССР, а также бывшему городу Кёнигсберг и одноимённой области²³³.

Накануне переименования на многих предприятиях области были организованы торжественные митинги. К примеру, в резолюции по итогам собрания сотрудников калининградских предприятий целлюлозно-бумажной промышленности приветствовалось присвоение «русского наименования» городу, «где ещё в древности жили славянские племена» и комендантом которого был отец «великого русского полководца Суворова»²³⁴.

Одновременно с переименованием «столичного» города области в апреле 1946 г. Совет министров СССР принял решение об административном устройстве Кёнигсбергской области, которое включало в себя не только очерчивание границ районов, но и изменение топонимов их центров. При этом, исходя из доминирующей в общественной повестке идеи «славянского» прошлого края, в первую очередь предполагалось обратиться к топонимике доорденского периода. Однако учёные Института этнографии обнаружили в основном польские, прусские и литовские эквиваленты. Исключением стали Гумбиннен — Губин, а также Рагнит — Рогнеть²³⁵. При последующих обсуждениях этих вопросов в Совете министров РСФСР всё же

---

²³² Маслов В.Н. Создание Кёнигсбергской области... С. 106.

²³³ Об увековечении памяти Михаила Ивановича Калинина // Правда. 1946. 1 июля. С. 1.

²³⁴ О митингах трудящихся по случаю переименования Кёнигсберга: из документов ЦХИДНИКО // Калининградские архивы. 1998. Вып. 1. С. 109.

²³⁵ Маслов В.Н. Советская академическая наука... С. 101.

рассматривались польские и литовские²³⁶ варианты названий (например, Инстербурга — Инструч, Тапиау — Тапиява; Лабиау — Лабгува, Тильзита — Тильже). Расширен был и ряд славянских имен (например, Шталлупёнен — Столупяны, Тапиау — Прегольск)²³⁷.

Другого мнения о принципах переименования придерживались на местах. Начальник Кёнигсбергского областного управления по гражданским делам В.Г. Гузий сформулировал и обосновал 15 переименований городов области, основываясь на прославлении военных событий, имевших место на территории края, а также современных географических особенностях местности. К примеру, Тапиау, связанный с победами в Семилетней и Великой Отечественной войне, по замыслу В.Г. Гузии следовало наречь Гвардейском. Память о Наполеоновских войнах отразилась в переименованиях Кнёппельсдорф — Кутузовск и Фридланд — Багратионовск. Но чаще предложенные им названия отражали недавние военные успехи: Гумбиннен — Черняховск, Фишхаузен — Гурьев, Шталлупёнен — Красноармейск (поскольку это был первый²³⁸ город Восточной Пруссии, взятый Красной армией). Единственным городом, которому в предложениях В.Г. Гузия было разрешено сохранить довоенное наименование, стал Тильзит, поскольку его имя уже было вписано в мировую историю договором 1807 г.²³⁹

Процедура корректировки переименований заняла четыре месяца. 7 сентября 1946 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ о 14 районных центрах Калининградской области. Ни одно название не было

---

²³⁶ Подробнее о литовском аспекте переименования 1940-х гг. см.: Маслов В.Н. Переименование населенных пунктов Калининградской области во второй половине 1940-х годов: литовская альтернатива // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации. М., 2018. С. 245–253.

²³⁷ Маслов В.Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник БФУ им. И. Канта. 2014. Вып. 12: Гум. науки. С. 59, 62–63, 67.

²³⁸ На самом деле, первым городом, который был взят 17 октября 1944 г., был Ширвиндт (совр. посёлок Кутузово Краснознаменского городского округа), а Шталлупёнен (совр. Нестеров) был занят советскими войсками 25 октября 1944 г.

²³⁹ Маслов В.Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник БФУ им. И. Канта. 2014. Вып. 12: Гум. науки. С. 60–61.

образовано благодаря обращению к славянским и литовским корням. Исследователь В.Н. Маслов связывает этот итог с тем, что «политическое руководство уже осознавало опасности обращения к историческому прошлому в деле переименования городов»²⁴⁰. В итоге районные центры в большинстве своём были названы в честь советских военачальников (С.С. Гурьева, С.И. Гусева, И.М. Ладушкина, С.К. Нестерова, И.Д. Черняховского), а также героя Отечественной войны 1812 года — П.И. Багратиона. В остальных случаях воспользовались «военным языком», советской символикой (Гвардейск, Краснознаменск, Правдинск, Славск, Советск) или географическим особенностям местности (Приморск, Озёрск, Полесск).

С сентября 1946 г. по июль 1947 г. происходило переименование районных населённых пунктов и сельсоветов. Сформированные на местах списки корректировались в Москве на совещаниях в Министерстве иностранных дел и Совете министров РСФСР. Они инициировали консультации с академическими, военными и другими институциями. В рамках этой деятельности в начале 1947 г. возник «литовский проект» переименований, основывавшийся на присвоении литовских названий с русскими окончаниями многим населённым пунктам ввиду распространения литовских племён на этой территории до прихода Тевтонского ордена. Этой концепции придерживался профессор П.И. Пакарклис, который обосновал актуальность переименования возможностью в будущем присоединения части территории Калининградской области к Литовской ССР. Однако данное предложение не получило одобрения в Москве²⁴¹.

Представляют интерес объяснения новых названий на локальном уровне, где для переименования при райисполкомах создавались специальные

---

²⁴⁰ Там же. С. 67.

²⁴¹ Маслов В.Н. Советская академическая наука... С. 104–105; его же. Переименование городов районного подчинения Калининградской области в 1946–1947 годах // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 144–145.

комиссии²⁴². Судя по предложениям Управления по гражданским делам Калининградской области конца 1946 г., а также пояснениям к переименованию сельсоветов и городов Гвардейского района, из 170 довоенных топонимов 69, т. е. более 40 %, были образованы от географических, природных и иных особенностей местности. К примеру, наличие обильных зарослей калины повлекло за собой образование «Калиновского», мощной электростанции — «Светловского», а «особенности архитектурного оформления зданий» — «Шатровского» сельсоветов²⁴³. Вторым распространённым принципом переименования стали топонимы, напоминавшие переселенцам о местах их выхода (около 18%). При этом из тех же 170 названий менее четверти (24%) назывались, исходя из пожеланий и просьб новых жителей края — участников войны, военных, чьи части находились на территории населённых пунктов, рабочих местных предприятий, колхозников. В советской краеведческой литературе подчеркивалось, что именно мнение граждан учитывалось при выборе новых названий²⁴⁴.

Военная тематика была отражена лишь в шести вариантах наименований населённых пунктов. Реже всего использовалось образование имени по созвучию с немецким названием²⁴⁵. Источником вдохновения для авторов названий становились деятели истории, науки и культуры. Треть из них была связана с историей края — в их числе П.И. Багратион, В.В. Маяковский, а также захоронённые в области участники Восточно-Прусской операции И.М. Ладушкин, Н.В. Мамонов и Ушаков²⁴⁶. Интересно,

---

²⁴² Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 274.

²⁴³ Кампания переименований 1946–1947 гг. // Калининградские архивы. 1998. Вып. 1. С. 101–102, 104.

²⁴⁴ Колганова Э., Колганов И. Самая западная... С. 7; История края (1945–1950): учебное пособие для студентов-историков Калининградского университета. Калининград, 1984. С. 59.

²⁴⁵ В документах приведены четыре случая: Альтхоф — Ольховский — Ореховский; Краупишкен — Крупиновский; Шиллен — Жиленский; Паскалвен — Петровский.

²⁴⁶ Имя и отчество, а также данные о погребении Героя Советского Союза не найдены (Маслов В.Н. Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов

что в других документах рассматривались варианты появления на карте области города Нахимова или Нахимовска, а также Суворовска. Однако они не были реализованы, поскольку было сочтено, что города, для которых эти названия предназначались, — морской курорт Кранц или небольшой город Рагнит — не соответствовали масштабам фигур П.С. Нахимова и А.В. Суворова²⁴⁷.

Только в июне 1950 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ, благодаря которому в законном порядке устанавливались названия 1065 поселений в области²⁴⁸. Преобразования топонимической среды были практически завершены.

Переименование восточнопрусских населённых пунктов во главе с Кёнигсбергом стало завершающим шагом в складывании единой советской топонимической системы на всей территории СССР в послевоенных границах. Особенности топонимической среды в области были: стремление к ликвидации довоенной топонимики, в том числе её камуфлирование посредством перевода или русификации немецких названий; создание городской среды, идентичной общесоюзному пространству; утверждение темы побед русского оружия, и в особенности периода Великой Отечественной войны, в результате которой была образована область. Вопросы переименования городов и районных центров области «курировали» высшие органы власти РСФСР, изначально стремившиеся дать новые названия в соответствии с этно-историческими корнями этой территории. В отсутствие удовлетворяющих наименований был выбран принцип увековечивания имён, связанных с героическими страницами воинской славы. Местные власти и переселенцы при переименовании в

Калининградской области (октябрь–ноябрь 1946 года) // Калининградские архивы. 2019. Вып. 16. С. 100).

²⁴⁷ Маслов В.Н. Советская академическая наука... С. 106.

²⁴⁸ Бродерзен П. «Позови меня тихо по имени...». Кампания переименований в Калининградской области в 1946–1950 гг. в контексте калининградско-московских отношений послевоенного времени // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 208.

большей степени отталкивались от природного ландшафта и ностальгии по покинутым родным краям.

1.3. «Жизнерадостность» архитектурных форм и война памятников

Архитектурный ландшафт Калининграда в послевоенное время определяли не столько градостроительные планы, сколько утилитарная необходимость быстрого приспособления зданий для жилья, административных и производственных нужд, а также очищения кварталов города от остовов зданий, не подлежащих реконструкции. Офицер 4-й районной военной комендатуры П.А. Чагин так описал центр Кёнигсберга с его главными достопримечательностями 11 апреля 1945 г.: «От вокзала до площади не было ни одного целого дома — стояли обгоревшие остовы зданий, две-три стены, а впереди возвышались руины Королевского замка»²⁴⁹. Многих прибывших переселенцев впечатляло обилие руин, однако вскоре они становились привычной частью повседневности. В газетах на этот счёт писали: «Советские люди не скорбят над этими развалинами. Они строят новый социалистический город»²⁵⁰. В советской литературе зачастую причиной разрушений считались не августовские англо-американские авианалеты 1944 г. и не события Восточно-Прусской операции 1945 г., а действия немецких войск, которые, «не имея возможности остановить героическое наступление советских войск, в бессильной злобе уничтожали все на пути своего отступления»²⁵¹.

Первые послевоенные планы города были составлены архитектором А. Максимовым с помощью немецкого архитектора В. Шедлера и нескольких мешков разрозненной документации. В связи со значительной

---

²⁴⁹ Чагин П.А. Город нашей молодости // Калининградские архивы. 2001. Вып. 3. С. 192.

²⁵⁰ Карпов И. Город меняет свой облик // Калининградская правда. 1948. 1 мая. С. 4.

²⁵¹ Серов Н.С. Жилищно-коммунальное хозяйство области к 40-й годовщине Великого Октября // Жилищно-коммунальное хозяйство Калининградской области к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Калининград, 1957. С. 8.

руинированностью города²⁵² в 1946 г. появилась идея оставить центр в том виде, в котором он пребывал, чтобы, как считал архитектор П.В. Тимохин, сохранить «память Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов над немецким фашизмом»²⁵³.

До создания градостроительных планов и параллельно с их разработкой шёл процесс разбора завалов, ставший частью повседневности для новоприбывших жителей. К примеру, Ю.Р. Гурова вспоминала, что в рамках субботников и воскресников, проводимых около будущей областной филармонии, кирпич сортировали для отправки в Ленинград на строительство метрополитена²⁵⁴. Чаще всего ценные материалы вывозились за пределы области — они рассматривались столичными властями в качестве трофеев, поэтому кирпич, камень, брусчатка, а также всевозможные декоративные элементы шли на нужды других городов СССР. Оценивая процесс «донорства» области для страны, архитектор О.И. Васютин и писатель А.Н. Попадин пришли к выводу о «существенном обеднении среды городов [области], которое так и не было восполнено в последующие годы»²⁵⁵.

Другим видом благоустройства Калининграда и других городов стало озеленение. Оно было необходимо не только для насыщения пустующих пространства, но и для того, чтобы, по выражению руководителя треста зелёного хозяйства, ««спрятать» следы войны». Для сокрытия недавнего прошлого требовались сотни саженцев деревьев, кустарники, цветочная

---

²⁵² Вместе с тем, часто встречаемое в литературе утверждения о совокупном 90 % разрушении или вовсе полном уничтожении города неверны. См.: Манюк Е.С. Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945–1950-е гг.). Дис. канд. ист. наук. Калининград, 2015. С. 97–98.

²⁵³ Цит. по: Губин А., Салахов В. Калининград: восстановление и строительство // Запад России. 1996. №1 (15) С. 185.

²⁵⁴ Рождённая победой... С. 110.

²⁵⁵ Васютин О., Попадин А. Городской палимпсест: Градостроительная практика в Калининградской области (1945–1990 годы) // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. Т. 4. № 1. С. 103.

рассада, и для их разведения приступили к восстановлению немецких оранжерей²⁵⁶.

Во второй половине 1940-х гг. первыми стали отстраиваться окраинные районы, наименее пострадавшие от военных действий, а также жилые кварталы вокруг крупных предприятий. Такое хаотичное восстановление привело к тому, что реконструируемые здания были рассредоточены на большой площади²⁵⁷.

Лишь 7 августа 1947 г. было учреждено Управление главного архитектора Калининграда. В мае 1948 г. вышестоящий орган — Управление по делам архитектуры при Совете министров РСФСР — сформулировал главные цели восстановления города: «Нужно преодолеть и вытравить мрачный воинственный дух прусской архитектуры с её чрезмерными формами подслеповатых окон и стен, громоздких островерхих крыш. Вместо него должна прийти легкая жизнерадостность форм и приветливость облика»²⁵⁸. О радости, приносимой советской архитектурой, писали в газетах и молодые архитекторы, которые оправдывали необходимость «утверждения» советских форм в пространстве города — поскольку калининградцев, по их словам, привыкших в своих родных краях видеть архитектуру «светлой и радостной», «неприятно» поражает «мрачность старой готики и сухая аскетичность позднейшей архитектуры»²⁵⁹.

Стремление привнести в архитектуру Калининграда «домашние» представления о прекрасном привели в том числе к тому, что стал меняться силуэт зданий. Мансардные пространства выравнивались, а на смену черепичным крышам с острыми углами приходили плоские шиферные.

---

²⁵⁶ Рождённая победой... С. 30–31.

²⁵⁷ Митина Е.С. Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 – середина 1950-х годов) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12: Гум. науки. С. 71.

²⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

²⁵⁹ Атанов В., Гаврилов Г. О творческих исканиях и ледяном равнодушии. Письмо молодых архитекторов // Калининградский комсомолец. 1950. 14 сент. С. 3.

Пропорции зданий изменялись. Это существенно меняло облик города, делало его привычным для переселенцев и лишало черт «чуждой “немецкости”»²⁶⁰. Сооружения видоизменялись и за счёт декоративных пластических элементов на фасадах: полуколонн, пилястр, фриз с пятиконечными звёздами, обелисков, новых дат на зданиях, построенных в начале XX в. Автор каталога немецкой архитектуры, сохранившейся в городе после войны, Б. Кёстер, обращая внимание на такой подход, писал: «В то время полагали, что такого рода декорацией можно уничтожить старое и создать что-то новое»²⁶¹.

Интересно, что не все современники были довольны такими приёмами архитекторов. Так, артист областного театра В. Семичев в газетной статье упрекал зодчих, которые идут по «легчайшему, самому примитивному и неверному пути», вкрапляя «в отделку из фасадов пятиконечные звёздочки или шпили на крышах». Это, на его взгляд, не помогало создать «новый стиль здания» в противовес старым немецким образам²⁶².

Противопоставление советского и немецкого на долгие годы стало частью нарратива, рассказывающего об облике и планировке городов. В частности, градостроительство воспринималось через призму соперничества двух политико-экономических систем. Уже в 1947 г. архитектор Д. Тянь писал: «Немецко-тевтонский стиль градостроительства — наследие тех времён, когда немецкие феодалы сооружали замки и бастионы. <...>. Наша же архитектура основывается на принципах новой социалистической эры развития человеческого общества». Пользуясь национальными клише о немцах, Д. Тянь приходил к выводу о том, что жителей Кёнигсберга «интересовало лишь их собственное жилище: отделка квартиры, “техническое усовершенствование” кухни», а потому обывателям не было дела до узких

---

²⁶⁰ Нетреба М.П. Индустриализация – главное направление в строительстве. Калининград, 1962. С. 24; Белинцева И.В. Архитектура Восточной Пруссии в Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 129.

²⁶¹ Кёстер Б. Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Калининград, 2014. С. 14.

²⁶² Семичев В. Город-сад // Калининградская правда. 1953. 17 мая. С. 3.

улиц²⁶³. Ширина улицы впредь стала маркером довоенной или послевоенной планировки: узкие и кривые улицы ассоциировались с Кёнигсбергом, а широкие магистрали с Калининградом.

В широком смысле, как отмечает немецкий исследователь М. Подель, национал-социалистическая интерпретация средневековых стен Кёнигсберга как основы своей идеологии закономерно привела к тому, что она же стала «частью советского образа врага»²⁶⁴. Однако при повсеместной дискредитации немецкой архитектуры некоторые здания, включая, например, ансамбль Ганза-плац (в будущем площади Победы), завершённый к концу 1920-х гг., были использованы для размещения властных институций и правоохранительных органов. Исследовательница О. Сезнева обращает внимание на то, что точкой соприкосновения советского архитектурного канона и исторической застройки города стала «абстракция пространства и его полезность», выразившаяся в сходстве прусского и советского модернизма²⁶⁵. Следует также отметить, что фактором, значительно повлиявшим на формирование административного центра города, стал высокий процент сохранности застройки в районах, появившихся в начале XX в. Градостроительные работы на территории с исторической застройкой были особенностью первых послевоенных лет²⁶⁶.

В 1948 г. управление главного архитектора получило разрешение от столичных органов приступить к проектированию общего городского плана²⁶⁷. Тогда же в город прибыли специалисты центральной проектной организации «Гипрогор» для сбора материалов и фотографирования на местности.

---

²⁶³ Тянь Д. Советский город Калининград // Калининградская правда. 1947. 7 нояб. С. 2.

²⁶⁴ Podehl M. *Architektura Kaliningrada*. Marburg, 2012. S. 62.

²⁶⁵ Sezneva O. *Op. cit.* P. 141.

²⁶⁶ Брокар Е.Н. Архитектурное развитие Калининграда в первые послевоенные годы. Общенациональные черты и региональная специфика // Балтийские исследования. Вып. 4. 2009. С. 83.

²⁶⁷ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.

По словам главного архитектора города Д.К. Навалихина, в этом же году зодчие составили основные, опорные документы и схему строительства первой очереди, в которую входила, в том числе, реконструкция Сталинградского проспекта, мыслившегося в качестве главной улицы города²⁶⁸. Проект был одобрен горисполкомом в 1949 г., т. е. до создания генерального плана. Подобная ситуация, по данным историка Е.С. Манюк, была типичной для всей страны: «правительство требовало скорейшего восстановления городов», а «Гипрогор» «не успевал справляться с большим объёмом работ»²⁶⁹.

План Д.К. Навалихина реконструкции главной улицы послевоенного Калининграда, однако, представляет особый интерес. Часть Сталинградского проспекта от площади Победы до драмтеатра практически не подлежала перепланировке. По замечанию Б. Хоппе, это стало возможным, поскольку довоенные здания на этом отрезке «в значительной степени соответствовали советским представлениям о проспекте»²⁷⁰. В одном из вариантов реконструкции проспекта предполагалось его спрямление, что повлекло бы за собой снос части жилой застройки. Сохранилось несколько рисунков 1949–1951 гг., на которых были изображены ключевые места, которые Д.К. Навалихин предполагал реконструировать в парадном духе. Среди них, например, здание Северного вокзала, на одной из частей которого воспроизводилась копия Спасской башни Московского Кремля в натуральную величину. Ещё одна башня, но уже с зубцами, предполагалась в качестве доминирующего элемента в архитектурном облике драматического театра. Её шпиль завершался пятиконечной звездой. Входная группа стадиона «Динамо»²⁷¹ за театром должна была быть выполнена в монументальном духе

---

²⁶⁸ Навалихин Д. Контуры будущего // Калининградская правда. 1949. 1 янв. С. 3.

²⁶⁹ Манюк Е.С. Советское градостроительство... С. 115.

²⁷⁰ Норре В. *Op. cit.* S. 60.

²⁷¹ В 1954–1958 гг. стадион носил название спортивного общества «Пищевик», впоследствии был переименован в «Балтику».

и состояла из двух колонн-обелисков. Все сооружения были дополнительно украшены скульптурами²⁷².

Б. Хоппе отмечал, что для местных проектировщиков было важно восприятие города извне, и потому их проекты были более радикальны, чем планы столичного градостроительного института «Гипрогора». К.Д. Навалихин, по его мнению, ориентировался не столько на удовлетворение нужд населения, сколько на эстетико-пропагандистский эффект архитектуры. В частности, архитектор в своих проектах перепланировки равнялся на Москву. Это объяснялось схожестью застройки обоих городов: Кёнигсберг и Москва были построены по радиально-кольцевому принципу. При этом главный архитектор Калининграда мало учитывал местную специфику: «Все значительные сооружения, построенные в городе немцами, носили отпечаток подражаний, не поднимающихся выше среднего уровня как с архитектурной, так и с планировочной точки зрения»²⁷³.

Характерно, что планы архитектора по восстановлению Сталинградского проспекта были восприняты не слишком благосклонно. Один из рецензентов — член-корреспондент Академии архитектуры СССР Я.А. Корнфельд — оценил архитектурную обработку большинства домов как «очень скудную» и раскритиковал проект воспроизведения Спасской башни — одоблив, впрочем, саму идею «духовной связи» с русским зодчеством, реализовать которую стремился Д.К. Навалихин. В завершение эксперт пришёл к выводу, что «авторы стали в какой-то мере пленниками старого архитектурного пейзажа города с его безрадостной окраской».

---

²⁷² Проекты реконструкции общественных пространств Калининграда, подготовленные Д. К. Навалихиным в 1949–1951 гг.: площадь Победы URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21187079> (дата обращения 09.10.2023); сквер у театра URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21187067> (дата обращения 09.10.2023); стадион «Динамо» URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21187111> (дата обращения 09.10.2023).

²⁷³ Цит. по: Белинцева И.В. Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики. М., 2002. С. 124.

Вследствие этого планировочное и архитектурное решение было наполнено «печалью и мрачностью форм»²⁷⁴.

Вероятно, слова критика были услышаны Д.К. Навалихиным. Во всяком случае, описывая будущее Калининграда в 1950 г., архитектор сделал акцент на том, что Сталинградский проспект будет выполнен в «жизнерадостных формах», станет парадным и монументальным²⁷⁵. Впрочем, молодые архитекторы, принимавшие участие в благоустройстве проспекта и реконструкции зданий, подвергали сомнению некоторые его архитектурные решения, указывая, что Навалихин работает над восстановлением зданий, тогда как необходимо заниматься полноценной их реконструкцией «в отечественном стиле»²⁷⁶.

Д.К. Навалихин принимал участие и в разработке генплана города, порученной «Гипрогору». Генеральный план был утвержден Советом министров РСФСР в 1953 г. Руководителем и автором проекта стал архитектор М.Р. Наумов. В начале своей работы он дал интервью областной газете, где сформулировал основные принципы будущего градостроительного проекта. Среди них назывались «уменьшение плотности застройки, озеленение и постройка общественных зданий», а также расширение улиц²⁷⁷. При этом заявлялось о восстановлении уцелевших «ценных» зданий, к которому были отнесены строения системы здравоохранения, входящие в состав района вокруг целлюлознобумажного комбината, а также рядом со зданием университета.

Определяющим оставался вопрос центра города. Как отмечает искусствовед И.В. Белинцева, «архитектурное “поведение” по отношению к городскому центру было всегда фактором политическим, выражением

---

²⁷⁴ Цит. по: Норре В. Op. cit. S. 60.

²⁷⁵ Навалихин Д.К. Будущее Калининграда // Калининградский комсомолец. 1950. 31 дек. С. 3.

²⁷⁶ Атанов В., Гаврилов Г. О творческих исканиях и ледяном равнодушии. Письмо молодых архитекторов // Калининградский комсомолец. 1950. 14 сент. С. 3.

²⁷⁷ Каким будет Калининград // Калининградская правда. 1949. 30 апр. С. 3.

отношения к предшествовавшей, господствовавшей культуре. Практическое отсутствие центра в послевоенные годы, несмотря на все попытки его организации, свидетельствовало об отсутствии индивидуального лица города в целом»²⁷⁸. Первоначально центр сместился в район ул. К. Маркса и Сталинградского проспекта, который, будучи наименее разрушенной улицей неподалёку от центра, стал первой восстановленной. Предлагался вариант образования центра в районе рынка (нынешняя улица Черняховского), в исторической замковой области, а также на площади Победы, которая несколькими годами ранее считалась «важнейшим первоочередным объектом благоустройства»²⁷⁹.

Разработчик генплана М.Р. Наумов, признавая сплошную руинированность старого центра у замка, настаивал на том, что «отказаться от него совсем нельзя»: там были проложены кабели электричества, трамвайные линии, газовые трубы, канализационная и водопроводная системы. Именно в этом пространстве проект «Гипрогора» предполагал возведение «огромного» Дворца Советов²⁸⁰, мыслившегося как памятник М.И. Калинин. Дворец должен был быть увенчан высокой башней-маяком, презентующей Калининград как город-порт²⁸¹. За два года до этого архитектор Д. Тянь упоминал, что памятник-маяк будет нужен для того, чтобы указывать судам путь к городу по морскому каналу²⁸². Дополнительного символизма Дворцу советов придавало место его расположения — в центре старого Кёнигсберга, на месте замка и с интеграцией его руин в конструкцию будущего здания²⁸³.

---

²⁷⁸ Белинцева И.В. Архитектурно-градостроительная... С. 129.

²⁷⁹ Перепланировка площади в Калининграде // Калининградская правда. 1951. 10 апр. С. 3.

²⁸⁰ В литературе встречается также наименование «Дом Советов», распространённое в более поздние десятилетия.

²⁸¹ «Калининский маяк», как отмечает М. Подель, был темой, уходящей корнями в древние времена — к эпохе Колосса Родосского, но уже проработанной в 1931 г. в конкурсе на создание Ленинского маяка для Ленинграда (Podehl M. Op. cit. S. 90).

²⁸² Тянь Д. Советский город Калининград // Калининградская правда. 1947. 7 нояб. С. 2.

²⁸³ Каким будет Калининград // Калининградская правда. 1949. 30 апр. С. 3.

В довоенное время замок был ключевой доминантой города. За 700-летнюю историю он сменил множество ролей — от военной крепости до коронационной площадки. К XX в. замок стал рассматриваться преимущественно в качестве исторического объекта, хранящего культурные ценности, символа духовной жизни жителей Восточной Пруссии, ядра города, с которого началась история Кёнигсберга. Серьезно пострадавший во время войны объект всё же оставался заметным на линии горизонта Калининграда. Редкое воспоминание переселенцев обходилось без упоминания о его руинах. В реалиях локальной политики памяти советских властей замок стал транслировать противоположные довоенным смыслы: воинственность, угрозу безопасности границ СССР, враждебный социально-политический строй. Иными словами, он стал средоточием всего чуждого, и потому триумфальное размещение Дворца Советов на замковых руинах было и политическим актом победы советского над немецким.

Нельзя не отметить, что проект «Гипрогора» 1953 г. был прежде всего рациональным. Он учитывал, сохранял и дополнял радиально-кольцевую систему улиц при переосмыслении зонального разделения города и экологически обоснованного расположения промышленных территорий. Он также предусматривал использование подземных коммуникаций, сохранение исторического центра и даже нескольких кирх²⁸⁴. Во многом по этой причине проект получил одобрение вышестоящих московских органов. Впрочем, как впоследствии отметил архитектор Грабов, «генплан был, но его перекраивали как кому угодно, не было градостроительной дисциплины»²⁸⁵.

Д.К. Навалихин всё это время продолжал проектирование города и в 1954 г. составил первый вариант своей диссертации «К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда», который, спустя два года, был им

---

²⁸⁴ Включая Кафедральный собор, Штайндаммскую церковь, кирху Лютера, Хабербергскую кирху, Бург-кирху (Митина Е.С. Первые градостроительные проекты Калининграда (1946 — первая половина 1950-х годов) // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2014. Вып. 8. С. 55).

²⁸⁵ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 70. Л. 25.

отредактирован в соответствии с актуальными веяниями градостроительного дела²⁸⁶. Несмотря на лозунг, выдвинутый им в начале пребывания в должности — «Калининград должен быть и будет образцовым социалистическим городом»²⁸⁷ — во второй редакции диссертации Д.К. Навалихин предлагал сохранить отдельные немецкие сооружения в качестве исторических памятников, что, на его взгляд, могло подчеркнуть «специфику и богатое прошлое города». Контраст немецкого и советского, по его словам, «несомненно, обогатит и усилит идейно-художественный образ как центра, так и [всего] будущего города Калининграда»²⁸⁸.

Несложно заметить, что высказывания Д.К. Навалихина носили противоречивый характер. Он корректировал свои взгляды в зависимости от экспертной критики, оценок вышестоящих органов власти и меняющегося политического курса. Коллега архитектора С.С. Попадюк в 1980 г. в своём дневнике оценил заслуги Д.К. Навалихина на посту главного городского зодчего следующим образом: «Он довершил то, что не успели сделать артиллерия и авиация»²⁸⁹ — подразумевая под этим ответственность последнего, по крайней мере частичную, за уничтожение довоенной застройки. Несмотря на то, что в неблагоприятной экономической ситуации послевоенных лет архитектурные планы Д.К. Навалихина в основном остались на бумаге, современные исследователи его деятельности склонны утверждать обратное: благодаря архитектору были сохранены многие довоенные памятники архитектуры²⁹⁰.

---

²⁸⁶ Манюк Е.С. Д.К. Навалихин — главный архитектор города Калининграда // Время музея. 2018. Вып. 1. С. 413.

²⁸⁷ Навалихин Д. Продуманно вести застройку // Калининградская правда. 1948. 24 фев.

²⁸⁸ Белинцева И.В. Архитектура Восточной Пруссии... С. 129.; Манюк Е.С. Д.К. Навалихин — главный... С. 417.

²⁸⁹ Запись из дневника искусствоведа и члена Союза московских архитекторов С.С. Попадюка за 7 марта 1980 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/4495> (дата обращения: 09.10.2023).

²⁹⁰ Включая здания нового университета, Академии искусств, Биржи, Южного и Северного вокзалов, Палестру Альбертину, Новую ратушу, башни Врангеля, Дона, городские ворота (см. Белинцева И.В. Архитектура Восточной Пруссии... С. 128; Манюк Е.С. Д.К. Навалихин — главный ... С. 417).

Градостроительные планы разрабатывались местными и столичными специалистами на грядущие десятилетия. Между тем, пока архитекторы мыслили глобально, городские службы ежедневно стремились предотвращать аварии, причинами которых становились руины старого города. Десятки аварийных домов подвергались принудительному разрушению из соображений безопасности. По воспоминаниям Н. Новикова, бывшего курсантом в послевоенном городе, стены могли обрушиваться на тротуар от порыва ветра²⁹¹. Город продолжал изумлять приезжих руинами, например, учитель истории из московской школы, побывав в Калининграде в марте 1953 г., отметил в своём дневнике: «С первого взгляда даже трудно сказать, чего больше — живых домов или развалин»²⁹².

В разрушенном состоянии также находилось значительное количество кирх. По подсчётам архивиста А.П. Бахтина, из 222 кирх в Восточной Пруссии на территории, отошедшей к СССР, во время войны пострадала каждая третья — причём большинство из получивших повреждения находилось в Кёнигсберге. На плане города 1948 г. кирхи были отнесены к категории «фактически снесённых»²⁹³. Переселенцы приспособляли здания культовых построек для практических, в том числе хозяйственных нужд, переоборудуя их в склады, клубы, спортзалы, кинотеатры, дома культуры, а подчас и коровники. Некоторые кирхи разбирались на кирпич и шли на строительство других зданий. Ликвидация кирх также стала повсеместной. В 1950-е гг. были ликвидированы 33 кирхи²⁹⁴. На месте кладбищ, некогда организованных вокруг кирх, возникали парки культуры. В устной речи за

---

²⁹¹ Новиков Н. Письмо из курсантской... С. 103.

²⁹² Запись из дневника учителя истории из московской школы Л.Я. Липкина от 8 марта 1953 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5382> (дата обращения: 08.10.2023).

²⁹³ Podelt M. Op. cit. S. 88.

²⁹⁴ Бахтин А. П. Кёнигсбергские кирхи // Запад России. 1994. № 4 (12). С. 169, 171.

такой метаморфозой закрепилось отдельное понятие «парк живых и мёртвых»²⁹⁵.

Реконструкция города шла медленно по целому ряду причин, включая отсутствие техники, стройматериалов, производственных мощностей, нехватку специалистов, отсутствие слаженной работы ведомств и систематического контроля. Тормозила процесс и поставленная высшими органами власти задача «перестраивать “по-новому, по-советски”»²⁹⁶. Несмотря на то, что политика «изгнания прусского духа» находила воплощение в концепциях архитекторов на бумаге, в послевоенных реалиях, как справедливо замечает Е.Н. Брокар, на первом плане стояла прагматическая задача использования сохранившейся застройки и изменения функций зданий²⁹⁷.

Если архитектурное решение облика города было комплексной задачей с несколькими переменными, главной из которых была экономическая, то вопрос насыщения городского пространства скульптурными формами и символическими знаками находился в сугубо идеологической зоне. В мемориальной парадигме монументы и скульптуры считаются чем-то гораздо большим, чем произведения искусства. Скульптурные изображения следует рассматривать, по выражению исследователей И.А. Аполлонова и А.А. Хлевова, не иначе, чем как «символическое утверждение и наглядное выражение определённой идеологемы, посредством которой конструируется образ прошлого, его семантика»²⁹⁸. В России «война памятников» ярко проявилась в революционные годы XX в. Исследователь В.В. Лапин указывает на следующую закономерность: «На фронтах войн памяти наибольшей опасности подвергаются символические конструкции, которые

---

²⁹⁵ Безруков В.Н. Прошлое для настоящего и будущего // Запад России. 1993. № 4 (8). С. 6; Боровская Н. Память... С. 161.

²⁹⁶ Митина Е.С. Восстановительный период... С. 76.

²⁹⁷ Брокар Е.Н. Архитектурное развитие Калининграда... С. 82.

²⁹⁸ Аполлонов И.А., Хлевова А.А. Памятник в контексте исторической памяти // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 4. С. 78.

при своем создании были рассчитаны на долгое существование, на трансляцию восторга победы последующим поколениям. [...] И чем более жестким был переход, тем более безжалостно относились победители к кумирам побежденных»²⁹⁹. Калининград родился в войне, и более жестокий способ трансформации, чем война, сложно вообразить. Антагонизм победителя и побежденного ярко отразился на культурном наследии края.

В книге немецкого исследователя Х.М. Мюльпфордта, посвященной кёнигсбергской скульптуре, насчитывалось 410 политических, научных и культурных деятелей города, которым были посвящены сотни изваяний³⁰⁰. Часть из них исчезла при бомбардировках города, пострадала во время боевых действий, часть была ликвидирована в послевоенные десятилетия. Бесследно исчезли памятники, бюсты, барельефы политических и военных деятелей. При этом зафиксированная источниками деконструкция некоторых из них подчеркивает значимость самого процесса вытеснения памятников из символического пространства. Характерен случай с монументом Отто фон Бисмарку, который исчезал постепенно. Сначала был демонтирован бронзовый дракон у его ног. Затем, в конце 1948 г., оставшаяся фигура была использована в процессе первых в Калининграде съемок художественного фильма «Встреча на Эльбе» режиссёра Г. Александра. По воспоминаниям очевидцев, внутри памятника был разожжён костёр, чтобы на экране было видно, как из пролома в голове клубился дым³⁰¹. Популярный в Германии памятник Бисмарку, таким образом, стал символом, частью чуждой культурной идентичности, добавив фильму достоверности, хотя по сюжету киноленты события происходили в Саксонии, а не Восточной Пруссии. После съёмок от памятника германскому канцлеру остался лишь постамент.

---

²⁹⁹ Лапин В.В. Война памятников... С. 145.

³⁰⁰ Mühlpfordt H.M. Königsberger Skulpturen und ihre Meister 1255–1945. Würzburg, 1970. S. 281–293.

³⁰¹ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград, 2018. С. 234–236.

Ликвидация большинства памятников не зафиксирована в письменных источниках. Тем не менее в записанных позже интервью первые переселенцы вспоминали о сносе, например, памятника 1931 г., располагавшегося в центре города, посвященного Первой мировой войне «За нас» («Für uns»), изображавшего мать, положившую голову на грудь сыну³⁰². О причинах его ликвидации через несколько десятилетий вспомнил в одном из своих документальных романов писатель Ю.Н. Иванов, который в 17 лет вошёл в Кёнигсберг вслед за советскими военными в составе музыкально-похоронной команды: «“За нас”!? Ну-ка, подумай своей головой: за кого? За фашистскую Германию? Значит, против нашей социалистической Родины, против тебя, нас всех!»³⁰³.

Хорошо запомнилась калининградцам скульптура Вильгельма I, установленная в самом центре города на юго-западном углу Кёнигсбергского замка. Кайзер был изображён с мечом, поднятым вверх. Первыми переселенцам этот жест считывался как воинственный. Поэт Ю. Андрущенко в своём произведении использовал образ памятника как олицетворение всей Восточной Пруссии: «...Здесь миру грозил / Обнажённым мечом / Надменный король / С пьедестала. / Но сброшены нами / На сплав короли. <...>»³⁰⁴. В свою очередь архитектор Д.К. Навалихин, характеризуя старую площадь у замка, напомнил: «У старожилов города с этим названием связано представление о мрачном Королевском замке³⁰⁵, зловещей фигуре Вильгельма с мечом, занесённым на восток»³⁰⁶.

Известно, что некоторые памятники утилизировали на металлолом. Такая участь, например, постигла крупнейший кёнигсбергский памятник

---

³⁰²ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 11. Л. 56; Восточная... С. 234.

³⁰³ Иванов Ю.Н. Танцы в крематории. Десять эпизодов кёнигсбергской жизни. Калининград, 2006. С. 178.

³⁰⁴ Андрущенко Ю. Калининград // Калининград: литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград, 1951. С. 163.

³⁰⁵ Народное название Кёнигсбергского замка.

³⁰⁶ Навалихин Д.К. Будущее Калининграда // Калининградский комсомолец. 1950. 31 дек. С. 3.

королю Фридриху Вильгельму III — участнику войн с Наполеоном. 15 июля 1950 г. группа сборщиков металлолома сбросила с постаментов одиннадцатиметровую конную статую весом 12,5 тонн, повредив при этом конную фигуру. Данный акт был санкционирован председателем Ленинградского райисполкома Красновым. Однако вышестоящий исполком Калининградского горсовета посчитал действие «самовольным [и] непродуманным», и, кроме того, нарушающим положение о порядке охраны и снятия памятников и статуй³⁰⁷. Части памятника было решено отдать на хранение коммунальному отделу. Однако впоследствии скульптура была утрачена, а один из переселенцев вспоминал, что был участником её демонтажа, который осуществлялся с помощью горелок, позволявших разделять металл: «Очень жаль было красивый памятник, но приказы сверху не обсуждают. Уничтожение следов немецкого пребывания было выше интересов культурной ценности»³⁰⁸.

Есть сведения о рациональном использовании фрагментов других немецких памятников. В посёлке Янтарном, например, несколько камней из «инсталляции» 1930-х гг., посвященной Версальскому договору 1919 г., остались у подножья братской могилы советских воинов и, таким образом, демонстрировали практику символического замещения немецкого советским. В Калининграде бюст немецкого коммуниста Э. Тельмана несколько десятилетий располагался на основании, до войны принадлежавшем скульптуре И. Канта³⁰⁹. Постамент прусского фельдмаршала Л. Йорка использовался под временный бюст К. Марксу. Гипсовый памятник, изображавший И.В. Сталина по пояс, был водружён на бетонный столб, на котором до этого, по воспоминаниям первых переселенцев, «красовалось

---

³⁰⁷ Цит. по: Чебуркин Н.А. Конный памятник // Балтийский альманах. 2004. № 4. С. 12.

³⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 50. Л. 109.

³⁰⁹ Оригинальная скульптура И. Канта пропала. В дальнейшем выяснится, что она была спрятана в одном из имений, однако её поиски всё равно не увенчались успехом (подробнее см. гл. 4 п. 3 настоящей диссертации).

изображение орла со свастикой». Надгробия рядовых кёнигсбержцев также использовались для переделки их в новые памятники³¹⁰.

Другие скульптуры перемещали по области и с места на место внутри городов. Множество немецких анималистических скульптур свозились в близкий им тематически калининградский зоопарк³¹¹. Некоторые бронзовые животные оказались по вкусу высокопоставленным советским гражданам. Так, скульптура «Играющие борзые» Э. Шмидта-Кестнера украшала сад генерал-майора танковых войск А. И. Соммера, а скульптурная группа мальчика с львицей и лъвьятами — фрагмент памятника первому директору Кёнигсбергского зоопарка Г. Клаасу работы скульптора В. Розенберга, — наоборот, покинула территорию зоопарка и оказалась на территории одного из особняков³¹².

Исключением из правил стали И. Кант и Ф. Шиллер, чьи фигуры, вслед за П. Нора, следует трактовать как места памяти, а их конкретные материальные воплощения — портик с кенотафом и памятник — как важные памятные места. Сохранению усыпальницы немецкого философа калининградцы обязаны товарищу В.В. Любимову, который в первые месяцы 1947 г. отправил в газету «Известия» письмо с напоминанием об исключительной роли Канта как «родоначальника классического немецкого идеализма»³¹³. Далее В. В. Любимов подробно описал усыпальницу Канта, выразив опасение в том, что при сносе руин собора, частью которого являлся портик, захоронение также может исчезнуть.

Письмо В.В. Любимова, который, по мнению Ю.В. Костяшова, скорее всего, был равнодушным калининградцем, имело ряд значимых

---

³¹⁰ ГАКО. Ф. П-2. Оп. 12. Д. 3. Л. 157; Восточная Пруссия глазами... С. 241; Боровская Н. След человека. Размышления на старом кладбище // Калининградская правда. 1989. 28 мая. С. 3; Боровская Н. Память: оковы... С. 162.

³¹¹ Калининградский зоопарк. Истории о людях и животных, о природе и памятниках: путеводитель. Калининград, 2023. С. 22, 53, 65.

³¹² Калининградский зоопарк... С. 48.

³¹³ Цит. по: Костяшов Ю.В. Кто спас усыпальницу Иммануила Канта от разрушения? // Кантовский сборник. 2002. Вып. 23. С. 129–130.

последствий. Был проведён осмотр руин, инспектор по охране исторических и археологических памятников составил справку о сохранности сооружения, после чего через неделю горком партии распорядился привести усыпальницу И. Канта «в надлежащий вид» и сделать мемориальную доску, текст которой следовало составить на основе «оценки классиков»³¹⁴.

Авторы исследования о коммеморативных практиках, сложившихся вокруг фигуры философа в советское время, Д.В. Манкевич, М.Е. Мегем, М.В. Филёв полагают, что сохранению памяти об И. Канте способствовали представления о знаменитом кёнигсбержце как «правильном немце», биографию и труды которого следует популяризировать³¹⁵.

Внимание к захоронению И. Канта со стороны городских властей сохранялось и в последующие годы. Например, в феврале 1954 г. заведующему похоронным бюро Святцеву было поручено осуществить «текущий ремонт на могиле Канта», а другим городским службам — расчистить проезды к могиле от завалов, произвести околку льда, посыпать улицу песком и закрыть крышки колодцев³¹⁶. В 1957 г. «могила Канта» вошла в первый региональный список памятников, имевших культурное значение³¹⁷, в котором, помимо прочих, значился и памятник Ф. Шиллеру.

Как точно заметил И.О. Дементьев, в Калининграде «мировая культура на протяжении всего советского периода была представлена единственным заметным в городском пространстве памятником — фигурой Фридриха Шиллера»³¹⁸. Произведения драматурга публиковались в СССР, они были доступны в библиотеках, а пьесы по мотивам его творчества регулярно ставились на сцене калининградской драмы.

---

³¹⁴ Там же. С. 125.

³¹⁵ Манкевич Д.В., Мегем М.Е., Филёв М.В. От «правильного немца»... С. 138–160.

³¹⁶ ГАКО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 126. Л. 21.

³¹⁷ Там же. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 240. Л. 201.

³¹⁸ Дементьев И.О. Советские гражданские памятники... С. 52.

Уважение к Ф. Шиллеру подчеркивалось тем фактом, что именно у его изваяния были захоронены советские солдаты, принимавшие участие в штурме Кёнигсберга³¹⁹. Однако уже в 1948 г. газета «Калининградская правда» охарактеризовала состояние мест погребения на Сталинградском проспекте (и ряда других) как «плачевное» — «ограды их покосились, выцвели пирамидки, венчающие могилы»³²⁰. Вместе с тем соседство двух культур не прошло мимо городских властей. По решению горисполкома от 25 марта 1948 г. ввиду непосредственной близости памятника к могилам, Шиллера собирались перенести в сквер по левую сторону от театра³²¹.

Возможно, решение не было выполнено сразу, поскольку памятник пострадал от пуль и осколков снарядов. На архивных фотографиях заметно, что скульптура поэта была «ранена» в плечо снарядом, от попадания которого осталось сквозное отверстие³²². В апреле 1952 г. была проведена реставрация памятника³²³. Согласно новому генеральному плану, памятник предполагалось перенести на одноимённую улицу, к зданию Калининградской областной конторы Госбанка СССР³²⁴. Однако это решение было отменено.

На Шиллера были распространены и советские коммеморативные практики. Накануне 150-летия со дня смерти «защитника идей свободы и справедливости» у подножья памятника была проведена церемония возложения венков. В ней принимали участие делегаты от культурных и образовательных учреждений. На организованном по этому случаю митинге преподаватель педагогического института Р.А. Закруткин сказал: «Нам близки и понятны его [Шиллера. — С.Ф.] свободолюбивые идеи, его страстное желание видеть свою родину свободной и независимой. Именно

---

³¹⁹ Костяшов Ю.В. Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX – начало XXI в.) // Наследие веков. 2020. № 3. С. 64.

³²⁰ Памятники Великой Отечественной войны // Калининградская правда. 1948. 16 января. С. 3.

³²¹ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 87 Л. 23.

³²² Там же. Ф. Р-1275. Оп. 16. Д. 1. Л. 10.

³²³ Восстановление памятника Шиллеру // Калининградская правда. 1952. 30 апр. С. 4.

³²⁴ ГАКО. Ф. Р-216. Оп.1. Д 87. Л. 4.

поэтому мы так бережно храним признательную память о нём»³²⁵. 12 мая в находящейся по соседству с памятником областной библиотеке состоялась лекция филолога Т.Л. Вульфович под названием «Шиллер — великий немецкий поэт»³²⁶.

Помимо памятников «правильным немцам» Шиллеру и Канту, в новый идеологический канон встраивались и досоветские монументы славы русского оружия. В посёлке Нагорное Черняховского района, например, сохранилась мемориальная стела, посвященная фельдмаршалу Барклаю де Толли, установленная ещё в 1821 г.³²⁷ Директор областного краеведческого музея И. Ковтун рассказал о биографии полководца в газете, заключив, что памятник Барклаю де Толли «дорог каждому советскому человеку», поскольку на территории области «пролита кровь русских солдат в освободительных войнах»³²⁸.

В 1954–1957 гг. в области проводилась большая работа по обновлению охранных списков памятников культуры и истории. Эти действия были следствием принятых в конце 1940-х на общесоюзном уровне важных нормативных актов, способствовавших формированию действенной государственной структуры по охране памятников и, как следствие, сохранению, по оценке искусствоведа Л.И. Лифшица, «буквально тысяч памятников истории и культуры»³²⁹. В Калининградской области перечень важных объектов культуры, находившихся под охраной государства, был удлинён за счёт скульптуры миннезингера В. фон дер Фогельвейде, захоронений немецких учёных Бесселя, Неймана, Каспари, Руппа, а также могил русских солдат 1807 г.

---

³²⁵ Памяти великого писателя // Калининградская правда. 1955. 10 мая. С. 4.

³²⁶ Извещение // Калининградская правда. 1955. 12 мая. С. 4.

³²⁷ Объекты культурного наследия Калининградской области. Калининград, 2013. С. 693.

³²⁸ Ковтун И. Памятник Барклаю-де-Толли // Калининградская правда. 1953. 5 июля. С. 3.

³²⁹ Лифшиц Л.И. История законодательства в области охраны и реставрации памятников культуры // Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX–XX веках. М., 2008. С. 99.

В свою очередь советскими памятниками на территории Калининградской области стали братские могилы и одиночные захоронения, которые возникали в ходе Восточно-Прусской операции. Как отмечает Ю.В. Костяшов, первоначально «понятие “памятник”, “исторический памятник”, “памятник культуры” применялось только по отношению к захоронениям советских воинов, павших в боях за Восточную Пруссию»³³⁰.

Первым советским памятником в крае ещё до его переименования стал мемориальный ансамбль 1200³³¹ воинам 11-й гвардейской армии, погибшим при штурме города и крепости.

После взятия Кёнигсберга в период, когда война ещё не была завершена, была создана специальная комиссия³³², в задачи которой входила организация работ по увековечиванию недавних событий. Она выбирала место для создания мемориала и привлекала к его созданию бывших военных, из которых отбирались архитекторы, скульпторы, художники, поэты³³³. Перед ними, как писал в очерке о создании мемориала историк В.Н. Строкин, была поставлена задача «продумать, каким должен быть памятник». И именно их «далекие от совершенства» эскизы стали основой для профессиональных художников³³⁴. Первоначальный проект был готов к моменту подписания командующим войсками 11-й гвардейской армии К.Н. Галицким и другими военными приказа «соорудить» памятник и произвести перезахоронение павших из шести дивизионных кладбищ³³⁵. Символично, что приказ был

---

³³⁰ Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 34.

³³¹ На самом деле на территории мемориала захоронено 1152 воина (Каталог объектов культурного наследия Калининградской области. М., 2005. Т. 3. С. 51).

³³² В неё, в частности, входили генерал К.Н. Галицкий и его заместитель по инженерным войскам М.Г. Григоренко (Кретинин Г.В. По маршруту М.Г. Григоренко. Калининград, 2020. С. 29).

³³³ Например, автором надписи на памятнике стал Ю.М. Чернов — военный корреспондент, присутствовавший при допросе коменданта города О. Ляша, а натурщиками для скульптур послужили В. Перестронин и М. Полисадов — сапёры 3-го Белорусского фронта (Фостова С.А. Мемориал 1200 гвардейцам в Калининграде // Теория и практика современных краеведческих исследований. Тамбов, 2015. С. 67–73).

³³⁴ Родина будет славить вас вечно. Калининград, 1986. С. 22.

³³⁵ ЦА МО РФ. Ф. 358. Оп. 5926. Д. 22. (Копия документа из библиотеки ГАКО).

оформлен в день подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г.

На строительство мемориала ушло всего 108 дней. Ведущий скульптор мемориала Ю. Микенас позже вспоминал: «Мы никогда не видели такого. Город ещё горит, и в горящем городе советский человек ставит памятник своему современнику, своему товарищу по оружию, своему брату»³³⁶. Приглашение принять участие в проекте получили шесть литовских скульпторов и около 120 мастеров-каменотёсов.

Расположение и облик мемориала были полны символизмом. Поблизости произошло объединение наступающих частей Красной армии, и именно отсюда ушли советские парламентарии на встречу с комендантом города для принятия капитуляции³³⁷. А главным элементом мемориала стал обелиск, в котором была «выражена сила и мощь Советской Армии», и который напоминал солдатский штык, а в проекции сверху являлся пятиконечной звездой³³⁸.

Группа привлечённых литовских скульпторов создала две симметрично расположенные по обе стороны мемориала композиции «Штурм» и «Победа», воплощавшие годы начала и конца войны. Изначально разрабатывался вариант с аллегорической фигурой парящей женщины — символом Победы. Однако автор Ю. Микенас решил, что «крылатые богини бессильны выразить дух новой, героической эпохи»³³⁹ и остановился на образах воинов, причём, поскольку «памятник посвящался людям», скульптор отказался от классических символов вроде лавровых венков, которые были предусмотрены

---

³³⁶ Червонная С. Микенас. Л.; М., 1963. С. 40.

³³⁷ Десятого апреля 1952 г., в седьмую годовщину капитуляции Кёнигсбергского гарнизона, рядом с бункером коменданта крепости на так называемой «Площади героев» — топоним не получил официального статуса, — куда пришли парламентарии, была открыта мемориальная доска на постаменте, посвященная этому историческому событию (Быкова Н.И., Воробьева Ю.С. История отдельно стоящей экспозиции Калининградского областного историко-художественного музея «Бункер» // Время музея. 2018. Вып. 1. С. 54).

³³⁸ Будрис С. Памятник Победы в Калининграде // Budrys St. Pergalės monumentas Kaliningrade. Vilnius, 1965. С. 7; Балязин В.Н. Памятники славы. Калининград, 1956. С. 69.

³³⁹ Червонная С. Микенас... С. 42.

в первоначальном варианте. Их заменили актуальные символы боевой славы — знамена, автоматы, гранаты³⁴⁰. За скульптурную группу «Победа» заслуженный деятель искусства Литовской ССР получил Сталинскую премию второй степени в 1947 г.³⁴¹

С. Будрис писал, что открытие памятника «знаменовало собой начало новой, мирной жизни Кёнигсберга»³⁴². Монумент стал первым сооружением советского периода в области и со временем превратился в узнаваемую эмблему города. Упрощённый графический рисунок мемориала с обелиском и скульптурной группой «Победа» стали повсеместно использовать в оформлении полиграфической продукции о регионе. Кроме того, регулярные коммеморативные практики, которые в будущем сложатся вокруг мемориала — от вахт памяти до посещения молодожёнами, — превратят его в главное место памяти Калининграда. Тем не менее памятник, презентовавший Победу и мужество всех советских воинов, изначально славил героизм лишь тех, кто находился в составе 11-й гвардейской армии, в то время как в штурме принимали участие ещё два соединения: 43-я и 50-я армия. Это противоречие в будущем стало источником дискуссий.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. проводилась административная работа с целью увековечить в мемориальном ландшафте города память о полководцах А.В. Суворове и М.И. Кутузове, а также Петре I. Памятной доски последнему в городе так и не было установлено³⁴³, но полководцев увековечить удалось. В апреле 1949 г. в письме Центральному военно-историческому архиву СССР в Ленинграде сообщалось, что Калининградский областной совет депутатов принял решение установить военным деятелям мемориальные доски в местах их пребывания и просил архивистов сообщить перечень соответствующих населённых пунктов и зданий. Отдельно

---

³⁴⁰ Будрис С. Указ. соч. С. 6–7.

³⁴¹ В Совете министров СССР // Известия. 1947. 7 июня. С. 3.

³⁴² Будрис С. Указ. соч. С. 5.

³⁴³ Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 37.

уточнялось, что полученные данные «будут иметь для молодой строящейся Калининградской области огромное значение»³⁴⁴. Поскольку в данном архиве интересные сведения отсутствовали, то запрос был перенаправлен в другие специализированные учреждения.

В следующем году был получен ответ из Государственного исторического музея. Его сотрудники сообщали, что «наиболее точным» местом пребывания А.В. Суворова следует считать Кёнигсбергский замок, который будущий генералиссимус посещал в отпуске в начале 1760-х гг.³⁴⁵ Этих данных оказалось достаточным для того, чтобы бюст А.В. Суворова был установлен в середине 1960-х гг. в соответствии с рекомендациями музейных специалистов у юго-западной части замка. Примечательно, что бюст водрузили на постамент, ранее принадлежавший памятнику О. фон Бисмарку³⁴⁶.

О пребывании М.И. Кутузова в Кёнигсберге было сообщено работниками Центрального государственного военно-исторического архива. 23 июня 1950 г. в ответе на запрос зампреда Калининградского облисполкома В. Кролевского из администрации архива ответили, что они располагают лишь данными о том, что полководец находился в городе 19 октября 1799 г.³⁴⁷ Бюст М.И. Кутузова был установлен в начале одноимённой улицы в октябре 1953 г.³⁴⁸, причём постамент для бюста, судя по архивным фотографиям³⁴⁹, был схож с тем, на котором до войны располагался памятник герцогу Альбрехту.

---

³⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 264. Л. 1.

³⁴⁵ Там же. Л. 2.

³⁴⁶ В списках исторических памятников и старинных зданий в Калининграде и области, состоящих на государственном учёте, составленном областным отделом строительства и архитектуры в 1963 г. для Москвы (ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 2. Д. 38. Л. 6), автором данного памятника значится уже местный автор О. Авраменко (год установки указан как 1956-й).

³⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 264. Л. 6.

³⁴⁸ Колганова Э.М., Колганов И.П. Путеводитель по Калининграду [Ксерокопия] / перепеч. с издания 1967 г. в 2003 г. Калининград, 1967. С. 52.

³⁴⁹ См., например, фото памятника 1958 г. (ГАКО. Фотофонд. Арх. № 8).

В 1950 г. в списки памятников облисполкома был занесён также памятник И.Д. Черняховскому, торжественно открытый в разрушенном городе двумя годами ранее. К его созданию были привлечены немецкие военнопленные, имевшие профессиональные навыки. По воспоминаниям одного из них, барельеф был изготовлен по небольшой паспортной фотографии из белой мраморной плиты мрамора и утверждался в Москве. Сам памятник был выполнен из гранитных плит, собранных в Кёнигсберге. Краевед Г. Разумный так подытожил эти воспоминания: «Вчерашний враг построил памятник советскому генералу, смертельно раненому немецким снарядом»³⁵⁰.

Увековечивание памяти другого выдающегося героя, с именем которого были связаны победы русского оружия на территории края, в 1951 г. добивался секретарь Багратионовского райкома партии. В письме в обком КПСС он, в частности, писал о том, что памятных следов 1807 г. в области нет, а между тем Багратион «разбил считавшиеся непобедимыми тогда наполеоновские войска»³⁵¹. В 1954 г. гипсовый памятник П.И. Багратиону был установлен в этом райцентре.

В марте 1953 г., спустя 18 дней после смерти И.В. Сталина, власти Калининграда обратились к новому председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову с просьбой разрешить установку на площади Победы бронзового памятника умершему вождю. Ранее правительство уже выделило на отливку памятника 5,5 тонн бронзы; скульптура была изготовлена в виде уменьшенной копии фигуры Сталина, установленной на Волго-Донском канале³⁵².

29 апреля 1953 г., в канун международного праздника трудящихся, под траурную мелодию, сменявшуюся гимном СССР, спало белое покрывало,

---

³⁵⁰ Разумный Г. Пять памятников генералу Черняховскому // Запад России. 1996. №16 (2). С. 8–9.

³⁵¹ Цит. по: Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 38.

³⁵² ГАКО. Ф. П-1. Оп. 13. Д. 72. Л. 8.

открыв калининградцам фигуру вождя в центре городской трибуны на 8-метровом гранитном постаменте. В передовице «Калининградской правды» отмечалось значение И.В. Сталина для области как деятеля, с именем которого связано создание края и его программа хозяйственного и культурного строительства³⁵³.

Одновременно с организацией установки памятника И.В. Сталину велась переписка между местными и столичными властями по вопросу установки памятника М.И. Калинину. В 1951 г. на территории рядом с Южным вокзалом в качестве основания будущего памятника был заложен камень, но в рассматриваемый период город украсила лишь бетонная версия фигуры этого государственного деятеля, установленная у кинотеатра «Родина»³⁵⁴.

Создание новой советской области по итогам Второй мировой войны на бывшей немецкой территории и оказало решающее влияние на региональный исторический нарратив, сделав военные события главными для коммеморативных практик, а также текстовых и визуальных репрезентаций. Главным актором, контролировавшим всех публичных посредников памяти, являлись партийные и государственные органы власти. Учитывая длительность и сложность трансформационного периода, отсутствие чётко регламентированных интерпретаций исторических событий и деятелей в региональном контексте, наиболее эффективной формой пропаганды были публикации в периодической печати. Политика памяти в 1945–1956 гг. имела крайне схематичный характер, выраженный в лозунге об «изгнании прусского духа». Вместе с тем она по-своему соответствовала задачам адаптации переселенцев к новой среде и мобилизации их для созидательной деятельности. Конфликт, заложенный в военное время в восприятии края как

---

³⁵³ Открытие в Калининграде памятника-монумента И.В. Сталину // Калининградская правда. 1953. 30 апр. С. 1.

³⁵⁴ Фотография скульптуры М.И. Калинина Б. Чертова // Калининградская правда. 1954. 3 июля. С. 2.

изначального чужого и вражеского, но постепенно и выборочно становившегося близким, например, в случае с «хорошими немцами» И. Кантом и Ф. Шиллером, оказал решающее влияние на отношение к историко-культурному наследию области.

Глава 2. Культурная память в Калининградской области в 1956 — середине 1960-х гг.

Решения XX съезда КПСС отразились на мемориальном ландшафте СССР в первую очередь в устранении многочисленных визуальных воплощений И.В. Сталина и его имени из названий населённых пунктов. В то же время развенчание культа личности привело к декларированию возвращения к «ленинским нормам партийной жизни», что способствовало дополнительному интересу к истории Октябрьской революции и годам Гражданской войны. Некоторая демократизация общественной жизни предоставила возможность обращения к сложным страницам советской истории, включая недавнюю войну; новым элементом исторического нарратива стала тема освоения космоса.

В настоящей главе будет предпринята попытка проследить влияние оттепели на изменения, происходившие в ходе реализации политики памяти в регионе. Постепенное восстановление области благоприятствовало формированию образа края в условиях развивающегося туризма. Для того чтобы определить какими средствами репрезентировалась область, следует проанализировать туристические путеводители и справочники, топонимические практики, а также материалы прессы, которые одновременно выполняли просветительскую функцию для самих калининградцев. В связи с этим представляется важным изучить принципы и реалии градостроительных процессов, происходивших в Калининграде, и роль культурного наследия в принятии решений в этой сфере. Обращение к сюжету о создании исторической экспозиции в краеведческом музее позволяет выявить основные трудности интерпретации истории, актуальные акценты, а также описать систему взаимодействия партийных и культурных органов, задействованных в этом процессе.

2.1. Региональный исторический нарратив в изданиях для туристов и городской топонимике: открытие прошлого

Калининградское историческое краеведение возникло в конце 1950-х гг. Этому способствовала деятельность образованного в 1957 г. Калининградского книжного издательства,³⁵⁵ выпустившего несколько изданий, в которых освещалась история области. Одно из них — иллюстрированный очерк о Калининграде С.Г. Бутовской.

Исторический очерк о «своеобразном и живописном городе»³⁵⁶ начинался с рассказа о пруссах. В тексте также упоминались мало кому из калининградцев известные название городища «Твангесте» и имя Конрада Мазовецкого, благодаря которому рыцари Тевтонского ордена оказались в Пруссии.

Примечательно, что история города была изложена с опорой на сохранившиеся исторические памятники. Так, основание Кёнигсбергского замка было связано с завоеванием пруссов, но его дальнейшее существование интерпретировалось через близость с российской историей. Другим памятником, удостоившимся описания, стал Кафедральный собор с захоронением И. Канта. При оценке научного наследия философа С.Г. Бутовская сделала акцент на его космогонических изысканиях, в частности на гипотезе Канта-Лапласа о происхождении Солнечной системы³⁵⁷. Научность воззрений Канта автор противопоставляла «бредовой расовой теории» национал-социалистов, которые в попытках её доказать «надругались над памятью великого философа», вскрыв гроб с прахом Канта и измерив его черепную коробку. В брошюре также подчеркивалось

---

³⁵⁵ Большой энциклопедический словарь Калининградской области / ред. В.Н. Маслов. Калининград, 2011. С. 177.

³⁵⁶ Бутовская С.Г. Указ. соч. С. 6.

³⁵⁷ Не исключено, что эта информация была почерпнута из единственной, пожалуй, статьи о научных воззрениях Канта, опубликованной к этому времени в калининградской прессе (См.: Левин Б. Происхождение Земли и планет // Калининградская правда. 1952. 23 нояб. С. 3).

почтительное отношение к философу в советском Калининграде, где его могила охранялась государством³⁵⁸.

Попутно С.Г. Бутовская сочла нужным отметить сохранившееся рядом с собором «лёгкое, невесомое» здание биржи с «изящной формы окнами». При этом автор как бы предупреждал читателей, что, несмотря на внешнюю привлекательность, биржа была олицетворением «махинаций, тёмных, бесчестных сделок», а стремительное развитие кёнигсбергского порта было следствием «агрессивных устремлений» немецких милитаристов на Восток³⁵⁹. Сразу вслед за кантовской темой и описанием нескольких архитектурных достопримечательностей города следовал очерк, посвящённый штурму Кёнигсберга в апреле 1945 г. и содержащий описание связанных с этими событиями памятных мест, прежде всего мемориала 1200 гвардейцам.

Учитывая стремление автора построить рассказ о городе с помощью описания конкретных архитектурных объектов, их перечень и сведения о расположении в пространстве, сопровождавшиеся многочисленными иллюстрациями и различной справочной информацией, можно утверждать, что очерки С.Г. Бутовской стали, в сущности, первым путеводителем по Калининграду³⁶⁰.

Известно, что спрос на популярную литературу о крае был высок. В начале 1960-х гг. предпринимались усилия по выпуску таких изданий. На ускорении такой работы настаивали и в соответствующих органах власти. Например, такое требование содержалось в справке о состоянии дела охраны, реставрации и популяризации памятников культуры в области, подготовленной архитектором отдела охраны памятников Министерства культуры РСФСР Н.А. Агалецкой³⁶¹. В том же 1960 г. Калининградское издательство подготовило первый сборник материалов по истории

---

³⁵⁸ Бутовская С.Г. Указ. соч. С. 10.

³⁵⁹ Там же. С. 11.

³⁶⁰ По данным П. Бродерзена, ещё в 1952 г. членами лекторского бюро была подготовлена рукопись путеводителя по Калининграду (Бродерзен П. «Много прекрасных...». С. 113).

³⁶¹ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 176. Л. 15.

Калининградской области, однако, по заявлению директора учреждения Б. Лавренко, «эта работа была прекращена в самом начале по указанию директивных органов»³⁶². Та же участь постигла сборник «Прошлое, настоящее и будущее Калининградской области», намеченный к изданию в 1962 г., но исключённый из тематического плана как «неподготовленное и неактуальное издание»³⁶³. Тем не менее некоторые книги всё же вышли в свет.

В 1961 г. историки И.П. и Э.М. Колгановы³⁶⁴ совместно с писателем Ю.Н. Ивановым к 15-летию области³⁶⁵ опубликовали первый официальный путеводитель по области тиражом в 15 000 экземпляров. У супругов Колгановых к этому моменту за плечами уже было издание очерка «Самая западная»³⁶⁶. Э. Маттес подчеркнул, что в нём авторам удалось объединить объективность в подаче информации с установками официальной цензуры, а деликатность описания привела, в том числе к тому, что «на первый план выступали отличия от прежних условий жизни русских, хотя об этом и не говорилось прямо; и, наконец, избегались любые намёки, в которых бы могла быть обнаружена зримая связь региональных особенностей с источником их происхождения»³⁶⁷. Кроме того, чета историков оказалась среди тех исследователей³⁶⁸, которые первыми в 1960-е гг. обратились к изучению документов из собрания Государственного архива Калининградской

---

³⁶² Там же. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 68. Л. 17. Под «директивными органами» в контексте сказанного имелся в виду обком КПСС.

³⁶³ Цит. по: Бродерзен П. «Много прекрасных...». С. 113.

³⁶⁴ И.П. Колганов в 1955–1957 гг. занимал должность директора Калининградского краеведческого музея, его супруга Э.М. Колганова с 1953 г. стала старшим преподавателем Калининградского государственного педагогического института, а в 1960-е гг. возглавила кафедру истории СССР (Дом, в котором живет история... Калининград, 2017. С. 48).

³⁶⁵ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 36. Д. 38. Л. 3.

³⁶⁶ Колганова Э.М., Колганов И.П. Самая западная...

³⁶⁷ Маттес Э. Запрещенное воспоминание... С. 96.

³⁶⁸ Среди пионеров краеведения был д-р. ист. наук, профессор И.А. Фарутин. Э. Маттес отмечает, что И.А. Фарутин уже в 1958 г. воспользовался материалами архива при подготовке статьи «История развития Калининградской области» для сборника, приуроченного к 15-летию образования области в 1961 г. (Маттес Э. Государственный архив Калининградской области // Калининградские архивы. 2001. Вып. 3. С. 65).

области³⁶⁹, что обусловило фундаментальность их работы. Накопленный опыт и материалы при создании очерка пригодился авторам при создании путеводителя.

Выход книги совпал с организационным оформлением туристической отрасли в крае: в 1963 г. появился Калининградский областной совет по туризму³⁷⁰. Путеводитель должен был быть востребован как иногородними туристами, так и жителями области — его авторы приглашали «узнать, как интересна и поучительна история нашего края», где «скрещивались пути и судьбы многих народов и государств»³⁷¹.

Путеводитель состоял из двух частей и нескольких приложений, полезных для работников туристической сферы и любителей путешествий. Его первый раздел целиком был посвящён Калининграду. Сочетая стремление в тёмных тонах описать политические вехи довоенной истории и, наоборот, подчеркнуть созидательные успехи калининградцев, авторы сумели дополнить корпус исторических знаний о городе достаточно точными фактами из довоенного прошлого, которому был посвящён целый туристический маршрут. Так, читатели могли узнать о том, что основал Кёнигсберг богемский король Оттокар II, что Нижнее озеро — это бывший Замковый пруд, что на площади Победы раньше располагался ансамбль главного входа на территорию Восточной ярмарки, что памятник Ф. Шиллеру появился в Кёнигсберге в 1910 г., а его автором был «архитектор Гауэр³⁷²», а

---

³⁶⁹ К примеру, статья о первых переселенцах Э.М. Колгановой, высоко оценённая коллегами, была написана по архивным материалам (см. Колганова Э.М. Заселение Калининградской области // Учёные записки. 1962. Вып. 8. С. 154–174); Криворучкая И.Е. Использование документов областного Государственного архива в изучении истории края // Калининградские архивы. 1998. Вып. 1. С. 23; ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 207. Л. 51–52).

³⁷⁰ Костюк А.П. Становление самодеятельного туризма в Калининградской области // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 171–172.

³⁷¹ Колганова Э.М., Колганов И.П., Иванов Ю.Н. Путешествуйте по Калининградской области. Калининград, 1961.

³⁷² Речь шла о скульпторе Станиславе Кауэре, который с 1907 г. преподавал в Академии художеств Кёнигсберга по классу скульптуры.

также о Ботаническом саде и памятном знаке на его территории ботанику Р. Каспари и т. д.³⁷³

Историки Колгановы и писатель Ю.Н. Иванов впервые осветили период Семилетней войны на территории Пруссии с точки зрения не военных действий, а политики русской администрации, а также упомянули об «успехах» армии Ренненкампа в Первую мировую войну³⁷⁴ и о политической истории города в межвоенный период³⁷⁵. Они же сделали достоянием общественности малоизвестное до этого широкой публике событие — проходивший в стенах Кёнигсбергского замка в 1904 г. суд над немецкими социал-демократами, которые помогали своим русским единомышленникам в транспортировке в Россию революционной литературы³⁷⁶.

Кёнигсбергский замок наравне с Кафедральным собором стал той достопримечательностью, которой в путеводителе было посвящено наибольшее количество страниц. Авторы не только рассказывали о «русском следе» в истории сооружения, но и подробно описывали его поэтажные планы и флигели, уделяя внимание событиям локальной истории. Сюжет о Кафедральном соборе был тесно связан с рассказом об И. Канте и его вкладе в современную научную и философскую картину мира. Кроме этого, в исторический маршрут путеводителя включались здания бывшей биржи, правительства Восточной Пруссии, Альбертины, Литовский вал. Приведённая авторами фактография свидетельствует о том, что они изучали малоизвестные

---

³⁷³ Колганова Э.М., Колганов И.П., Иванов Ю.Н. Путешествуйте по Калининградской области. Калининград, 1961. С. 21, 25, 27, 42, 52, 91.

³⁷⁴ В путеводителе ещё несколько раз встречаются упоминания Первой мировой войны: в связи с русским кладбищем участников войны в Советске, Гумбинненским сражением 6–7 августа 1914 г. и взятием Инстербурга русскими войсками (с. 183, 187–188).

³⁷⁵ Там же. С. 95, 97.

³⁷⁶ В 1955 г. о Кёнигсбергском процессе в главном историческом журнале страны вышла статья О.И. Бершадской (см. Бершадская О.И. Из истории революционного содружества русского и немецкого пролетариата (Кёнигсбергский процесс 1904 года) // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 85–95).

в Калининграде труды по истории Восточной Пруссии, в том числе и литературу на иностранных языках.

Несмотря на достаточно детальное освещение в путеводителе довоенной истории и стремление к объективному повествованию, авторы не могли обойтись без идеологических оговорок. Так, за перечислением знаменитых выпускников Альбертины³⁷⁷ и их выдающихся открытий следовало замечание: «...не следует забывать, что университет был основан как пропагандистский центр и аккуратно поставлял прусской государственной машине верноподданические кадры»³⁷⁸. Так или иначе, список советских достопримечательностей в путеводителе был значительно меньше списка немецких, что в целом соответствовало пропорциональному распределению культурного наследия разных эпох в городском ландшафте.

Вторая часть путеводителя содержала 16 маршрутов по окрестностям Калининграда и другим городам области, доступных для пешего и авто-, мото- и велотуризма, а также для любителей водных маршрутов на байдарках. Следует отдать должное историкам, которые включили в свой путеводитель не только такие популярные курортные направления как Светлогорск, Зеленоградск, Курскую косу³⁷⁹, но и множество других населённых пунктов разного значения. В основном при описании маршрутов упор делался на логистику, природные особенности местности, флору и фауну, однако в некоторых случаях встречались и исторические справки о кирхах и замках, характеризующихся, с одной стороны, положительно-нейтрально как

---

³⁷⁷ Математик Г. Якоби, астроном Ф. Бессель, физик Ф. Нейман, естествоиспытатель Г. Гельмгольц, эмбриолог К.М. Бэр, поэт К. Донелайтис.

³⁷⁸ Колганова Э.М., Колганов И.П., Иванов Ю. Н. Путешествуйте по Калининградской области. Калининград, 1961. С. 119.

³⁷⁹ Оригинальное название «Kurische Nehrung» происходит от названия западнобалтской народности куршей, живших на территории, близкой к заливу. В русскоязычной литературе встречается транслитерированное наименование «Курише Нерунг». Однако в 1947 г. она была переименована в «коса Нерея», а соседний залив в «Курский» (ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 23. Л. 121). В 1959 г. коса Нерея официально переименовывается в «Курскую» (ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1026. Л. 11). Однако топоним «Куршская» можно было встретить в советской литовской литературе (например, Мешис Ю. Куршо Неринга. Вильнюс, 1959).

«старинные» или «древние», а с другой — негативно, как служившие «опорными пунктами захватнических побегов» на Литву или прусские племена.

Э. Маттес связывал обращение к прошлому со стремлением авторов путеводителя помочь переселенцам адаптироваться к новой среде обитания, существенно отличавшейся от других областей РСФСР, а также «перебросить мостик из безвозвратно ушедшего довоенного прошлого города через штурм Кёнигсберга к советскому настоящему», чтобы использовать довоенную историю «в качестве ключа к пониманию завоёванного региона»³⁸⁰.

Тем не менее стремление авторов обратить внимание на многие памятники довоенной истории и присвоить им статус достопримечательностей, расходившееся с представлениями государственных и партийных чиновников, привели к тому, что путеводитель вскоре стал библиографической редкостью: в 1966 г. он был изъят из публичных библиотек области, а упоминание о публикации книги исчезло из отчётов местного книжного издательства³⁸¹. Уже в 1965 г. член калининградского городского туристического актива С. Алешков заявил, что сейчас «нет изданий местной прессы о туризме. Нужно издать книгу-путеводитель по нашему Янтарному краю»³⁸². За два года до этого Э.М. Колганову и ещё двух преподавателей историко-филологического факультета пединститута на партийном собрании обвинили в буржуазных взглядах³⁸³.

Кроме калининградского путеводителя, туристам был доступен литовский, посвящённый путешествиям по побережью Балтийского моря — от Паланги до Калининграда. Как отмечает автор работы о советском отдыхе и туризме Д. Коенкер, южное побережье Советского Союза в 1960-е гг. «оставалось наиболее предпочтительным направлением для статусного

---

³⁸⁰ Маттес Э. Запрещенное воспоминание... С. 102–103.

³⁸¹ Там же. С. 102.

³⁸² Цит. по: Бродерзен П. «Много прекрасных...». С. 111.

³⁸³ Гордеев И.А. Петр Викторович Снесаревский // Калининградские архивы. 2007. Вып. 7. С. 178.

отдыха», а создание гостиничных комплексов на Балтийском побережье привело к тому, что потоки отдыхающих потянулись в Латвию и Литву³⁸⁴, откуда было легко попасть в Калининградскую область. Литовский автор А. Медонис писал, что именно Балтика стала общим местом нескольких народов, у берегов которой «литовцы, латыши и эстонцы вместе с братским русским народом строят величественное здание коммунизма»³⁸⁵.

Вояж на российской стороне начинался на Куршской косе, от посёлка Рыбачьего Зеленоградского района. На протяжении всего маршрута автор советовал читателю осмотреть достопримечательности как немецкого, так и советского периодов. Так, в Полесске туриста могли заинтересовать и «стены старинного Тевтонского замка», и обелиск, посвящённый воинам Великой Отечественной войны, и рыбоконсервный комбинат. А Зеленоградск и Светлогорск манили путников природой, «изысканными санаторными зданиями» и виллами³⁸⁶.

Наравне с русским следом в истории края в издании был представлен и литовский. Например, А. Медонис писал, что крестоносцы «утопили в крови» Великое прусское восстание³⁸⁷ Г. Мантаса, ставшего в Литве символом национальной борьбы и сопротивления. Читатели путеводителя также узнавали, что в Альбертине учился литовский писатель М. Мажвидас, который в середине XVI в. издал в Кёнигсберге первую книгу на литовском языке, а в XVIII в. университет окончил основоположник литовской художественной литературы К. Донелайтис и преподавал теолог, переводчик и поэт Л. Реза³⁸⁸. Благодаря тому, что путеводитель был написан на русском

---

³⁸⁴ Коенкер Д. SPАсибо партии. Отдых, путешествия и советская мечта. СПб., 2022. С. 262, 272.

³⁸⁵ Медонис А. По Балтийскому побережью. Вильнюс, 1962. С. 3.

³⁸⁶ Там же. С. 38–39.

³⁸⁷ Одно из нескольких восстаний пруссов против тевтонских рыцарей, произошедшее в 1260–1274 гг.

³⁸⁸ Медонис А. По Балтийскому побережью. Вильнюс, 1962. С. 44–45, 47.

языке, он открывал доступ к ранее неизвестному пласту знаний об истории края для широкого круга читателей и обогащал исторический нарратив.

К середине 1960-х гг. заметно увеличился туристический поток в Калининградскую область: в 1964 г. по оценкам областного Совета по туризму и экскурсиям Калининград посетили 15 тыс. туристов, а ещё через два года их количество выросло в четыре раза³⁸⁹. Через год на собрании туристского актива заместитель директора краеведческого музея А.Е. Цыганкова высказала своё профессиональное мнение о местном туризме: он должен быть тесно связан с краеведением. Для этого, на её взгляд, следовало навести порядок у памятных мест, расширить тематику экскурсий и добиться выпуска видовых открыток Калининграда³⁹⁰.

Видовые почтовые карточки были важной частью репрезентации города и его истории. По словам Е.В. Барановой, рука об руку со становлением области шло её освоение, в котором приобретали значимость визуальные образы³⁹¹. Однако с самого начала на визуальную культуру оказывал влияние закрытый статус области, который предполагал наличие особых ограничений на территории края. В их числе было запрещение любых фото- и кинематографических съёмок в области без официального разрешения органов МВД³⁹². Этот фактор, а также сравнительно небольшое распространение индивидуальных фотоаппаратов среди жителей города, стали причиной того, что мы располагаем небольшим количеством снимков Калининграда 1940-1950-х гг. по сравнению с последующими десятилетиями. При этом хроника любительской съёмки отражала неугасающий интерес

---

³⁸⁹ Бродерзен П. «Много прекрасных...» С. 108.

³⁹⁰ ГАКО. Ф. Р-153. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

³⁹¹ Баранова Е.В. Формирование образа Калининграда 1940-х годов на примере анализа фотографий «Калининградской правды» // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 135.

³⁹² Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 16.

новых жителей к довоенному культурному ландшафту — горожане часто фотографировались на фоне руин и сохранившихся немецких построек³⁹³.

По воспоминаниям краеведа А.Б. Губина, он увлёкся фотографией, когда в 1952 г. переехал в Калининград и стал снимать «экзотические для его глаз и медленно исчезающие» немецкие здания³⁹⁴. Между тем с годами количество фотолюбителей стало расти и в 1960 г. несколько активистов предприняли попытку создать в Калининграде фотоклуб³⁹⁵. В 1960-е гг. в деятельность клуба входила организация выставок и фотовитрин в публичных местах, проведение творческих встреч, обмен снимками с фотолюбителями других городов. При этом финальный отбор фотографий для всеобщего обозрения оставался на усмотрение комиссии, в которую входили чиновники и специалисты культурных учреждений. Среди запретов, которым комиссия подвергала снимки, предназначенные для всеобщего обозрения, по словам А.Б. Губина, состоявшего членом клуба, были кадры, запечатлевавшие черепичные остроконечные крыши³⁹⁶, немецкие дома, а также руины и их фрагменты³⁹⁷.

При этом цензурирование касалось не только актуальной урбанистической действительности, но и довоенных изображений города. Известно, что те же фотолюбители нередко собирались в лаборатории фотокорреспондента газеты «Калининградская правда» Ф. Иванова, который

---

³⁹³ См.: Фостова С.А. «Молодой цветущий край»: особенности репрезентации городского ландшафта Калининграда в фотодокументах советской эпохи // Новое литературное обозрение. 2022. № 2. С. 132–142.

³⁹⁴ Sezneva O. Op. cit. P. 169.

³⁹⁵ Калининградский фотоклуб просуществовал до 1993 г.

³⁹⁶ Остроконечные крыши надолго стали негативным символом Кёнигсберга. О них ещё в 1947 г. писал архитектор Д. Тянь: «Преобладающим архитектурным стилем Кёнигсберга была крайне упрощённая готика, вернее — готические кровли. Обилие зелени скрывало в летние месяцы уродливость таких построек» (Тянь Д. Советский город Калининград // Калининградская правда. 1947. 7 нояб. С. 2). Впоследствии, как вспоминал один из жителей города, «на фотографиях Калининграда демонстрировались «архитектурные шедевры» из сборного железобетона, изображение же безобидной черепичной крыши считалось чуть ли не криминалом...» (Новиков Н. Указ соч. С. 104).

³⁹⁷ Губин А. Рождение краеведа... С. 231–233.

на одной из встреч, описанной А.Б. Губиным, «тайнственно оглянувшись, тщательно запер изнутри дверь фотолаборатории, перешел на шёпот и достал откуда-то из полумрака фотоальбом и фотокопию карты. Фотоальбом оказался изданной в ФРГ книгой «Кёнигсберг в 144 фотографиях»³⁹⁸, а карта — переснятым планом Кёнигсберга 1939 года»³⁹⁹. В дальнейшем альбом был «тщательно запрятан среди бумаг», а с будущего краеведа было взято слово «никогда не рассказывать про этот альбом»⁴⁰⁰. Произошедший случай — отражение характерного отношения к довоенному наследию: интересоваться им было можно лишь скрытно и с опаской, а его публичная демонстрация контролировалась на нескольких уровнях.

Однако по мере восстановления города, его благоустройства и развития туристического потенциала, возникла необходимость выпускать официальную полиграфическую продукцию и формировать образ края и его столицы, для чего служили видовые открытки. Их производство изначально было местной инициативой и только с 1960-х гг. издание открыток перешло к столичным инстанциям: ленинградской Главной филателистической конторе «Филателия» и Министерству связи СССР.

Из архивных данных известно, что в 1956 г. общий тираж 33 видовых открыток составил 178 тыс. экземпляров⁴⁰¹. Главлит⁴⁰² осуществлял цензурирование публикуемых изображений: вплоть до 1970-х гг. обязательным элементом оборотной стороны открытки являлись данные о цензоре-литовальщике и номере рецензируемого издания за год.

В распоряжении автора оказалось 104 открытки, охватывающие период с 1953 по 1966 г.⁴⁰³ Все открытки были посвящены только двум городам —

---

³⁹⁸ Вероятно, речь идёт об издании: Königsberg in 144 bildern. Leer (Ostfriesland), 1955.

³⁹⁹ Губин А. Рождение краеведа... С. 234.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ ГАКО. Ф. Р-232. Оп. 6. Д. 6. Л. 7.

⁴⁰² Главное управление по делам литературы и издательств.

⁴⁰³ С большой вероятностью можно сказать, что это не исчерпывающая, но репрезентативная подборка. Изученные открытки частично были собраны сотрудниками Центра социально-гуманитарной информатики БФУ им. И. Канта, а также находятся в

Калининграду и Светлогорску, причём на самых ранних открытках представлен именно Светлогорск – главный морской курорт области. На них запечатлены здания, в которых отдыхающие бывали чаще всего (корпусы санаториев, курортный зал, универмаг, ресторан), общий вид главной улицы, а также море и пляж. Вся архитектура на изображениях была довоенной — лишь на одной из открыток под названием «Санаторий №3» на постаменте на углу здания была установлена типовая гипсовая скульптура, изображавшая женщину, которая приобнимает мальчика⁴⁰⁴. Отдельной открытки удостоилась фонтанная скульптура из мрамора немецкого автора Г. Брахерта «Несущая воду», установленная в Раушене (довоенное название Светлогорска) незадолго до войны⁴⁰⁵.

Калининград в объективе фотографов чаще всего представлял фрагментами Сталинградского проспекта — первой восстановленной и наиболее благоустроенной улицы города. Наиболее популярным было изображение зоопарка: обычно на открытку попадал ансамбль главного входа с бетонными скульптурами, в 1954 г. была также выпущена серия с фотографиями некоторых содержащихся в зоопарке животных. Среди других достопримечательностей проспекта были жилой дом с колоннадой и обелисками, который, как отмечали архитекторы, открывал перспективу всей улицы и потому должен был быть «несколько нарядней» соседних⁴⁰⁶, а также кинотеатры «Заря» и «Новости дня» и расположенный по соседству с ними гастроном. С 1960 г., т. е. с момента официального открытия, начало тиражироваться изображение Калининградского драматического театра.

На открытках часто появлялись сквер с фонтаном между зданиями областной библиотеки и театра, а также площадь Победы и Памятник 1200

фондах Калининградской областной научной библиотеки и Российской государственной библиотеки.

⁴⁰⁴ Скульптура не сохранилась, однако, можно сказать, что это была типовая композиция.

⁴⁰⁵ Mühlpfordt Н.М. *Op. cit.* S. 23.

⁴⁰⁶ Атанов В., Гаврилов Г. О творческих исканиях и ледяном равнодушии. Письмо молодых архитекторов // Калининградский комсомолец. 1950. 14 сент. С. 3.

гвардейцам. Большинство отобранных для печати изображений транслировало привлекательный образ комфортного для жизни города, где многолюдно, аккуратная застройка, обилие зеленых насаждений, а по дорогам неизменно курсирует общественный транспорт (особенно яркие красно-желтые трамваи).

О важности городского пространства или его *маркере как достопримечательности* говорит не только частота использования одних и тех же объектов (регулярно практиковалась перепечатка изображений, востребованных в предыдущие годы), но и тираж почтовых карточек. За рассматриваемый период тиражность открыток увеличилась в 50 раз с одной тыс. экземпляров, изданных в Калининграде, до 50 тыс., печатавшихся в столице или Ленинграде. Абсолютный рекорд по количеству копий принадлежит открытке 1955 г. с изображением обелиска мемориала погибшим при штурме города советским воинам и надписью сверху «Привет из Калининграда». Она вышла в издательстве «Калининградская правда» общим тиражом в 70 тыс. копий.

Из всех объектов городского ландшафта не более трети открыток демонстрировали советские сооружения и памятники⁴⁰⁷. Большинство зданий и архитектурных ансамблей на изображениях были построены до войны. При этом часть из них была «перекодирована» с помощью советской символики (вывесками, пятиконечными звёздами и другим декоративным обрамлением в стиле сталинского ампира) или обилием деревьев вокруг, из-за крон которых было сложно увидеть нетипичные для советского города архитектурные формы.

---

⁴⁰⁷ Включая памятники В.И. Ленину, К. Марксу, И.В. Сталину, кинотеатры «Россия», «Заря», «Новости дня», Дом культуры рыбаков, Дом профсоюзов, Драматический театр, универмаг «Маяк», арки стадиона «Балтика», ЦПКиО и областной сельскохозяйственной выставки.

В официальной советской полиграфии до 1970-х гг. почти не встречалось изображений старого Кафедрального собора⁴⁰⁸, тогда как руины величественного готического замка то и дело мелькали в печати — они даже попали в первый цветной набор открыток, изданный в Ленинграде в 1965 г. Так, на горизонтальной почтовой карточке был изображён сквер, расположенный на пересечении Ленинского проспекта и ул. Житомирской — часть района, который один из авторов местной газеты назвал «калининградскими Черёмушками»⁴⁰⁹. Большую часть открытки занимает «коробка» Дома профсоюзов, а за ней отчётливо виден сохранившийся фрагмент руины Кёнигсбергского замка. В подписи на оборотной стороне присутствие замка никак не комментировалось. Зато та же фотография в чёрно-белом варианте была опубликована в фотоальбоме «Калининград» с подписью: «Всюду поднялись светлые, просторные, удобные сооружения, такие, например, как Дом профсоюзов. И только руины древнего замка сохранены как напоминание о прошлом города, о днях суровых и грозных, как память о боях, отгремевших здесь в канун нашей великой Победы»⁴¹⁰. Кроме того, руины замка можно было встретить даже на фотографии, помещённой на обложку альбома-брошюры 1964 г.⁴¹¹

Интересно отметить, что одни и те же фотографии, использованные в полиграфической продукции, изданной в Ленинграде и Калининграде, отличались тем, что в калининградской версии некоторые элементы были заретушированы или обрезаны. В их числе шпиль кирхи королевы Луизы,

---

⁴⁰⁸ Среди исключений, например, колоннада гробницы И. Канта (Колганова Э.М., Колганов И.П., Иванов Ю.Н. Путешествуйте по Калининградской... С. 109).

⁴⁰⁹ Новиков В. Самая западная // Калининградская правда. 1961. 17 окт. С. 2.

⁴¹⁰ Калининград [Фотоальбом], [1964]. С. [5].

⁴¹¹ Фотограф на открытке 1965 г., демонстрируя успехи жилищного строительства, показывает его размах на примере первой очереди Ленинского проспекта, в конце которого виднеются руины замка. Спустя год тот же отрезок городской магистрали намеренно фотографируется в дневное время так, чтобы древнее сооружение оставалось скрытым. В ночные часы его маскирует свет от уличных фонарей. Ленинский проспект фотографировался с высоты птичьего полёта — так, что руины замка оказывались за пределами кадра.

черепичная крыша бывшего финансового управления Восточной Пруссии и пень от срубленного дерева на переднем плане у здания библиотеки. Таким образом, создатели серии открыток ленинградских издательств менее чувствительно относились к визуальному образу города, чем местные печатники.

Впрочем, ограничения на тиражирование распространялось не на все довоенные объекты. К ним относились памятник, по распространённому мнению, великому немецкому поэту Ф. Шиллеру в Калининграде и виды морских курортов Светлогорска, Зеленоградска, Отрадного с причудливыми водонапорными башнями, курхаусами, виллами и другими зданиями, ставшими корпусами санаториев, культурно-досуговыми учреждениями и местами общепита⁴¹². Такое отличие в отношении довоенного архитектурного наследия оправдывалось, вероятно, специфическим характером курортного ландшафта и желанием представить туристам привлекательный образ балтийских здравниц.

Истории города в визуальном нарративе уделялось мало места. На первый план выходили хозяйственные успехи. О. Сезнева в своей диссертации обращала внимание на то, что имидж города строился посредством акцента на «современности» Калининграда, выраженной через демонстрацию внедрения новых технологий и общественных услуг, улучшения качества повседневной жизни на фоне старого Кёнигсберга: «Калининград в этом соревновании был представлен как прогрессивно-социалистический, в то время как Кёнигсберг как регрессивно-капиталистический»⁴¹³. В условиях продолжавшейся трансформации города фотографам и ретушёрам приходилось тщательно выбирать места и ракурсы съёмки. Визуальный образ Калининграда формировался как своего рода слепок с изображений других советских городов. В центре внимания всегда

---

⁴¹² См.: Айрапетов Л.Д. Приморские курорты Калининграда и Выборга. М., 1951; Курорты СССР. М., 1962; Светлогорск. Курорт Калининградского взморья. Калининград, 1960.

⁴¹³ Sezneva O. Op. cit. P. 82–83.

находились памятники советским вождям и полководцам, героям революции и войны, демонстрировались широкие магистрали и городской транспорт как символы технологического прогресса, богатый зеленый убор как воплощение концепции города-сада, комфортного для проживания. Региональная довоенная специфика старательно сглаживалась за счёт проделанной архитекторами и строителями работы по советизации облика города, а также тщательного подбора объектов съёмки. Предпочтительным было тиражирование изображений недавно построенных объектов.

Частью повседневного визуального облика для калининградцев и гостей города были также вывески, надписи, таблички с названием улиц и указатели. В Калининграде для конца 1950-х—1960-х гг. было характерно укрепление памяти о военных событиях 1945 г. Так, 30 октября 1958 г. ул. Январской в Центральном районе было присвоено имя 21-летнего лётчика-комсомольца одного из соединений ВВС Балтийского флота В. П. Носова. В феврале 1945 г. лётчик участвовал в атаке на суда противника, и, когда его самолёт был подбит, ценой жизни всего экипажа он пошёл на таран и потопил немецкий корабль. С инициативой увековечить подвиг В.Н. Носова в связи с 40-й годовщиной ВЛКСМ выступило Политическое управление Краснознамённого Балтийского флота, которое посчитало, что переименование будет «несомненно, способствовать воспитанию молодёжи на боевых традициях Ленинского комсомола, Советской Армии и Военно-Морского флота»⁴¹⁴.

В ознаменование 15-й годовщины образования Калининградской области в 1961 г. сразу семь имён героев Восточно-Прусской операции 1945 г. дополнили топонимический перечень⁴¹⁵. В начале каждой улицы устанавливалась мемориальная доска с биографическими данными героев.

---

⁴¹⁴ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 270. Л. 80–82.

⁴¹⁵ Ул. Кавалерийская была переименована в ул. Черняховского, ул. Ржевская — ул. Емельянова, ул. Каретная — ул. Катина, ул. Походная — ул. Лейтенанта Князева, ул. Бурьянная — ул. Сержанта Ахмедова, ул. Заовражная — ул. Колоскова, ул. Цеховая — ул. сержанта Мишина, а переулок старшины Дадаева стал улицей (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 347. Л. 12–14).

В 1963 г. в городе переименовали улицу в честь погибшего при штурме красноармейца С.Ф. Задонского⁴¹⁶, а к 20-летию юбилею штурма Кёнигсберга в 1965 г. улице в Центральном районе было присвоено имя погибшего Героя Советского Союза младшего лейтенанта А.М. Яналова⁴¹⁷.

Отражением того обстоятельства, что к началу 1960-х гг. в топонимике населённых пунктов оказалось большое число имён военных деятелей, явилось издание в Калининграде сборника, посвящённого героям, чьими именами названы города и сёла Калининградской области. «Кто же все эти люди, чьи подвиги вошли в летопись Великой Отечественной войны?» — спрашивали авторы издания в предисловии⁴¹⁸. Следом вышел в свет сборник-справочник, включавший в себя рассказы о 42 военных, получивших звание Героя Советского Союза на территории области, а также о нескольких сотнях награждённых орденами и медалями⁴¹⁹. В дополнение в Москве значительным тиражом в 60 тыс. экземпляров вышла брошюра с краткими популярными очерками о боях за Кёнигсберг⁴²⁰, рассчитанная в первую очередь на молодёжь.

Помимо этого, в 1964–1967 гг. была опубликована серия очерков «Именами героев» о военных деятелях, чьими именами были названы населённые пункты области⁴²¹. Как правило, текст брошюры описывал биографии героев и их воинские подвиги. Обязательно упоминались сведения о сохранении памяти героя в топонимике области, а также в виде памятников и в музейных экспозициях.

---

⁴¹⁶ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 426. Л. 267–268.

⁴¹⁷ Там же. Д. 511. Л. 353–357.

⁴¹⁸ Геройски бились вы за Отечество / сост. К.Н. Медведев. Калининград, 1961. С. 4.

⁴¹⁹ Слава бессмертна. О Героях Советского Союза, участниках разгрома гитлеровцев в Восточной Пруссии / сост. А. Петрикин. Калининград, 1963.

⁴²⁰ Балязин В.Н. Штурм Кёнигсберга. М., 1964.

⁴²¹ Дриго С.В. Иван Данилович Черняховский. Калининград, 1964; его же. Петр Ильич Романов. Калининград, 1965; его же. Степан Кузьмич Нестеров. Калининград, 1964; его же. Сергей Иванович Гусев. Калининград, 1965; его же. Степан Савельевич Гурьев. Калининград, 1966; Белевитнев Р.А. Иван Мартынович Ладушкин. Калининград, 1966; Овсянкин Е.И. Николай Васильевич Мамонов. Калининград, 1966; Становов А.И. Александр Анатольевич Космодемьянский. Калининград, 1967.

Г.В. Кретинин называет особенностью исторической памяти калининградцев о Великой Отечественной войне «“виртуальный”, воображаемый» характер её передачи. Дело в том, что множество участников Восточно-Прусской операции 1945 г. покинуло Калининградскую область до её массового заселения⁴²², а новые жители края, в свою очередь, приезжали с иной локальной памятью о войне⁴²³. Таким образом, для передачи знаний и памяти о событиях 1945 г. изначально требовались посредники. Ими стали, в частности, топонимика, мемориальные доски и корпус просветительской литературы.

В рамках юбилейных коммеморативных практик в области, как и в целом в стране, переименовывались улицы и в честь примечательных событий истории советского периода. Например, в ознаменование дня рождения В.И. Ленина в 1963 г. в Калининграде две улицы — Житомирская и Маяковского — преобразовались в «Ленинский проспект». Вместе с тем бывшая ул. Ленина становилась ул. Фрунзе в честь революционера — соратника Ленина⁴²⁴. Кроме того, в честь сорокалетия со дня основания пионерской организации имени В.И. Ленина кинотеатр «Колос» стал «Пионером», название детского стадион «Авангард» было изменено на «Стадион имени 40-летия пионерской организации», а в городе появились улицы, названные именами юных советских героев — Вали Котика, Володи Дубинина, Лёни Голикова, Клавы Назаровой, Павлика Морозова⁴²⁵.

На пике кампании по десталинизации после XXII съезда КПСС, по итогам которого было принято решение о выносе тела И.В. Сталина из

---

⁴²² Оставшихся участников штурма Кёнигсберга становилось с годами меньше, на что указывала проверяющая краеведческого музея М.А. Строганова в 1957 г., мотивируя музейных сотрудников записывать рассказы участников штурма «пока они еще есть в Калининграде» (ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 106. Л. 7).

⁴²³ Гареев М.А., Кретинин Г.В. Познание Победы // Калининградские архивы. 2019. Вып. 16. С. 168; Кретинин Г.В. Генезис и формирование... С. 152–153.

⁴²⁴ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 425. Л. 89–90; Ленинский проспект в Калининграде // Калининградская правда. 1963. 16 апр. С. 2.

⁴²⁵ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 392. Л. 312–313.

Мавзолея, в ноябре 1961 г. в Калининграде название Сталинградского района Калининграда было изменено на «Октябрьский», а одноимённый проспект превратился в «проспект Мира». При этом, поскольку речь шла об исключении из топонимики имени партийного деятеля высокого ранга, процедура переименования усложнялась: с подачи городских властей облисполком обращался с ходатайством в Президиум Верховного Совета РСФСР. При формулировке причины реноминации была использована классическая формулировка: «учитывая многочисленные пожелания трудящихся города»⁴²⁶.

На 1960-е гг. пришлось включение в топонимику темы космоса. На следующий же день после полёта первого человека в космос «в ознаменование величайшего, беспримерного героического подвига» ул. 10-го Апреля была названа в честь Ю.А. Гагарина. В тот же день — 13 апреля — в школе № 40 состоялся митинг, на котором директор учреждения, пионерская дружина и учителя высказали восхищение подвигом космонавта и просили горисполком о присвоении имени космонавта школе, что было сделано⁴²⁷. Следом, в 1965 г. ул. Большая Почтовая в память об успешном полёте космического корабля «Восток-2» была названа именем А.А. Леонова, который был не только одним из пилотов, но и, несколько лет, калининградцем⁴²⁸.

Таким образом, переименование улиц со второй половины 1950-х гг. до середины 1960-х гг. носило преимущественно ситуационный характер. Изменения в большинстве случаев инициировали сверху и приурочивали к юбилеям событий, значимых для всех советских граждан, а также важных с точки зрения локального патриотизма. В случае Калининградской области воспитательно-патриотический фактор был главной движущей силой топонимической генезиса новых названий, а его реализация становилась плодотворной почвой для публикаций просветительской литературы. Поскольку

---

⁴²⁶ Там же. Д. 353. Л. 105.

⁴²⁷ Там же. Д. 347. Л. 45–46.

⁴²⁸ Там же. Д. 508. Л. 421.

большинство довоенных названий было замещено ещё в первые послевоенные годы, новые названия появлялись вместо идеологически нейтральных, формируя приоритет военно-исторической тематики в топонимике. Региональная история отражалась в названиях прежде всего наиболее грандиозным событием, приведшим к формированию области, — Победой в Великой Отечественной войне. «Военный» компонент также присутствовал в полиграфической продукции для туристов, однако в этой сфере складывающийся региональный исторический нарратив был значимо шире. Литература о крае была востребованным продуктом, однако цензурно-идеологические фильтры снижали публикационную активность авторов, которые в том числе занимались своего рода инвентаризацией фактов досоветского прошлого и вычленяли достопримечательности, на ощупь определяя допустимые границы нарратива. Создание как письменного, так и визуального образа прошлого требовало расстановки идеологических акцентов, которые вместе с тем нивелировали региональную специфику.

2.2. Формирование исторической экспозиции в краеведческом музее: поиск единой концепции

Конец 1950-х гг. для культуры Калининградской области был ознаменован формированием музейной сети преимущественно ведомственного характера. В 1957 г. был создан музей Балтийского флота в Балтийске, а спустя два года его экспозиция открылась для посетителей⁴²⁹. Тогда же в АтлантНИРО был основан музей с коллекцией экзотических рыб, главой которого стал писатель и будущий руководитель калининградского отделения Фонда культуры Ю.Н. Иванов⁴³⁰.

---

⁴²⁹ В 1962 г. музей был переведён в Таллин, был возвращён в Балтийск в 1992 г.

⁴³⁰ Попов А.Г. Формирование музейной сети Калининградской области с 1946 года по настоящее время // Время музея. 2018. Вып. 1. С. 247–248.

В эти годы Калининградский областной краеведческий музей продолжал работу над созданием исторической экспозиции⁴³¹. В конце 1957 г. депутату облсовета и преподавателю пединститута М.А. Строгановой было поручено ознакомиться с текущей деятельностью музея и составить отчет для депутатской комиссии и областного управления культуры. В фокусе внимания проверяющей были научно-исследовательская работа музея, пополнение фондов, а также работа над отделом истории⁴³².

В ходе проверки выяснилось, что научно-исследовательской и издательской работы музей не ведёт. Усилия сотрудников учреждения были сосредоточены на сборе материалов по теме «Ликвидация восточнопрусского плацдарма и штурм Кёнигсберга в 1945 г.». Сотрудники музея вели переписку с родственниками героев, чьими именами были названы города области, и армейскими частями, воевавшими в Восточной Пруссии.

Примечательно, что в 1957 г. Великая Отечественная война относилась к экспозиции «современного периода». Но даже в этом блоке были представлены экспонаты, не относившиеся напрямую к событиям, происходившим в Восточной Пруссии. Из краеведческих материалов на выставке экспонировались карты, фотографии, портреты героев, принадлежавшие им документы, книги, а также серия макетов ключевых сооружений, связанных с важными вехами Восточно-Прусской операции 1945 года⁴³³. Очевидным недостатком экспозиции, по мнению М. А. Строгановой, стало «слишком незначительное количество вещественных экспонатов», за что музей критиковали и в прошлые годы.

---

⁴³¹ О роли провинциальных музеев в формировании коллективной исторической памяти см.: Мазур Л. Н. Провинциальный музей в фокусе культурной политики советского государства: между просвещением, пропагандой и памятью // Документ. Архив. История. Современность. 2023. Вып. 23. С. 157–177; её же. Музеи малых городов России: особенности медиации локальной истории // История и архивы. 2023. № 3. С. 71–88.

⁴³² ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 106. Л. 4–8.

⁴³³ Макеты: штаб маршала Василевского; блиндаж, где была принята капитуляция немецкого командования; башня Дона, где было победно вывешено знамя Красной армии; мемориал героям штурма Кёнигсберга.

Впрочем, даже имеющиеся скромные материалы было сложно представить в небольших пространствах, в которых учреждение размещалось⁴³⁴.

В отличие от критического отчёта М.А. Строгановой, уже через два года автор опубликованного очерка о Калининграде С.Г. Бутовская писала, что музей в «настоящее время располагает большим количеством интересных экспонатов, умело расположенных в его залах»⁴³⁵. Зал Великой Отечественной войны «производил большое впечатление» во многом благодаря пятиметровой карте Восточно-Прусской операции 1945 г., макетам, диораме горящего города и подлинным документам. С.Г. Бутовская упоминала, что открытый в 1959 г. отдел истории хронологически охватывал период от древних пруссов до середины XVIII в. В экспозиции было представлено большое количество археологических материалов, рассказывавших о ремесле, быте, промыслах и сельском хозяйстве пруссов. Период «немецкой агрессии в Прибалтике в XIII в.» был проиллюстрирован «металлическим ошейником с толстой короткой цепью», которыми «псы-рыцари приковывали своих пленников-прусов к стенам подземелий замков». Отдельный стенд был посвящен Семилетней войне, а у входа в музей стояла малогабаритная русская пушка этого периода⁴³⁶.

Даже краткое описание исторической экспозиции позволяет констатировать её фрагментарность, что также было отмечено в справке о работе музея, составленной представителями Министерства культуры РСФСР бывшими в музее с очередной проверкой. Основой рассказа о досоветском периоде стали связи России с территорией Восточной Пруссии, но этого было мало для единого «идейного замысла». История, по мнению проверяющих, в музее «даётся клочкообразно с пропусками в 200–300 лет», в результате чего у посетителей не создавалось впечатления, что Восточная Пруссия являлась

---

⁴³⁴ До войны это здание по адресу ул. Богдана Хмельницкого, 59/61 принадлежало Духовной певческой школе. В 1950 г. его передали музею. Музейное пространство состояло из четырёх небольших залов (Дом, в котором... С. 41).

⁴³⁵ Бутовская С. Г. Указ. соч. С. 28.

⁴³⁶ Там же. С. 28, 32.

«плацдармом агрессии, центром милитаризации Германии». Из-за этого оставалось непонятным, почему советские войска были вынуждены сражаться на прусских территориях, которые впоследствии «как гуманный акт ликвидации угрозы миру» вошли в состав СССР⁴³⁷.

Советский период истории области рассказывал о том, как преобразовался край за годы советской власти, что находило отражение в успехах промышленных предприятий. С 1959 г. музей по поручению обкома партии стал заниматься организацией международных передвижных выставок в рамках приграничного советско-польского культурного сотрудничества. Первая из них была посвящена достижениям народного хозяйства и культуры Калининградской области и приурочена к 42-й годовщине Октябрьской революции 1917 г. На ней было представлено 15 стендов с фотографиями, диаграммами, картами, картинами, текстами, а также продукция предприятий области: модели промышленной техники, изделия Янтарного комбината, муляжи овощей и фруктов, а также книги местных авторов⁴³⁸.

Обновление в экспозиции советского периода в музее происходило с задержкой. Об этом свидетельствовал в том числе тот факт, что на одном из собраний парторганизации учреждения сотрудники обсуждали, что к марту 1963 г. следовало, наконец, открыть стенд, посвящённый XXII съезду, проходившему в октябре 1961 г.⁴³⁹

Между тем посетители по-разному оценивали музейные выставки: кому-то нравились диаграммы о развитии отраслей хозяйства и культуры области, кто-то отмечал любовно оформленные витрины, но были и жалобы на нехватку собственно исторических материалов. Один посетитель в книге отзывов написал, что «узнал какие рыбы, птицы и животные водятся в области, а как родился город и как он развивался — нет...». Курсант из

---

⁴³⁷ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 294. Л. 101–102.

⁴³⁸ Щеглова О.Н. Международная выставочная деятельность ГБУК «Калининградский областной историко-художественный музей» в 1946–2017 годах // Время музея. Калининград, 2018. Вып. 1. С. 262.

⁴³⁹ ГАКО. Ф. П-4089. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.

Ленинграда и вовсе вопрошал: «У города вековая история, а что вы показываете? Где же старый прусский Кёнигсберг? Можно презирать нацизм, но культуру нации нельзя предавать забвению»⁴⁴⁰. Музею же в создании полной исторической экспозиции, как следует из отчёта о его работе за 1963 г., мешало то, что «своеобразие истории досоветского периода требует определённой направленности и политической заострённости тематики»⁴⁴¹.

К 1965 г. площадь экспозиции историко-художественного музея составляла 420 м². Она располагалась в 8 залах. В музее работало 17 сотрудников, а в фондах находилось 30 тыс. экспонатов, бóльшая часть из которых входила во вспомогательные фонды. Вместе с тем работники музея не всегда занимались непосредственно музейным делом, но были погружены и в культурно-просветительскую деятельность: готовили лекции по истории области, передвижные выставки «Штурм Кёнигсберга» и «Восточно-Прусская операция», проводили встречи с ветеранами войны для школьников, а также пионерские сборы и вечера молодежи⁴⁴².

На 1965 год пришлось и составление очередного проекта тематико-экспозиционного плана, о котором известно из рецензии заведующей кафедрой истории Калининградского пединститута Э.М. Колгановой. В презентации досоветского периода был одобрен акцент на тех аспектах из истории Восточной Пруссии, которые прямо или косвенно были связаны с историей России. Главный же посыл экспозиции, который будет воспроизводиться и в дальнейшем, заключался в том, чтобы «показать захватническую политику немецких феодалов, а затем германских империалистов на Востоке, логически подвести посетителей к пониманию исторической неизбежности краха такой антинародной политики империалистов Третьего рейха». Для обоснования такого подхода предлагалось обратиться к марксистскому учению об общественно-

---

⁴⁴⁰ Дом, в котором... С. 51, 54.

⁴⁴¹ Там же. С. 54.

⁴⁴² ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 294. Л. 101–102.

экономических формациях и разделить хронологически досоветскую экспозицию на три части: первобытнообщинный строй, феодализм и капитализм⁴⁴³. Более полному представлению истории также должно было способствовать включение в экспозицию материалов о революционной борьбе немецких трудящихся и некоторые сведения о культуре Восточной Пруссии⁴⁴⁴, которые были там «очень нужны»⁴⁴⁵.

Проверяющие Минкульт РСФСР связывали недостатки в деятельности музея с «невнимательностью» к музейным делам управления культуры и облисполкома. Содержание экспозиции музея не становилось предметом рассмотрения в местных руководящих инстанциях, последние не проявили интереса к музею даже после ряда вышедших постановлений министерства⁴⁴⁶. И всё-таки 1965 год для музея ознаменовался созданием качественно нового, более продуманного плана экспозиции. В перечень представленных исторических событий включались все дозволенные цензурой и соответствующие «Краткому курсу истории Восточной Пруссии»⁴⁴⁷ события, преимущественно связанные с войнами и «русским следом» в истории региона. В конечном счёте так была артикулирована главная мысль всей экспозиции о досоветском периоде: всё прошлое Восточной Пруссии — история насилия и агрессии, которым должен был прийти конец. В связи с этим разработка темы Восточно-Прусской операции 1945 г. стала абсолютно необходимой, поскольку освещала теперь уже во всех отношениях ключевое событие истории края.

---

⁴⁴³ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 1–4.

⁴⁴⁴ Так, к примеру, в тексте к проекту экспозиции упоминалось: «Основатель университета герцог Альбрехт преследовал цель создать кузницу верных прусским герцогам и лютеранской церкви кадров. Эту задачу университет исправно выполнял на протяжении всей своей истории. Но в этом университете учились и работали известные деятели науки и культуры, давшие человечеству и крупнейшие открытия в различных отраслях науки, и шедевры мировой литературы». Следом располагались материалы об И. Канте и К. Донелайтисе (Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 48–49).

⁴⁴⁵ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 2.

⁴⁴⁶ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 294. Л. 101–102.

⁴⁴⁷ Костяшов Ю.В. Секретная история... С. 25–29.

Таким образом, к 1960-м гг. музей стал важным местом памяти. Каркасом новой исторической экспозиции, позволившей в какой-то степени преодолеть фрагментарность рассказа о прошлом края, стали несколько базовых политико-идеологических конструкций: марксистская теория формаций, классовая борьба, интернационализм, а также Победа в Великой Отечественной войне. Вместе с тем уникальность локальной истории края, выходящая за эти рамки, выправлялась разными способами: замалчиванием тех или иных событий и целых эпох, упрощением и/или обобщением информации, а также расставлением соответствующих акцентов в оценке эпизодов прошлого.

2.3. Роль культурного наследия в градостроительных практиках Калининграда и переоценка значения памятников истории

Во второй половине 1950-х гг. строительная отрасль Калининграда переживала трудный период. По данным Е.Н. Мисиянцевой, в этот период на большинстве строек не хватало железобетонных конструкций и материалов для стен, а в городе производились только известь, кирпич и черепица⁴⁴⁸.

Вопрос введения в строй нового жилья стоял остро, поэтому приходилось опираться на доступные ресурсы: к 1957 г. в городском пространстве в районе ул. Жданова и Грекова, а также вдоль проспекта Победы появились новые четырёхэтажные дома, построенные из блоков, сформированных из сырья, полученного после разбора разрушенных старых зданий⁴⁴⁹. На скорость строительства оказывали влияние перебои со снабжением строек материалами и погодные условия.

---

⁴⁴⁸ Мисиянцева Е.Н. Жилищное строительство и градостроительная политика в Калининграде (середина 1950-х – середина 1960-х годов) // Вестник БФУ им. И. Канта. 2014. Вып. 6: Гум. науки. С. 160.

⁴⁴⁹ Там же. С. 160–161.

Главным градостроительным вопросом в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. был будущий облик центральной части Калининграда. Её решение стало делом не только архитекторов, но и региональных властей.

В конце 1956 г. Калининградский горисполком утвердил архитектурно-планировочное задание для «Гипрогора» на планировку центральной части Калининграда⁴⁵⁰. В нём утверждалось, что основная сетка улиц должна была быть сохранена, включая «узкие, короткие и кривые» улицы, по которым проходили инженерные коммуникации, а намеченные магистрали должны были быть расширены. Необходимым элементом технического задания было возведение на Центральной площади Дома Советов и других общественных зданий. На соседнем Центральном острове предполагалось создать парк с сохранением руин Кафедрального собора и захоронением И. Канта. Центр предполагалось застроить типовыми домами высотой не более 4–5 этажей. При этом план требовалось скоординировать с темпом ежегодного строительства в 75 тыс. м² нового жилья, однако такая скорость исполнения работ выглядела нереалистично.

Несмотря на то, что разработкой проекта центра занимался «Гипрогор», свои концепции имели и другие специалисты. Одним из них стал бывший главный архитектор Калининграда Д.К. Навалихин.

В результате войны центр города, по оценке Д.К. Навалихина, был разрушен на 62,4 %, что привело к тому, что последующие реставрационные работы не коснулись центра, поскольку сил и средств хватало только на дешёвые и быстрые восстановительные работы в менее пострадавших от войны районах. Эти объективные обстоятельства сказались на том, что даже исходно крепкие коробки повреждённых зданий в центре постепенно приходили в негодность. По мнению архитектора, уцелевшие⁴⁵¹ в Калининграде сооружения создавали «неверное впечатление о городе» и,

---

⁴⁵⁰ Там же. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 215. Л. 160–165.

⁴⁵¹ Фрагменты замка, ряд соборов, некоторые сооружения Литовского вала, доты и дзоты.

более того, «усиливали элемент давно отзвучавшей милитаристской и буржуазно-клерикальной сущности былого Кёнигсберга»⁴⁵².

Критически оценив предшествующие градостроительные усилия и существующие схемы планировки, архитектор провозгласил принцип «композиционного единства центра» с сохранением отдельных немецких памятников в качестве исторических, призвав к созданию комплекса советских сооружений, памятников и взаимосвязанных узловых ансамблей. Главным элементом центральной части города провозглашался Дом Советов⁴⁵³.

Общую обеспокоенность отсутствием «связующего начала» в городе высказал на страницах местной газеты действующий главный архитектор города К. Хрусталёв⁴⁵⁴. Он объяснял медленные темпы строительства несколькими факторами: 1) основными застройщиками города были промышленные предприятия, которые стремились возводить жилые массивы поблизости, на территориях, расположенных вдали от центра; 2) архитектурно-строительные органы, в том числе и главный архитектор, не проявляли должной настойчивости в вопросе повышения темпов; 3) центр представлял собой сложную территорию, обильно покрытую завалами, усложнявшими подземные и надземные работы, и это вызывало сомнение в целесообразности застройки⁴⁵⁵.

При всех стараниях зодчих и укреплении строительной индустрии темпы восстановительных работ оставляли желать лучшего. По воспоминаниям работника строительного треста И.Д. Хондожко, приехавшего в Калининград в 1958 г., на тот момент город оставался в руинах: «От

---

⁴⁵² Доклад Д.К. Навалихина по диссертации «К вопросу реконструкции центра г. Калининграда». 1960 г. // Фонды Калининградского областного историко-художественного музея (КОИХМ). № КГОМ1–12092.34. Л. 3–4.

⁴⁵³ Там же. Л. 9.

⁴⁵⁴ К.А. Хрусталёв занимал должность главного архитектора города в 1957–1958 гг.

⁴⁵⁵ Хрусталёв К. Застроим центральные магистрали города! // Калининградская правда. 1957. 2 окт. С. 3.

железнодорожного вокзала и до кинотеатра “Заря” мы не встретили ни одного целого дома. Я тогда ещё подумал: “Боже мой! Мне здесь работы хватит на всю жизнь!”»⁴⁵⁶. По свидетельству жителя города В. Новикова, каждому калининградцу был знаком вопрос от граждан из других регионов СССР: «А, так вы из — Калининграда? Много у вас ещё развалин осталось?»⁴⁵⁷. Хотя с годами ситуация улучшалась, оценки специалистов были неутешительны. В 1963 г. главный архитектор В.В. Ходаковский⁴⁵⁸ довольно прямо описал текущую ситуацию: «Калининград остается единственным в стране сильно разрушенным крупным городом»⁴⁵⁹, тогда как «до войны [он] являлся одним из красивейших и самым благоустроенным городом Прибалтики»⁴⁶⁰.

Между тем, пока архитекторы в кабинетах создавали концептуальные проекты для будущего, строительство в настоящем не останавливалось: приближалась сдача в эксплуатацию нескольких крупных объектов, стали появляться новые советские здания учреждений культуры⁴⁶¹. В иллюстрированной брошюре «Калининград» (1964 г.) об этой тенденции авторы с гордостью писали: «Город наш — огромная новостройка. Любая фотография стареет чуть ли не на следующий день»⁴⁶².

Вместе с новым строительством шло восстановление в упрощённых формах коробок и фасадов немецких зданий. Например, новый корпус Альбертины, построенный в XIX в., стал школой; в здании бывшего Северного

---

⁴⁵⁶ Рождённая победой... С. 35.

⁴⁵⁷ Новиков В. Самая западная // Калининградская правда. 1961. 17 окт. С. 3.

⁴⁵⁸ Ходаковский В.В. — главный архитектор Калининграда в 1961–1965 гг.

⁴⁵⁹ Из довоенных 6 млн кв. м жилья было восстановлено немногим более 1,5 млн кв. м.

⁴⁶⁰ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 132. Л. 10.

⁴⁶¹ В канун 1958 г. было открыто здание Дома культуры рыбаков с монументальной колоннадой. В 1960 г. было завершено строительство драматического театра. В начале 1960-х гг. был построен Дом профсоюзов. В 1963 г. было открыто «самое крупное зрелищное предприятие в городе» — кинотеатр «Россия», а рядом, на ул. Театральной открылся новый универмаг — «Маяк» (Дом культуры рыбаков // Калининградская правда. 1958. 1 янв. С. 1; На строительстве театра // Там же. С. 4); Зоин Б. Универмаг «Маяк» открыт // Там же. 1963. 30 марта. С. 4; Широкоэкранный кинотеатр должен быть сдан в срок // Новатор строительства. 1962. 3 июля. С. 2).

⁴⁶² Калининград [Фотоальбом], 1964. С. 6.

вокзала был открыт Межрейсовый дом моряков; здание городского магистрата, на первом этаже которого был устроен универмаг, стали восстанавливать под общежитие холостяков и малосемейных моряков Китобойной флотилии; здание Росгартенской средней школы было сдано в эксплуатацию как корпус строительного профессионально-технического училища; в кирхе Адальберта разместилось протезно-ортопедическое предприятие. Кроме того, рассматривался вариант приспособления бывшего Городского зала на Нижнем пруду под Дом культуры торгового машиностроения или Дом пионеров⁴⁶³.

Ответственным моментом в разработке планировки центра Калининграда стало совещание архитекторов 26–27 марта 1964 г. На нём присутствовали представители правления Союза архитекторов СССР, его Ленинградского отделения, Союза архитекторов Литовской ССР, «Гипрогора», калининградские чиновники в сфере архитектуры и строительства, а также деятели партии, общественных и культурных организаций⁴⁶⁴. Состав участников подчеркивает степень важности обсуждаемого вопроса.

Из газетной публикации о совещании известно, что присутствовавшим были представлены два проекта: Генеральный план города 1948–1950 гг. и детальный проект застройки центра 1956–1958 гг., оба — от специалистов «Гипрогора». Очевидное «устаревание» обоих проектов заставило московских архитекторов с осени 1963 г. взяться за их модернизацию в соответствии с современными подходами городского планирования⁴⁶⁵. При этом, как заметили авторы заметки А. Губин и В. Салахов, в основу плана «Гипрогора» 1964 г. была положена микрорайонная схема планировки жилого строительства, распространившаяся в том числе и на центр, что привело к

---

⁴⁶³ В документе строение называется «Кёнигсбергской филармонией», однако, судя по расположению, речь идёт о бывшем Штадтхалле, предназначавшемся для проведения музыкальных концертов (ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 124. Л. 31).

⁴⁶⁴ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.

⁴⁶⁵ Гриньков С. Молодеть родному городу // Калининградская правда. 1964. 4 апр. С. 3.

тому, что была сформирована новая сетка улиц и «исчезли характерные архитектурные доминанты и неповторимые уголки»⁴⁶⁶.

В собрании принял участие и Д.К. Навалихин, защитивший к этому времени диссертацию и представлявший правление Союза архитекторов СССР. Он отметил, что имеющаяся застройка эстетически «невзрачна», а её качество «бросается в глаза». Кроме того, была очевидна «зияющая пропасть» между застройкой севера и юга, пространство между которыми следовало грамотно заполнить и гармонично соединить с площадью Победы и площадью Калинина. В завершение доклада выступающий, понимая сложность выработки концепции центра, призвал объявить всесоюзный конкурс по этому вопросу⁴⁶⁷.

О важности центра, его границах, комплексности и сбалансированности застройки никто на совещании не спорил. По замечанию журналиста С. Гринькова, мнения разделились по вопросам «о месте расположения центра, характере и назначении возводимых в нем зданий»⁴⁶⁸. Однако на самом деле камнем преткновения стала судьба Кёнигсбергского замка.

По генплану «Гипрогора» руины замка сносились, а на их месте строился «Дворец Советов» и другие административные сооружения, перед которыми организовывалась площадь для проведения митингов и демонстраций. Этот процесс архитектор «Гипрогора» М. Наумов образно сравнил со стоматологической процедурой: «вытащить корешки и вставить новую челюсть»⁴⁶⁹.

Однако такая радикальная позиция не встретила понимания у коллег-архитекторов. Заместитель Ленинградского отделения Союза архитекторов СССР Н.И. Эйсмонт посчитал, что замок нуждается в сохранении как

---

⁴⁶⁶ Губин А., Салахов В. Калининград: восстановление... С. 186–187.

⁴⁶⁷ Стенограмма выступления Д.К. Навалихина на совещании в горисполкоме. 1964 г. // Фонды КОИХМ. № КГОМ1–12092.35. Л. 1, 6.

⁴⁶⁸ Гриньков С. Молодеть родному городу // Калининградская правда. 1964. 4 апр. С. 3.

⁴⁶⁹ Сухова С. Бой после побед. Королевский замок: свидетельства и документы // Калининградский комсомолец. 1990. 31 марта. С. 7.

памятник средневековой архитектуры⁴⁷⁰. Ленинградца поддержали ещё двое специалистов, а также, судя по стенограмме выступления, Д.К. Навалихин, предположивший, что «может быть принято такое архитектурное решение центра, которое позволит включить на правах одного из элементов общего комплекса и сохранившиеся руины»⁴⁷¹, как это, например, было сделано в Вильнюсе⁴⁷². Концепции функционального использования замка придерживался и главный архитектор Калининграда В.В. Ходаковский, а также часть присутствовавших на совещании⁴⁷³.

По его итогам были сформулированы некоторые рекомендации по вопросу проектирования центра Калининграда, которые учли основные тезисы выступавших архитекторов. Отдельный пункт был посвящён Кёнигсбергскому замку. В нём горисполкому рекомендовалось обратиться в Министерство культуры с просьбой определить «степень научной и исторической ценности» средневекового сооружения, а также «разработать мероприятия по консервации наиболее ценных с исторической точки зрения сохранившихся частей этого комплекса»⁴⁷⁴.

В предыдущей главе упоминалось, что в послевоенное время замок стал олицетворением всего вражеского, чуждого, немецкого. Никакое другое здание во всей Восточной Пруссии не было наделено в прессе столькими негативными коннотациями⁴⁷⁵. Кроме того, руины неоднократно

---

⁴⁷⁰ Гриньков С. Молодеть родному городу // Калининградская правда. 1964. 4 апр. С. 3.

⁴⁷¹ Навалихин Д.К. Стенограмма выступления... Л. 7.

⁴⁷² В оригинале Д.К. Навалихин сказал: «... можно также использовать опыт Вильнюса, надстроившего башню 12 века и включившего её в ансамбль своего центра» (Стенограмма выступления Д.К. Навалихина... Л. 7). Вероятно, речь идёт о башне Гедимины. Однако архитектор ошибся в датировке — башня была построена в XV в.

⁴⁷³ В их числе были старший научный сотрудник краеведческого музея А. Цыганкова, бывший директор областного краеведческого музея И. Колганов и сотрудник службы главного архитектора города Н. Зеленкова (Дом, в котором... С. 68; Сухова С. Бой после побед. Королевский замок: свидетельства и документы // Калининградский комсомолец. 1990. 31 марта. С. 7).

⁴⁷⁴ ГАКО. Ф. Р-135. Оп 1. Д. 64. Л. 4–5.

⁴⁷⁵ Например, в 1947 г.: «Семь столетий возвышалась эта мрачная кроваво-плесневелая крепость. Из-под ее тёмных сводов выходили в разбойничьи походы тевтонские гады. Их отравленные, ядовитые жала вонзались в самые жизненные места России, Польши, Литвы,

исследовались с целью обнаружения на их территории предметов, представлявших культурно-историческую ценность, поскольку в прежние времена в южном флигеле располагался музей «Пруссия», а в период с 1942 по 1944 г. в том же корпусе экспонировалась Янтарная комната, вывезенная из Царского Села солдатами вермахта⁴⁷⁶.

О ценности руин замка самих по себе, а не только как потенциального хранилища артефактов, чаще всего говорили архитекторы⁴⁷⁷. Неофициально мысль о сохранении и консервации руин замка звучала на собраниях Калининградского отделения Союза архитекторов и за несколько лет до публичного совещания в 1964 г. Например, судя по протоколам совещаний архитекторов, с начала 1960-х гг. В.В. Ходаковский последовательно высказывался против его разрушения. Так, 8 апреля 1960 г., он заявил, что «идея сохранения замка заявлена и она может быть хорошо решена небольшими средствами»⁴⁷⁸. Однако сохранение замка означало конфликт с местными властями. В феврале 1964 г. архитектор Ф.П. Диденко прозорливо

Украины, Прибалтики» (Авдеенко А. Калининград // Огонёк. 1947. № 47. С. 25). В локальной художественной литературе 1950–1960-х гг. образ замка был явно наделён чертами «чужого» и неизменно «воинственного»: «старинная крепость, где немцы сопротивлялись особенно упорно», «центр сложной и неясной системы укреплений», «крепкий орешек», «цитадель прусских хищников», «каменная громада», «свидетель орденовских времен», «средневековый ополченец в тяжёлых латах», «главный бриллиант в прусской короне», «проклятая твердыня», «каменная дребедень», «гигантский часовой» и т. п. (Фостова С.А. Образ Кёнигсбергского замка в отечественной художественной литературе после 1945 года // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2015. Вып. 9. С. 145).

⁴⁷⁶ Тема поисков этого артефакта настолько волновала общественность, что в 1960 г. об этом 30-тысячным тиражом была издана брошюра, на обложке которой разместили фотографию руин замка. См.: Дмитриев В. Д. Дело о Янтарной комнате. Калининград, 1960.

⁴⁷⁷ За сохранение замка выступали и другие специалисты. Например, в том же путеводителе по области супруги Э.М. и И.П. Колгановы и писатель Ю.Н. Иванов, описывая историю замка, всячески подчёркивали русско-немецкие связи, не только используя тему русских военных побед, но и революционный сюжет – более привычный для советского пространства. В частности, авторы писали: «Кёнигсбергский замок был свидетелем первых отзвуков Великой Октябрьской социалистической революции в Восточной Пруссии» (Колганова Э.М., Колганов И.П., Ю.Н. Иванов. Путешествуйте по Калининградской... С. 104). Последний тезис, как выяснил Э. Маттес, был вписан в рукопись перед ее отправкой в печать (Маттес Э. Запрещённое воспоминание... С. 101).

⁴⁷⁸ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

заметил: «Предстоит серьезная борьба. Лошкарев⁴⁷⁹ говорит, что замок обязательно надо сломать. Поэтому борьба очень серьезная, нужно отразить этот удар. <...> В связи с большой исторической ценностью замка необходимо его восстановить»⁴⁸⁰.

Выполняя рекомендации открытого совещания 26–27 марта 1964 г., горисполком обратился в Министерство культуры РСФСР с тем, чтобы определить ценность руин бывшей крепости⁴⁸¹. Ответ пришёл спустя два месяца — 4 августа 1964 г. и, казалось бы, безапелляционно гласил: «Министерство культуры РСФСР считает вполне оправданным и целесообразным сохранение его наиболее ценных уцелевших частей <...>»⁴⁸². В письме также было рекомендовано «Гипрогору» впредь проектировать центр с включением сохранившихся частей замка в новый ландшафт города.

Между тем осенью 1964 г. в Калининград прибыл главный архитектор проекта Центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры СССР Б.Л. Альтшуллер, составивший по запросу управления культуры Калининградской области заключение об историко-архитектурной значимости и возможности консервации руин Кёнигсбергского замка в Калининграде. В нём реставратор дал однозначную оценку уцелевших частей замка как «безусловно» имеющих значительную историко-архитектурную ценность, а также акцентировал внимание на том, что его «своеобразный силуэт» значим для создания «запоминающегося образа города»⁴⁸³.

Тем не менее ни письмо от Минкульта РСФСР, ни заключение именитого специалиста Б.Л. Альтшуллера не повлияло на мнение горисполкома и облисполкома, а местное отделение Союза архитекторов не имело такого авторитета, как «Гипрогор», и это в итоге сыграло на руку региональным властям в решении судьбы остатков замка. В 1965 г.

---

⁴⁷⁹ Председатель горисполкома Калининграда.

⁴⁸⁰ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 обр.

⁴⁸¹ Там же. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 132. Л. 32.

⁴⁸² Там же. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 66. Л. 12.

⁴⁸³ Там же. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1780. Л. 10.

«Гипрогор» выпустил новый детальный проект планировки центра Калининграда, в котором Кёнигсбергский замок не был сохранен. Проект был рассмотрен горисполкомом, одобрен и отослан без дополнений для утверждения в Совет министров РСФСР⁴⁸⁴.

Под давлением членов Союза архитекторов 6–8 сентября 1965 г. было подготовлено и проведено ещё одно совещание по рассмотрению планировки центра Калининграда и возможности интеграции сохранившихся частей крепости в панораму города. На него были снова приглашены архитекторы из нескольких республик. На совещании было рассмотрено семь проектов реконструкции центра Калининграда. Все проектные организации, кроме «Гипрогора», включили замок в свои проекты. Общественность, представленная на совещании, а также другие организации поддержали намерение Союза архитекторов сохранить замок и для этого в первую очередь очистить его территорию от завалов и затем законсервировать уцелевшие части, а впоследствии достроить несколько стен и использовать в качестве музея славы русского оружия. Рекомендации совещания не были приняты горисполкомом, но его результаты были сообщены Совету министров РСФСР с тем, чтобы правительство воздействовало на облисполком и горисполком и поручило учесть рекомендации⁴⁸⁵. Перенесение решения вопроса о замке на более высокий административный уровень свидетельствует и об упорстве Союза архитекторов в борьбе за сохранение руин, а также о том, что эта профессиональная организация являлась одним из акторов политики памяти.

Кульминационным пунктом дискуссии о судьбе замка стало обращение представителей калининградской общественности⁴⁸⁶ в его защиту,

---

⁴⁸⁴ Там же. Д. 138. Л. 7.

⁴⁸⁵ Там же. Д. 1780. Л. 6.

⁴⁸⁶ Его подписали председатель правления Калининградского отделения Союза архитекторов В. Еремеев, главный архитектор института «Калининградгражданпроект» Л. Соскин, ответственный секретарь Калининградского отделения Союза писателей РСФСР В. Ерашов, а также Герои Советского Союза, участники штурма Кёнигсберга Г. Зуев и П. Шемендюк.

опубликованное в «Литературной газете» 30 октября 1965 г. В начале письма авторы утверждали, что уже пять лет общественность Калининграда борется за сохранение руин бывшего Кёнигсбергского замка и что в ближайшее время его руины планируют взорвать. Аргументация защитников замка состояла из перечня событий, связывающих историю сооружения с историей России. Кроме того, в письме перечислялись институции, выступавшие за сохранение руин памятника архитектуры, включая Министерство культуры РСФСР. В завершении авторы актуализировали своё выступление дискуссией о проблемах градостроительства, которая проходила недавно на страницах «Литературной газеты»⁴⁸⁷, где, по их словам, критиковалось однообразие застройки и высказывались мнения о необходимости сочетания памятников архитектуры с новыми зданиями: «Неужели Калининградский облисполком придерживается другого мнения?»⁴⁸⁸.

Перенос полемики в столичную печать не осталось незамеченным местными руководящими органами. Один из подписантов — глава Калининградского отделения Союза писателей РСФСР В.П. Ерашов⁴⁸⁹ — оставил воспоминания о беседе с первым секретарём Калининградского обкома Н.С. Коноваловым и секретарём обкома по идеологии Д.Н. Никитиным, произошедшей спустя несколько дней после публикации. На вопрос Н.С. Коновалова «Вот скажи нам, как у тебя поднялась рука защищать фашистский замок?», В.П. Ерашов ответил: «Насколько помню, в четырнадцатом веке фашистов не было и в помине, а были “псы-рыцари”. Но ведь и не они строили замок, а литовские, прусские, чешские крестьяне»⁴⁹⁰.

---

⁴⁸⁷ Речь идёт о статье: Архитектор и город // Литературная газета. 1965. 23 окт. С. 2.

⁴⁸⁸ Сохраним для истории // Литературная газета. 1965. 30 октября. С. 2.

⁴⁸⁹ Писатель Валентин Петрович Ерашов занимал пост зав. отделом областной газеты «Калининградская правда» (1958–1963), руководитель Калининградской областной писательской организации (1964–1967).

⁴⁹⁰ Тезис о «народности» замка был широко распространён. К примеру, его воспроизводил директор экскурсионного бюро Т.Г. Ковалюх на областной учредительной конференции ВООПИиК в 1965 г.: «Несколько слов о замке. Те развалины, которые от него остались, показывают, какой была архитектура в средние века. Ведь замок строил народ, а не монархи

Материальные ценности, известно, создает народ...»⁴⁹¹. Глава писательской организации также подчёркивал, что замок интересен прежде всего как «памятник материальной культуры» и, если следовать логике первого секретаря, выступавшего против «угнетения народа» и «немецкого духа», то необходимо ликвидировать резиденции русских царей, а в Калининградской области — все довоенные здания, включая то, которое занимает обком партии⁴⁹². В.П. Ерашов, несмотря на оппонирование властям, сохранил свои должности⁴⁹³. Другие небезучастные к судьбе замка были освобождены с занимаемых постов⁴⁹⁴.

Анализируя ситуацию с полемикой вокруг замка, О. Сезнева отметила две особенности: «вертикальность альянса» калининградской интеллигенции с вышестоящими органами культуры, а также столкновение двух видений города и его истории⁴⁹⁵, сопровождавшееся борьбой за контроль над формированием регионального исторического нарратива.

Через неделю после публикации письма в «Литературной газете» облисполкому пришлось в связи с публикацией оправдываться перед Советом министров РСФСР — в частности, перед заместителем председателя В.И. Кочемасовым. Председатель облисполкома Я.А. Прушинский для этого прибег к доводам, характерным для позиции властей по довоенной истории:

и прусские завоеватели. Поэтому мы за то, чтобы его сохранить» (ГАКО. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–41).

⁴⁹¹ По замку — огонь! // Кафедральный собор. Калининград, 1990. №3. С. 42.

⁴⁹² Речь идёт о здании Земельного финансового управления Восточной Пруссии, построенном в 1928 г. архитектором Ф. Ларсом (Кёстер Б. Указ. соч. С. 136–137).

⁴⁹³ Н.С. Коновалов в ответ на вопрос о мерах воздействия в отношении Ерашова в декабре 1965 г. сказал: «... нас партия учит, что в отношениях с работниками литературы и искусства надо избегать администрирования. Писатели — народ особый, с ними надо работать деликатно, воспитывать их, убеждать, поправлять» (По замку — огонь!... С. 50).

⁴⁹⁴ Это произошло, в частности, в 1965 г. с главным архитектором города В.В. Ходаковским, добровольно сложившим свои полномочия (Сухова С. Дорога к храму // Калининградский комсомолец. 1990. 14 апр. С. 6); Б.А. Нисневич лишился комсомольской рекомендации в партию, что сократило его карьерные возможности; шестеро других молодых журналистов были уволены решением бюро обкома комсомола (Нисневич Б.А. Свет памяти моей... С. 63).

⁴⁹⁵ Sezneva O. Op. cit. P. 207.

замок — «опорный пункт для захватнических походов против славянских народов на берегах Балтики» и символ Тевтонского ордена, прусского милитаризма, гитлеризма. Его особенно ценили в 1930-е гг., а в настоящее время «реваншисты Западной Германии пишут научные трактаты, посвященные роли замка в истории создания Пруссии, сожалея о его разрушении»⁴⁹⁶. В связи с этим, дорогостоящее⁴⁹⁷ сохранение или в некоторой степени восстановление замка «послужит во вред формированию мировоззрения подрастающего поколения». Кроме того, поскольку Министерство культуры РСФСР и правление Союза архитекторов СССР настойчивы в вопросах консервации руин, завалы не разбираются и представляют реальную опасность для горожан. Вместе с тем другие довоенные здания, представляющие историческую и архитектурную целостность, сохраняются и интегрируются в культурное пространство⁴⁹⁸. Более того, в городе есть несколько памятных мест, связанные с воинской славой советской армии. Напоследок Я.А. Прушинский осудил «Литературную газету» за то, что она сочла «возможным поместить

---

⁴⁹⁶ Зарубежная реакция на историю с замком принималась во внимание непосредственно первым секретарём Калининградского обкома Н.С. Коноваловым. В частности, по свидетельству писателя В.П. Ерашова, он сослался на радио «Свободная Европа», где о статье в «Литературной газете», по его словам, говорили: «Спасибо господину Ерашову за то, что он выступил в защиту национальной святыни германского народа» (По замку — огонь!... С. 46).

⁴⁹⁷ В декабре 1965 г. Н.С. Коновалов на встрече партийного актива области упомянул, что, по расчётам органов власти, на восстановление замка потребуется 8 млн рублей: «Сколько квартир можно построить на эти средства!» (По замку — огонь!... С. 49). В письме председателя Калининградского облисполкома Я.А. Прушинского в Совет министров РСФСР от 5 ноября 1965 г. говорится, что, «по самым скромным подсчётам, на восстановление замка потребуется значительно больше одного миллиона рублей» (ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1780. Л. 17). Между тем в октябре 1968 г. стоимость строительства здания Дома Советов на месте замка было оценено на сумму почти в 5 млн рублей (ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 74. Л. 29).

⁴⁹⁸ Далее приводятся в пример сохранение Кёнигсбергского университета, строительство на месте старого театра современного здания областного драмтеатра, восстановление здания бывшей биржи под Дом культуры моряков, работа по охране захоронения И. Канта, памятника Ф. Шиллеру и Кафедрального собора, разработка проекта восстановления здания бывшего имперского банка для передачи музею города.

вышеуказанную заметку, подбросив топливо в западно-германскую реваншистскую кухню»⁴⁹⁹.

Нельзя не отметить, что аргументы местной власти были достаточно рациональны и убедительны. Однако, судя по телеграмме заместителя министра культуры СССР Н.А. Кузнецова председателю Калининградского облисполкома Я.А. Прушинскому, отправленной 22 ноября 1965 г., в Москве так считали не все. От лица министерства чиновник просил местный облисполком принять меры по сохранению ценного памятника архитектуры и истории, включению его в список памятников, охраняемых государством⁵⁰⁰.

И всё-таки облисполком оказался глух⁵⁰¹ к просьбам вышестоящих органов: в апреле 1966 г. горисполком подтвердил «Гипрогору» нецелесообразность сохранения руин, а в августе того же года была определена очередность мероприятий по разбору руин замка. К осени 1967 г. в честь 50-летия Октября отдел по делам строительства и архитектуры планировал принять участие в подготовке к торжественной закладке зданий Дома Советов, Дома связи и концертного зала филармонии⁵⁰². Дискуссия завершилась победой калининградских партийных чиновников⁵⁰³, однако это не помешало и в дальнейшем многими калининградцам воспринимать замок с его трагической судьбой как место памяти.

Таким образом, историко-культурное наследие оказывало значительное влияние на градостроительные инициативы и реалии в случае Калининграда. Проектирование центра предполагалось с учётом сохранившейся застройки, а пригодные для восстановления здания интегрировались в советский

---

⁴⁹⁹ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1780. Л. 19–21.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 2а.

⁵⁰¹ Деятелем культуры И.А. Одинцовым также высказывалась версия о влиянии на решение международной политической конъюнктуры, актуализированной показом фильма документалистов из ФРГ, где были запечатлены табло нескольких западногерманских вокзалов с изображением замка и надписью «Поезд на Кёнигсберг временно отменён» (Одинцов И.А. Кафедральный собор в Калининграде. Калининград, 2005. С. 148).

⁵⁰² ГАКО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 149. Л. 2.

⁵⁰³ Там же. Д. 145. Л. 24; Там же. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1912. Л. 42–43.

ландшафт, хотя и в изменённом виде. Однако достигнутый хрупкий баланс между рациональностью и идеологическими требованиями был разрушен прецедентом Кёнигсбергского замка. Дискуссия о сохранении руин сгенерировала ряд конфликтов: между немецким и советским, чуждым и близким, старыми и новыми подходами градостроительства, московскими и калининградскими специалистами, архитекторами и контролирующими их органами, отдельными представителями интеллигенции и региональной властью. Апогей дискуссии пришёлся на 1964–1965 гг., когда, несмотря на исключительную инициативность сообщества местной интеллигенции, верх взяли аргументы противников сохранения замка за счёт административного ресурса обкома и личной позиции его главы, а также благодаря авторитету всесоюзного проектного института «Гипрогор».

Разногласия в спорах о судьбе замка были также связаны с вопросом о том, что считать наследием. Ответ на этот вопрос был, по сути, очерчен официальным списком памятников культурного и исторического наследия регионального значения, который регулярно менялся.

Проблема присвоения статуса памятника остаткам замка поднималась ещё во второй половине 1950-х гг. Поводом к рассмотрению этого вопроса тогда стало письмо калининградского учителя Прорехина⁵⁰⁴, отправленное в Совет министров СССР и Государственную инспекцию по охране памятников истории и искусства Министерства культуры СССР. Причиной, породившей инициативу Прорехина, стал процесс разрушения замка «с целью утилизации кирпича»⁵⁰⁵. Известно, что весной 1956 г. во дворе замка было организовано производство блоков из кирпичного щебня⁵⁰⁶. Прорехин высказывал своё сожаление о том, что «такой исторический памятник не сохранится для

---

⁵⁰⁴ В документе инициалы не указаны.

⁵⁰⁵ Цит. по: Маслов В.Н. Переписка о Кёнигсбергском замке в 1956 году // Балтийский альманах. 2019. № 18. С. 38.

⁵⁰⁶ Овсянов А. Архитектор Арсений Максимов // Запад России. 1995. № 2 (14). С. 192.

потомства. Ведь многие приезжающие в Калининград захотят увидеть его, а уберечь его от полного разрушения ещё есть время»⁵⁰⁷.

Письмо возымело действие: Госинспекция по охране памятников просила калининградское управление культуры выслать актуальную фотографию замка⁵⁰⁸ и дать справку о его историческом и художественном значении, а заодно обратилась к Госстрою для разрешения вопроса о включении замка в списки памятников архитектуры. В ответ заместитель начальника областного управления культуры В. Зубков уверил инспекцию, что замок⁵⁰⁹ в период Великой Отечественной войны был разрушен и сохранить его «не представлялось никакой возможности», а на его месте будет построен областной Дом Советов⁵¹⁰.

Параллельно ведомственной переписке в области проходила процедура учёта памятников. Она была запущена решением облисполкома от 22 октября 1956 г., которым устанавливались сроки к выявлению и принятию на учёт памятников истории, археологии, искусства и архитектуры по городу и области. Кроме того, было запрещено разбирать и разрушать памятники, а также требовалось согласовать с «Гипрогором» возможность изменения планировки центра города⁵¹¹.

Проявлением влияния идей XX съезда КПСС следует считать существенное расширение списков памятников, которое Б. Хоппе назвал «барометром меняющегося духа времени». Проанализировав новый список памятников, утверждённый облисполкомом в 1957 г., он отметил, что в реестр были включены «все городские ворота старого Кёнигсберга, несколько

---

⁵⁰⁷ Цит. по: Маслов В.Н. Переписка о Кёнигсбергском... С. 39.

⁵⁰⁸ В письме замок именовался «Королевским дворцом».

⁵⁰⁹ В письме произошло уточнение названий: «Королевский замок, в том числе и дворец прусских королей, который находился в ансамбле замка».

⁵¹⁰ Архитектор Д.К. Навалихин упоминал также, что он в 1956 г. был в составе комиссии по линии Министерства культуры и Академии наук СССР, но руины тогда не были взяты под государственную охрану (Стенограмма выступления Д.К. Навалихина... Л. 7).

⁵¹¹ Решение облисполкома о мероприятиях по учёту и сохранению памятников истории, археологии, искусства и архитектуры // Самая западная. Калининград, 1987. Вып. 2. С. 259–260.

церквей, развалины собора и биржи в самом центре города»⁵¹². В 1959 г. в газете, сообщавшей об объектах, попавших под охрану государства, чаще всего перечислялись довоенные замки и крепости⁵¹³.

По данным Г.В. Кретирина, за последующие годы облисполком ещё трижды (1957, 1959 и 1960 гг.) согласовывал меры по улучшению деятельности по охране памятников⁵¹⁴. Систематическое выявление памятников и постановка их на учёт в РСФСР начались в 1960-е гг. Медлительность этого процесса была характерна для большинства регионов страны и была связана с рядом причин: дефицитом специализированных кадров, малоэффективной системой организации, отсутствием должного внимания к этим процессам со стороны местных управлений культуры и неопределённостями в методике паспортизации объектов⁵¹⁵.

До 1960 г. шли выявление, учёт и регистрация памятников истории, архитектуры, археологии, искусства, имеющих историческое и художественное значение в Калининградской области. Эта деятельность подразумевала составление учётно-технической и справочной документации⁵¹⁶, а также фотографирование объектов. Кроме того, на памятниках, стоящих на учёте, укреплялись мемориальные доски. Согласованные облисполкомом списки памятников представлялись в Министерство культуры РСФСР. При этом в 1960 г. фактически весь объём работы выполнялся одним инспектором управления культуры.

Выявлению подлежали также памятники, имеющие историческое и художественное значение. Однако явных успехов калининградское

---

⁵¹² Хоппе Б. Указ. соч. С. 259.

⁵¹³ Сохранять памятники архитектуры // Калининградская правда. 1959. 28 окт. С. 3.

⁵¹⁴ Кретинин Г.В. Об истоках формирования... С. 65.

⁵¹⁵ Свичкарь И.Г. Деятельность государственных органов по охране историко-культурного наследия в Российской Федерации в 1960–1980 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Соц.-гум. науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 53.

⁵¹⁶ В ходе составления официальной документации можно было прибегать к использованию иностранной литературы. Например, специалисты, обследовавшие кирху в Правдинске, в своих материалах ссылались как на издания конца XIX в., так и на литературу, вышедшую в ФРГ (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 34. Л. 2–5).

управление культуры достигло лишь в сохранении исторических памятников, относящихся к периоду Великой Отечественной войны за счёт благоустройства братских могил и мемориалов⁵¹⁷. Собственно охране памятников, реставрации и популяризации внимания уделялось меньше. Сотрудник Министерства культуры РСФСР Н.А. Агалецкая писала в 1960 г., что управление культуры «недооценивает возложенных на него задач по руководству и контролю за охраной памятников культуры». Список аргументов, подтверждавших этот тезис, был велик: неудовлетворительно проходила консервация; слабым был контроль за содержанием воинских захоронений и эксплуатации зданий, переданных в пользование другим организациям; некоторые памятники, включая кёнигсбергскую биржу, здание Альбертины, Юдиттен-кирху, вообще не были выведены из аварийного состояния; координация деятельности по популяризации памятников и «разъяснению их идейно-художественной значимости» культурно-просветительскими учреждениями области и органами печати также была организована на низком уровне⁵¹⁸.

В 1962 г. для устранения накопившихся недостатков и улучшения работы областное управление культуры увеличило количество специалистов, причастных к деятельности охраны памятников. При управлении был создан областной краеведческий совет, а при районных отделах культуры организованы комиссии содействия охране памятников культуры. Члены комиссий помогали пропагандировать памятники культуры посредством лекций, бесед, экскурсий, содействовали учреждению народных музеев и краеведческих кружков. В работе были также задействованы институт усовершенствования учителей и областной краеведческий музей⁵¹⁹.

---

⁵¹⁷ По данным на 1963 г. из 321 памятников Калининградской области 226 являлись братскими могилами (ГАКО. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 14. Л. 22).

⁵¹⁸ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 176. Л. 12–17.

⁵¹⁹ Там же. Д. 221. Л. 12–14.

Активизация деятельности по охране памятников имела и обратную сторону: время от времени происходило исключение объектов, ранее включённых в списки. Например, в конце 1963 г. главное управление культпросветработы ходатайствовало перед Министерством культуры РСФСР и Калининградским управлением культуры о снятии с охраны сразу 42 объектов истории и культуры (22 из которых располагались непосредственно в Калининграде) при наличии всего 321 памятника. Обоснования этого решения сводились к переоценке значимости памятников и степени их сохранности. К примеру, в некоторых случаях исключение было связано с «омоложением» памятника в свете корректировки дат постройки, другие, по мнению местных чиновников, не представляли художественной или архитектурной ценности⁵²⁰. В половине случаев причиной выбытия из списка памятников стали сильное разрушение, из-за которого восстановление было невозможно, или полное отсутствие памятника⁵²¹. Исключение из списков памятников по идеологическим мотивам использовалось лишь однажды — применительно к памятнику «Пушки» из посёлка Славское Багратионовского района. Он был установлен в память о победе во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. и тем самым пропагандировал «реакционную идеологию». Фортификационных сооружений Кёнигсберга же предлагалось вычеркнуть из списков без комментариев⁵²².

Калининградское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) было создано на исходе 1965 г. Его появление стало следствием реализации постановления Совета министров РСФСР о создании единого Всероссийского добровольного общества для

---

⁵²⁰ К таковым были отнесены, например, Калининградский драмтеатр, памятник А.В. Суворову, скульптура «Борющиеся зубры» А. Гауля, здание бывшего института экспериментальной физики на ул. Черняховского, 6, мост Королевы Луизы в Советске и т.д.

⁵²¹ К «отсутствующим», в частности, была отнесена могила профессора Кёнигсбергского университета Ф. Неймана, замок Фридланд, памятник полковнику Красной армии С.И. Полицкому в Полесске.

⁵²² ГАКО. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 14. Л. 21–24.

«привлечения широкой общественности к активному участию в охране памятников истории и культуры»⁵²³. На учредительной конференции, состоявшейся 25 декабря, начальник областного управления культуры В.К. Глушков оценил деятельность по охране и пропаганде памятников как «неудовлетворительную», подчеркнув, что многие объекты находятся «совершенно без надзора», хотя «представляют большую ценность, требуют немедленной консервации и реставрации». Вместе с тем чиновником был отмечен позитивный вклад в выявлении памятников и просвещении населения ряда организаций, включавших областной краеведческий музей⁵²⁴.

На конференции также было дано слово старшему научному сотруднику музея А.Е. Цыганковой, которая посвятила своё выступление целиком памятникам истории и культуры досоветского времени. Их сохранение, по её мнению, должно было обуславливаться «духом интернационализма» и пониманием того, что «достижения современной мировой культуры и науки (в том числе и советской) прочно стоят на достижениях минувших поколений». Поэтому калининградское отделение ВООПИиК должно было «пропагандировать памятники культуры немецкого народа для того, чтобы каждый калининградец о них знал и относился к ним с уважением»⁵²⁵.

Полномочиями новообразованной организации ВООПИиК также поспешили воспользоваться калининградские архитекторы, которые понимали важность присвоения руинам замка статуса памятника, направив по этому вопросу обращение руководству ВООПИиК⁵²⁶. За включение замка в охранный список выступал и известный реставратор Б.Л. Альтшуллер⁵²⁷, и Министерство культуры СССР. И хотя утверждение охранных списков

---

⁵²³ Постановление Совета министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2077#TEdEm0UQTgcG6ZJH> (дата обращения: 08.01.2024).

⁵²⁴ ГАКО. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–17.

⁵²⁵ Там же. Л. 45.

⁵²⁶ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

⁵²⁷ Там же. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1780. Л. 14.

входило в круг полномочий центральных органов, инициатива, как правило, исходила от властей региона и находилась в компетенции управления культуры облисполкома. Однако замок не фигурировал ни в одном локальном перечне, что властями города трактовалось как аргумент в свою пользу.

Хотя разрушение архитектурных сооружений могло сказываться на имидже региональных властей⁵²⁸, средств и сил для восстановительных работ катастрофически не хватало. Порой от разрушения под влиянием как естественных причин, так и вследствие выполнения программы расчистки завалов не спасало даже включение объекта в списки охраняемых памятников. Так произошло с Штайндамской кирхой, располагавшейся неподалёку от Кёнигсбергского замка. Она существенно пострадала во время войны, однако к 1956 г. оставались в целости её алтарная часть, восточная и северная сторона. И всё же она была ликвидирована в процессе прокладки магистрального Ленинского проспекта⁵²⁹. По подсчётам архивиста А.П. Бахтина, в 1950-е гг. было ликвидировано 26 кирх, а 1960-е гг. — 29⁵³⁰.

На этом фоне судьба старого Кафедрального собора в Калининграде была гораздо благополучнее. В 1960 г. портик на могиле И. Канта совместно с руинами собора стал памятником республиканского значения⁵³¹. Вместе с тем в 1964 г. специалист Центральных научно-реставрационных мастерских Б.А. Альтшуллер охарактеризовал состояние собора как «чрезвычайно тяжёлое, местами аварийное» — внутри памятника сохранились неразобранные завалы⁵³².

---

⁵²⁸ Например, в 1960 г. из сопроводительного текста к телевизионной передаче в обллите была вычеркнута фраза о произошедших после войны разрушениях в Калининграде, поскольку канцлер К. Аденауэр в своей речи в Дюссельдорфе обвинил СССР в разрушении церквей и памятников культуры (Дементьев И.О. Цензура как институт... С. 104).

⁵²⁹ Чебуркин Н. Кирха на Штайндамме // Запад России. 1997. №3 (17) С. 148.

⁵³⁰ Бахтин А.П. Указ соч. С. 171–172.

⁵³¹ Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский Кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. Т. 35. № 4. С. 70.

⁵³² Там же. С. 71.

На фоне переоценки памятников культурного наследия шёл процесс реконструкции и благоустройства военных мемориалов⁵³³ и создания новых советских монументов. В 1964 г. область участвовала в международной кампании по пропаганде памятников культуры, санкционированной Министерством культуры РСФСР. По этому случаю начальник областного управления культуры В. Махов отметил особенность региональной мемориальной пропаганды: главное внимание уделялось популяризации памятников Великой Отечественной войны, которые помогали воспитанию молодого поколения на примерах героев Восточно-Прусской операции 1945 г.⁵³⁴

Вместе с тем патриотическому просвещению способствовало поддержание памяти о других событиях военной истории. Уже установленные памятники становились центрами коммеморативных практик⁵³⁵, в иных случаях само возведение памятника было актом памяти.

В августе 1957 г. в пос. Междуречье Черняховского района был открыт памятник в честь 200-летия Гросс-Егерсдорфского сражения. В большинстве случаев инициаторами установления памятников выступали властные органы, но в данном случае ими стали три энтузиаста, в числе которых был первый архитектор Калининграда А.В. Максимов⁵³⁶. За несколько месяцев до юбилея они опубликовали статью о том, как посетили сохранившиеся поля сражения.

---

⁵³³ Например, было благоустроено военное захоронение на ул. Комсомольской и выявлена неухоженность других памятников, в частности находящихся в пос. Космодемьянском (ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 102 Л. 1–2; Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 373. Л. 37–37 об.)

⁵³⁴ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

⁵³⁵ Например, в 1955 г. фотография памятника отличившемуся во Фридландском сражении 1807 г. генералу Н.Н. Мазовскому с ошибкой в имени была опубликована в правдинской районной газете. Спустя два года в Правдинске торжественно отметили 150-летие со дня сражения при Фридланде. В ходе празднования состоялось возложение трудящимися цветов на могилу «прославленного героя» генерала русской армии Н.Н. Мазовского, а также на сохранившееся захоронение русских солдат (Кретицин Г.В. Генерал Н.Н. Мазовский — человек и память // Баркляя помнит вся Россия. Калининград, 2019. С. 100; Синявин В. 150-летие сражения при Фридланде // Калининградская правда. 1957. 16 июня. С. 1.)

⁵³⁶ Юрченко Э.В. Сохранение исторической памяти о Гросс-Егерсдорфском сражении // Время музея. Калининград, 2022. Вып. 5. С. 333.

Читателям предлагался вывод, что победа при Гросс-Егерсдорфе была делом рук простых солдат и офицеров, пожертвовавших собой ради безопасности и величия своей родины, и для того, чтобы «особым образом» отметить юбилей, энтузиасты предложили воздвигнуть монументальный обелиск⁵³⁷. При создании этого памятника был использован материал монумента жителю Норкитена⁵³⁸, погибшим на полях Первой мировой войны⁵³⁹.

Создание новых и обновление прежних памятных мест подкреплялось изданием соответствующей литературы. Показательно, что первая книга, опубликованная только что созданным Калининградским книжным издательством «Под знаменами родины», была посвящена ратным подвигам, в числе которых был рассказ о битве при Гросс-Егерсдорфе⁵⁴⁰. Через год, в 1959 г., историк В.Н. Балязин издал книгу, посвящённую сражениям на территории области, в том числе славным победам русского оружия, начиная с Грюнвальдской битвы 1410 г.⁵⁴¹ Книга погружала читателя в исторический контекст военного прошлого края⁵⁴².

На конец 1950-х — вторую половину 1960-х гг. приходится открытие нескольких памятников, приблизивших городскую среду Калининграда к советским стандартам.

Следствием десталинизации стал перенос памятника этому государственному деятелю в Калининграде на менее почётное место — в

---

⁵³⁷ Максимов А., Шикун П., Якубович В. Битва при Гросс-Егерсдорфе // Калининградская правда. 1957. 24 марта. С. 2.

⁵³⁸ Довоенное название пос. Междуречье Черняховского района.

⁵³⁹ Новиков А.С. Поля воинской славы и памятные знаки четырех войн самой западной области России // Проблемы межрегиональных связей. СПб; Клайпеда; Калининград, 2018. Вып. 13. С. 13.

⁵⁴⁰ Замотин Н. «Под знаменами родины» // Калининградская правда. 1958. 18 мая. С. 2; Балязин В.Н. Битва при Гросс-Егерсдорфе // Под знамёнами Родины. Калининград, 1958. С. 193–196.

⁵⁴¹ Книга вышла накануне 550-летия Грюнвальдской битвы, которое, как написал секретарь обкома КПСС В.Д. Кролевский в справке о выполнении плана развития связей области с Ольштынским воеводством ПНР за 1960 г., «широко отмечалось в области» (ГАКО. Ф. П-1. Оп. 36. Д. 38. Л. 14).

⁵⁴² Балязин В.Н. Памятники славы...

соседний с площадью Победы сквер. По воспоминаниям В.В. Денисова, бывшего в то время заведующим отделом коммунального хозяйства горисполкома, это произошло в начале ноября 1958 г. Из-за отсутствия подходящей техники для транспортировки такого крупногабаритного груза статуя сорвалась с крепежей, ударилась о гранитный угол трибуны и раскололась надвое, покрывшись трещинами и вмятинами. В сквере скульптура была установлена через четыре дня после «неимоверного скандала» и ремонта⁵⁴³. 10 января 1962 г. распоряжением Совета министров РСФСР калининградский памятник И.В. Сталину был исключён из списка памятников, охраняемых государством⁵⁴⁴. Демонтаж фигуры произошел несколько ранее⁵⁴⁵. В начале 1960-х гг. профиль генералиссимуса исчез также с одной из граней обелиска Мемориала 1200 гвардейцам. Изначально обелиск украшало изображение медали «За победу над Германией», украшенной барельефом вождя⁵⁴⁶. В 1961 г. медаль «перевернулась» обратной стороной.

Тем временем на бывший «сталинский» постамент в центре площади Победы был установлен памятник В.И. Ленину, первоначально предназначавшийся для посёлка Отрадного близ Светлогорска⁵⁴⁷. Появление на площади монумента основателю Советского Союза, как писал журналист, совпало с празднованием 41-й годовщины Октября и подготовкой к XXI съезду партии⁵⁴⁸. Следом, ко Дню Советской Конституции, 5 декабря 1959 г., состоялось открытие заложенного ранее памятника М.И. Калинин. Монумент общей высотой 15 метров представлял главу государства в полный рост, обращённого лицом к городу и держащего в руках выпуск газеты

---

⁵⁴³ Денисов В.В. Калининград — судьба моя ... С. 262.

⁵⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 11. Д. 325. Л. 6–7.

⁵⁴⁵ В.В. Денисов утверждал, что скульптура «была отдана городским трамвайщикам, испытывавшим острейший дефицит в бронзовых втулках колесных пар» (Денисов В.В. Калининград — судьба моя... С. 263).

⁵⁴⁶ В издании 1965 г., иллюстрированного историческими фотографиями, хорошо виден профиль И.В. Сталина (Budrys St. Op. cit. P. [32]).

⁵⁴⁷ Дементьев И.О. Советские гражданские памятники... С. 45.

⁵⁴⁸ Открытие памятника В.И. Ленину в Калининграде // Калининградская правда. 1958. 5 нояб. С. 1.

«Правда». Автор изваяния Б.В. Едунов в интервью журналистам объяснял, что на гранитном постаменте были высечены 15 флагов, олицетворявших братские советские республики⁵⁴⁹. Следом в 1961 г. прошло открытие памятника «великому основоположнику научного коммунизма» К. Марксу в сквере на одноимённой улице⁵⁵⁰.

Памятник К. Марксу стал последним в череде новых советских монументов в этот период. В 1961 г. вышли постановления ЦК КПСС и Совета министров РСФСР 1961 г., которые предписывали временный отказ от сооружения монументов и пересмотр уже принятых решений. Формально мера, блокирующая инициативу сооружения памятников, связывалась с вопросами экономии средства, однако исследователи российского культурного наследия А.Н. Еремеева и О.Н. Маркова усматривают в этом стремление властей установить «контроль над монументальными практиками» в реалиях, наступивших после решений XX съезда⁵⁵¹. Вероятно, данные постановления повлияли на то, что в 1963–1964 гг. попытка местных партийных и советских властей создать монумент на пустующем от И.В. Сталина постаменте не увенчалась успехом, хотя конкурс и состоялся⁵⁵².

Таким образом, культурное наследие играло значимую роль в градостроительных практиках Калининграда хрущёвского периода. В задачи архитекторов входило преодоление руинированности центра города и создание единого ансамбля, при сохранении объектов, признанных государством памятниками. Однако последнее условие осложнялось

---

⁵⁴⁹ Знаменский В. Открытие памятника М.И. Калинину в Калининграде // Калининградская правда. 1959. 8 дек. С. 1.

⁵⁵⁰ Макеенко В. Открытие памятника Карлу Марксу // Калининградская правда. 1961. 18 нояб. С. 3.

⁵⁵¹ Еремеева А.Н., Маркова О.Н. Основные этапы и тенденции монументальной пропаганды в СССР // Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы. М., 2022. С. 66–67.

⁵⁵² Речь идёт о памятнике «В честь воинского и трудового подвига калининградцев, основавших на месте руин новый социалистический город Калининград» (Костяшов Ю.В. О неосуществленных проектах возведения в Калининграде монумента Победы // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 139–141).

бюрократическим процессом принятия окончательного решения присвоения такого статуса, что зависело от нескольких институций, имевших разные представления о ценности того или иного историко-культурного объекта, включая организации, подчинённые Министерству культуры РСФСР, само министерство, местные горком, обком, облисполком, областное управление культуры, общественные организации, включая ВООПИиК. Наряду с оценкой уже существующих памятников, проходило насыщение мемориального ландшафта памятниками, характерными для всего советского пространства, а также отражающими тему славных воинских побед.

Культурная память в Калининградской области в 1956 — середине 1960-х гг. продолжала формироваться на фоне некоторой демократизации общественной жизни, что позволило при наличии сформированных на прошлом этапе принципов фиксации культурной памяти постепенно расширить корпус знаний о прошлом, включив в него новые эпизоды. Главными участниками этого процесса стали представители интеллигенции, активно использовавшие идеологические установки марксистско-ленинской теории для аргументации своих позиций перед партийными и государственными структурами относительно судеб историко-культурного наследия области. Исследовательской лабораторией регионального исторического нарратива стал краеведческий музей, что вывело его в лидеры посредников памяти наравне с первыми изданиями об истории области и периодической печатью. Проходившие в период оттепели процессы, выраженные в стремлении наладить диалог о прошлом, встретили в регионе сопротивление местных властей, придерживавшихся более консервативных установок прошлых лет, что вылилось в конфликт со сторонниками сохранения руин Кёнигсбергского замка, способствовавший обращению вновь к упрощённым и ограниченным формам интерпретации история края и концентрации пропаганды на увековечивании памяти о войне.

Глава 3. Мемориальный ландшафт Калининградской области в конце 1960-х — первой половине 1980-х годов: традиции и новые тенденции

Период советской истории со второй половины 1960-х до середины 1980-х гг., который в публицистике получил наименование «эпохи застоя», характеризуется консервативностью в общественной жизни, замедлением темпов экономического развития при повышении общего уровня благосостояния населения, а также инерционными процессами в культуре. Политика памяти в эти годы была направлена на продолжение почитания деятелей марксизма-ленинизма, массовое празднование идеологически обусловленных юбилеев исторических событий и их героев. В это время Великая Отечественная война становится такой же или даже более важной частью мемориального ландшафта страны, как и Октябрь 1917 г.

Для того чтобы выявить специфику коммеморативных практик в Калининградской области в «брежневский» период, следует, во-первых, обратить внимание на краеведческие исследования и соответствующие издания, в том числе путеводители для туристов. Во-вторых, важно выявить наиболее тиражируемые в эти годы образы и символы, в том числе в монументальной пропаганде. Наконец, главные элементы исторического нарратива можно проследить на примере анализа калининградской топонимики и активно развивавшегося музейного дела. Рассмотрение всех этих вопросов позволит реконструировать историческую политику в области в исследуемый период и обрисовать применявшиеся подходы к дальнейшему освоению довоенного наследия.

3.1. Пространство исторических интерпретаций в издательском деле, визуальном каноне, топонимике и музейной сфере

Ещё на ранних этапах существования советской власти книга и «печатное слово» рассматривались как «идеологическое орудие партии»,

имевшее большое влияние на массы и выступавшее, среди прочего, инструментом проведения политики памяти.

На региональном уровне печатным делом руководило (помимо общего контроля со стороны партийных властей) созданное в 1947 г. Калининградское областное управление по делам полиграфии и издательств⁵⁵³. Среди его функций было руководство работой городских и районных типографий, книжной торговли, книжного издательства, а также цензуры⁵⁵⁴.

Уже в первых документах этого ведомства в качестве важной проблемы отмечался недостаток краеведческой литературы как художественного, так и научно-популярного характера. Выход новой книги о Калининграде или области воспринимался как настоящее событие⁵⁵⁵. Сотрудница управления по печати А.И. Шрамм на заседании редакционно-издательского совета Калининградского книжного издательства в 1968 г. подчеркивала, что «постоянно возникает вопрос о том, чтобы побольше было в плане калининградцев и о Калининграде»⁵⁵⁶. Однако убедить писать ученых и журналистов на местные исторические темы было сложно, поскольку краеведение оставалось «деликатной» темой, причем контроль за этой сферой по сравнению с прошлым периодом стал сильнее⁵⁵⁷.

Поиск авторов для производства книжных новинок упростился благодаря созданию калининградского отделения Союза писателей РСФСР.

---

⁵⁵³ С февраля 1949 г. институция называлась «Управление по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли», с декабря 1963 г. — «Областное управление по печати», с сентября 1972 г. — «Областное управление издательств, полиграфии и книжной торговли». Для удобства далее оно будет называться сокращенно «управлением по печати» (Мельникова Л. Предисловие к описи №3 фонда № Р-300 Государственного архива Калининградской области. Л. 4).

⁵⁵⁴ Там же.

⁵⁵⁵ Липчанская Т.А. Работа с краеведческой литературой в детских библиотеках области // Материалы областной научно-практической конференции «Работа библиотек по пропаганде краеведческой литературы в помощь коммунистическому воспитанию трудящихся». Калининград, 1976. Л. 3. (Из архива Калининградской областной научной библиотеки).

⁵⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 131. Л. 2.

⁵⁵⁷ Например, рукописи краеведческой тематики в обязательном порядке «консультировались» в обкоме КПСС (ГАКО. Ф. П-1. Оп. 54. Д. 33. Л. 89).

Уже на его отчётно-выборном собрании стал обсуждаться вопрос издания литературы о Калининграде. На одном из писательских собраний в декабре 1964 г. литературный критик В.А. Чалмаев с сожалением отмечал, что в области до сих пор не издано ни одной книги, через которую читатель почувствует, что в его малой родине «нет никакой неестественности», что «здесь русским духом пахнет, здесь русская земля, как будто век здесь жили»⁵⁵⁸. Стремления убедить читателей в «нормальности» области, на первый взгляд, могут показаться излишними, однако, как утверждала заведующая отделом агитации и пропаганды Калининградского горкома КПСС Т. Цветкова, к началу 1960-х гг. об области за её пределами знали крайне мало, вплоть до того, что в Москве находились «высоко эрудированные люди», которые лично её спрашивали: «А немцы у вас в области есть?»⁵⁵⁹.

О сужении тематического спектра исторического нарратива во второй половине 1960-х гг. красноречиво свидетельствовала участь книги «Путеводитель по Калининграду», которую написали историки Э.М. и И.П. Колгановы⁵⁶⁰. В новом путеводителе было всего два маршрута: «По местам боев за Кёнигсберг» и «Самый западный». Первый маршрут детально описывал важные события штурма и его участников, включая командующих небольшими соединениями, которые не были ещё увековечены в топонимике или на мемориальных досках. Второй совмещал рассказы об исторических довоенных зданиях с текстами о действовавших предприятиях и зонах отдыха.

В целом довоенное наследие авторы характеризовали как «неотъемлемое достояние нового города»⁵⁶¹. Тематика «военного» маршрута не помешала Э.М. и И.П. Колгановым отметить такие объекты немецкой фортификации, как бастион Грольман, «старинные городские ворота “Кёнигтор”», а также Росгартенские ворота. О последних уточнялось, что

---

⁵⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 30. Л. 89.

⁵⁵⁹ Там же. Д. 2. Л. 93–96.

⁵⁶⁰ Колганова Э.М., Колганов И.П. Путеводитель по Калининграду...

⁵⁶¹ Там же. С. 35–36.

сохранившиеся на воротах горельефы изображают «прогрессивных военных деятелей и патриотов Пруссии», участников войн против Наполеона Г. Шарнхорста и А.Н. фон Гнейзенау⁵⁶².

В отличие от первого путеводителя 1961 г., в котором существенная часть повествования была уделена рыцарскому замку, во втором издании авторы сконцентрировались на сюжете, посвящённом Кёнигсбергскому кафедральному собору. Э. Маттес считает, что этот поворот был обусловлен включением историков в более актуальную дискуссию о судьбе собора, возникшую после решения о сносе замка (см. гл. 3 настоящей диссертации)⁵⁶³.

Содержательно путеводитель по Калининграду мало отличался от аналогичного издания с маршрутами по области 1961 г. Расширенные фрагменты повествования, которые авторы включили в книгу, в большинстве своём коррелировали с устоявшимся идеологическим нарративом: подчеркивалось исключительное уважение к Великой Отечественной войне, отдавалась дань трудовым достижениям тех, кто восстанавливал Калининград и осуждался прусский милитаризм. Однако стремление авторов шире представить довоенное прошлое привело к целой череде разбирательств.

Сначала состоялось заседание бюро партийной организации Калининградского государственного университета. На нём были заслушаны рецензии на новый путеводитель. Рецензенты были прежде всего не согласны с тем, что в издании много места занимает досоветская история края, на что Э.М. Колганова ответила, что «не замалчивание истории Кёнигсберга, а подача её с правильных марксистских позиций [была бы] более действенным средством борьбы с буржуазной и реваншистской пропагандой»⁵⁶⁴.

---

⁵⁶² Это оценка смутила критиков путеводителя. Однако Э.М. Колганова аргументированно защищала этот тезис ссылками на труды Ф. Энгельса и В.И. Ленина, а также приводя в пример совместное юбилейное издание Академии наук СССР и Академии наук ГДР «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», опубликованное в 1965 г. в Москве (Гордеев И.А. Из истории становления краеведения Калининградской области // Калининградской области – 60. Калининград, 2006. С. 205–206).

⁵⁶³ Маттес Э. Запрещённое воспоминание... С. 103–104.

⁵⁶⁴ Цит. по: Гордеев И.А. Из истории становления... С. 206.

Калининградский историк И.А. Гордеев, летописец высшего исторического образования в области, очень высоко оценил тактику защиты своей точки зрения, которой придерживалась Э.М. Колганова: продемонстрировала не только обширные знания в области теории марксизма-ленинизма, но и скрытую иронию и сарказм⁵⁶⁵. По итогам заседания, однако, бюро университетской партийной организации заняло сторону критиков.

В документах управления по печати зафиксировано, что к изъятию путеводителя из продажи привело обнаружение в нем ошибок «фактического и идеологического характера»⁵⁶⁶, а также то обстоятельство, что рукопись не показали в горкоме и горисполкоме, «хотя кто же знает Калининград лучше, нежели эти органы, несущие всю полноту ответственности за то, что в нем делается каждый день, каждый час?»⁵⁶⁷.

В мае 1968 г. директор книжного издательства А.М. Старцев говорил, что «в настоящее время книга перерабатывается»⁵⁶⁸, но в итоге её тираж был уничтожен. Рукописи путеводителя не сохранились⁵⁶⁹, а деятельность авторов по популяризации истории края существенно сократилась⁵⁷⁰.

Между тем спрос на краеведческую литературу оставался высоким. Об этом, например, сообщала киоскёр книготорга, работавшая на вокзале, тов. Фролова: «Приходит много туристов, спрашивают литературу о Калининграде. Мы два раза в неделю получаем литературу местного издательства, и вся она расходуется»⁵⁷¹. При этом те же сотрудники книготорга в 1969 г., по словам главного редактора книжного издательства В.М. Зуева,

---

⁵⁶⁵ Там же. С. 205.

⁵⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 182. Л. 12.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 14.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 12.

⁵⁶⁹ Однако один из напечатанных экземпляров сохранился в Российской государственной библиотеке в виде микрофильма, откуда попал в библиотеку Конгресса в Вашингтоне. Оттуда она была привезена исследователем П. Бродерзеном в Берлин, после чего другим учёным Э. Маттесом подарена Калининградской областной научной библиотеке. Копия книги есть в Государственном архиве Калининградской области.

⁵⁷⁰ Маттес Э. Запрещённое воспоминание... С. 105–107.

⁵⁷¹ ГАКО. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 195. Л. 7

требовали больше книг, похожих на повесть «Вилла “Эдит”» (см. гл. 1 настоящей диссертации). Хотя это было «весьма посредственное произведение», книготорговцы руководствовались не его качеством, а практическими соображениями: «Вилла “Эдит” — бестселлер, она в своё время разошлась с молниеносной быстротой, это такой товар, который не залежится и быстро принесет прибыль»⁵⁷².

Упомянутое произведение М. Баринова, действительно, представляло собой исключительный случай популярного романа на калининградскую тематику. В связи с тем, что история области редко освещалась писателями в художественной литературе⁵⁷³, в середине 1960-х гг. издательство приняло решение не ждать творческого вдохновения авторов, а заказать роман напрямую у них. Выбор пал на одного из основателей калининградского отделения Союза писателей РСФСР С.А. Снегова, и уже в 1966 г. в отчёте о работе писательской организации было зафиксировано, что литератор приступил к созданию «“Калининградской повести” — широком полотне о жизни нашего города в пятидесятых-шестидесятых годах»⁵⁷⁴.

По сюжету в начале 1950-х гг. к политработнику порта Алексею Муханову в вымышленный город Светломорск вместе с отцом приезжают два брата: студент-философ МГУ Валерий и Михаил, который хочет попробовать свои силы в морском ремесле. Персонажи братьев у С. Снегова отражали основные темы калининградской повседневности: осмысление немецкого прошлого города, его возрождение из руин и развитие рыболовного промысла. Так, Валерий в романе любит развалины, выступает за восстановление замка, читает стихи Н. Гумилёва, воевавшего в Первую мировую войну на территории Восточной Пруссии, размышляет о Грюнвальдской битве и пишет диплом по философии И. Канта. В некотором смысле антагонистами Валерия

---

⁵⁷² Там же. Л. 21.

⁵⁷³ Большинство опубликованных произведений было посвящено становлению сельского хозяйства, рыбной промышленности, событиям Восточно-Прусской операции 1945 г. и послевоенному восстановлению городов (Полатовский С.А. Указ. соч. С. 153).

⁵⁷⁴ ГАКО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 44. Л. 96.

выступают брат Алексей, участник штурма Кёнигсберга, который весьма скептически относится к немецкому наследию и, в частности, объясняет, что «замок отвратителен» и голосовать за его восстановление никто не будет⁵⁷⁵, а также ещё один персонаж — секретарь райкома Колокольцев, мечтающий о том, чтобы Светломорск стал образцовым советским городом.

Для убедительного воспроизведения прошлого С.А. Снегов использовал свои воспоминания о городе 1950-х гг., архивные документы и материалы бесед с ветеранами⁵⁷⁶. Тем не менее парадоксальным образом именно абсолютно реальные детали повседневности стали одним из пунктов критики рукописи: в феврале 1968 г. члены редакционно-издательского совета осудили писателя за обилие изображённых им руин в послевоенном городе. В.М. Зуев, в частности, сказал: «Нельзя так обращаться с историческими фактами. Было уже немало построено в 1954–1955 годах. Об этом говорит статистика»⁵⁷⁷. Членам совета также не понравились мрачные тона в описании послевоенной действительности, частое присутствие в повествовании маргинальных элементов и некоторые «лирические отступления» от сюжета⁵⁷⁸. Критики отмечали, что, хотя автор, описывая «восточнопруссские аксессуары», правильно ставил акценты, при прочтении у них складывалось впечатление, что «город чужой и лицо Калининграда определяется элементами немецкой культуры»⁵⁷⁹.

Через полтора года, в 1969 г., переработанный вариант рукописи опять оказался в центре внимания на собрании местной писательской организации. К этому моменту автор четыре раза переписал роман, но в нём всё равно были обнаружены хронологические и логические ошибки, потребовавшие новой

---

⁵⁷⁵ ГАКО. Ф. Р-1091. Оп. 1. Д. 5. Л. 8–9.

⁵⁷⁶ Там же. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 62. Л. 50–51.

⁵⁷⁷ Там же. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 131. Л. 10.

⁵⁷⁸ В частности, было предложено удалить сцену, когда Валерий с немецким евреем Меерсоном, стоя у памятника Шиллера, рассуждают о кантовской философии, а также фантазии героя о событиях Грюнвальдской битвы и т.п.

⁵⁷⁹ ГАКО. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 131. Л. 11.

доработки. С каждой редактурой произведение С.А. Снегова уходило всё дальше от первоначального замысла⁵⁸⁰. Бесповоротно роман изменился после рецензии писателя А. Богданова, который был возмущён «темой Кёнигсберга» и рекомендовал её вычеркнуть⁵⁸¹. Это пожелание было реализовано благодаря исчезновению линии Валерия и других персонажей, так или иначе связанных с немецким прошлым. В романе остался в основном рассказ о Михаиле, пробующем свои силы на рыболовецком поприще. Получив вновь отредактированный материал, критик с удовлетворением заметил, что больше не ощущает «самого духа бывшего Кёнигсберга — города, враждебного человеку»⁵⁸². В 1977 г. роман был опубликован под названием «Ветер с океана»⁵⁸³.

Неизменно высоким спросом у калининградцев, по словам работников управления по печати, пользовалась литература о Великой Отечественной войне, но она, как и книги на другую тематику, часто выпускалась с задержкой по сравнению с годовыми планами. Судя по наиболее полному указателю литературы о Восточно-Прусской операции⁵⁸⁴, за 19 лет (с 1966 по 1984 гг.) книжное издательство выпустило всего 20 книг и брошюр. При этом память о войне в местном сообществе продолжала поддерживаться, в том числе за счёт десятков статей в областных газетах, а печатный орган обкома и облисполкома в 1968 г. выпустил отдельную брошюру, составленную из подборки лучших газетных статей на военную тему⁵⁸⁵.

---

⁵⁸⁰ Подробнее см.: Фостова С.А. Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950–1970-е годы) // Вестник БФУ им. И. Канта. 2021. № 3: Гум. и общ. науки. С. 49–58.

⁵⁸¹ Богданов А. Рецензия на рукопись романа С. Снегова «Ветер с океана» // Из личного архива Е.С. и Т.С. Ленских. Л. 16.

⁵⁸² Богданов А. Рецензия на переработанный вариант рукописи С. Снегова «Ветер с океана» // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. Л. 1.

⁵⁸³ Снегов С.А. Ветер с океана. Калининград, 1977.

⁵⁸⁴ Восточно-Прусская операция: научно-вспомогательный указатель литературы: В 3 ч. / под. ред. Г.В. Кретиной, Н.А. Рузовой; сост. Т.И. Горбунова. Калининград, 2002. Ч. 1.

⁵⁸⁵ Военно-патриотическая тема в газете «Калининградская правда». [Калининград]: [б. и.], [1968]. 53 с.

Калининградская полиграфическая продукция не могла соперничать по количеству и качеству со столичными изданиями. Документы управления по печати свидетельствуют, что из-за недостатка места⁵⁸⁶ на прилавках книги местного издательства задвигали на задний план или хранили под прилавком⁵⁸⁷.

Впрочем, даже в столичных издательствах мог быть обнаружен идеологический брак. В 1969 г. в московском издательстве «Мысль» вышла книга с авторскими очерками о поездках по балтийскому побережью от Гданьска до Клайпеды писателя Г.В. Метельского. В повествовании автор уделил много места истории Калининграда, нередко упоминая малоизвестные широкой публике факты⁵⁸⁸, а также без прикрас описал повседневность города, наполненного руинами, и выразил сожаление о некоторых разрушенных памятниках архитектуры. По воспоминаниям писателя Б.И. Вронского, на вышедшее издание «ополчился недруг автора», работавший в газете «Советская Россия», который в «лживой» рецензии на книгу написал, что Г.В. Метельский «чуть ли не пытается доказать, что при фашистах в этом районе жилось лучше, чем при Советской власти». Рецензия дошла до руководителей издательства, которые стали предъявлять претензии редактору книги Т.М. Галицкой и грозить ей увольнением⁵⁸⁹. Тем не менее книга не была изъята из обращения.

Постепенно история края стала изучаться в школах и Калининградском государственном университете, и вместе с тем стали публиковаться сборники документов и учебные пособия по истории края, которые, впрочем, были

---

⁵⁸⁶ А также, вероятно, из-за низкого спроса на большую часть ассортимента, выпускаемого издательством.

⁵⁸⁷ ГАКО. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 195. Л. 6, 23.

⁵⁸⁸ Например, о том, что композитор А.Г. Рубинштейн трижды выступал с концертами в Кёнигсбергской бирже, или о том, что в замке некогда хранилась Радзивилловская летопись — один из списков «Повести временных лет» и др. (Метельский Г. Янтарный берег. М., 1969. С. 74–75).

⁵⁸⁹ Запись дневника геолога и писателя Б. И. Вронского от 4 февраля 1970 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/386> (дата обращения: 22.01.2023).

достаточно идеологизированы⁵⁹⁰. С.П. Гальцова упоминает, что к выходу какое-то время готовилось издание «История Калининградской области», но Главлит запретил публикацию, «чтобы не провоцировать излишнее внимание»⁵⁹¹.

В 1966 г. Калининград был включён во Всесоюзный туристический маршрут, что уверило председателя областного Совета по туризму и экскурсиям В.А. Белогова в том, что пора подумать о создании калининградских сувениров⁵⁹². К ним относились и открытки, репрезентировавшие область для приезжих из других регионов страны. О том, насколько цензоры были чувствительны к образу городов области, позволяет судить отчёт обллита за 1968 г., в котором указывалось, что 3 января в местной газете предполагалось напечатать изображение с подписью «Зима в Калининграде». На фотографии присутствовали заснеженные деревья и кирха, но «для города Калининграда не может быть характерным изображение немецкой кирхи». В связи с распоряжением секретаря горкома КПСС М.П. Нетребы клише фото было снято⁵⁹³.

Между тем потребность в почтовых карточках была ощутима. В 1970 г. в региональной прессе писали, что в городе можно купить только два вида открыток (с изображением областного театра и площади Победы), хотя в городе «имеется много прекрасных мест и зданий, которые при желании можно было бы отобразить на почтовых открытках»⁵⁹⁴.

Помимо штучных открыток, виды Калининграда⁵⁹⁵ продавались наборами. В целом за период с 1966 по 1984 г. удалось обнаружить 70

---

⁵⁹⁰ Самая западная: сборник документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области, 1946–1952 гг. Калининград, 1980. Вып. 1; История края...

⁵⁹¹ Galcova S. Die Geschichte des Kaliningrader Gebietes in der sowjetischen Forschung // Nordost-Archiv. 1994. N III. S. 499.

⁵⁹² Ждут туристов дороги // Калининградская правда. 1966. 14 янв. С. 4.

⁵⁹³ ГАКО. Ф. Р-232. Оп. 6. Д. 38. Л. 26–27.

⁵⁹⁴ Цит. по: Бродерзен П. «Много прекрасных...». С. 112.

⁵⁹⁵ Кроме областного центра, часто фотографировались курорты Светлогорск и Зеленоградск (книжка-гармошка «Светлогорск» 1969 г., наборы открыток «Светлогорск» 1971 г. и «Светлогорск. Зеленоградск» 1972 и 1975 гг.). Также выходила серия открыток,

открыток, большая часть которых была выпущена в Москве наборами в 1968, 1972, 1975, 1984 гг. и тиражом до 300 тыс. экземпляров, а также одиночные открытки, производством которых занималось Министерство связи СССР.

Чаще всего на открытки попадали объекты советской архитектуры — довоенные здания фигурировали только в трети случаев. Никаких пояснений о происхождении строений не приводилось, а название открытки определялось учреждением, которое располагалось в здании. В некоторых случаях довоенные постройки подписывались формулировкой «административное здание»⁵⁹⁶. Визуально к образу зданий добавлялись элементы, способствовавшие слиянию здания с советской застройкой. К примеру, бывшая биржа были окрашена в нехарактерный для неё голубой цвет и увенчана привлекающей внимание неоновой надписью «Дом культуры моряков», а атрибутом фотографии кирхи памяти королевы Луизы стала группа школьников с красными выпускными лентами. И хотя снаружи сооружения сохранили очертания довоенной архитектуры, в их облике превалировало актуальное назначение.

Иногородним гражданам качество выпускаемой визуальной продукции в сравнении с туристической продукцией в прибалтийских странах бросалось в глаза. Например, автор путевых очерков Г. Метельский упоминал о наборах «цветных аляповатых открыток» и «серых и невыразительных» буклетах «Калининградское взморье» и «Янтарный берег». «Тусклые» бумага и краски его огорчили настолько, что он не преминул напомнить читателям, что на счету Калининградской области «больше семидесяти процентов производимой в СССР бумаги для глубокой печати, на которой выходят такие отличные по полиграфическому исполнению журналы, как “Советский Союз”

посвящённая Балтийску (1973 г.), и отдельные открытки, в том числе с видами города Светлого (1970 г.).

⁵⁹⁶ В 1970 г. фотографию здания обкома партии и облисполкома цензоры не допустили к публикации в альбоме «Калининград», вышедшем в следующем году, как его сочли «типичным немецким зданием в готическом стиле» (Дементьев И.О. Цензура как институт... С. 103).

и «Огонёк»»⁵⁹⁷. Это было справедливое замечание — первая попытка выпуска местным издательством массовой цветной книги была предпринята только в 1970 г.⁵⁹⁸

Ко второй половине 1960-х гг. в калининградской печатной продукции оформился нарратив о городе и его истории, который включал несколько компонентов: успехи рыбной промышленности; почитание памяти о воинских подвигах русского солдата на территории края; богатые возможности для культурного времяпрепровождения; полезный и хорошо организованный отдых на калининградском побережье; наличие развитой социальной, культурной и транспортной инфраструктуры в области.

Расширенную визуальную версию этого нарратива представлял альбом, выпущенный местным издательством в 1966 г. В преамбуле утверждалось, что Калининград — это «город с обветренным лицом моряка, крепкими руками труженика, стойким характером воина»⁵⁹⁹. Открывался альбом фотографиями памятников В.И. Ленину и М.И. Калининну, которые вписывали город в контекст традиционного советского пространства. Одним из лейтмотивов визуального повествования стала тема новизны и молодости, раскрываемая фотографиями новых жилых домов, учебных учреждений, начинающих свой жизненный путь детей, весенних деревьев с распутившейся зеленью листьев и первых тюльпанов. Подчёркивалось богатое озеленение города, поддерживая образ Калининграда как города-сада: «по улицам города пройтись так же приятно, как по аллеям парка».

Более четверти от общего числа опубликованных фотографий было посвящено достижениям промышленности и рыбодобывающей отрасли. Кроме того, были широко представлены темы культуры, отдыха и спорта. Немало внимания уделялось визиту в Калининград А.А. Леонова, который, как говорилось в альбоме, был человеком, «первым “потрогавшим” космос».

---

⁵⁹⁷ Метельский Г. Указ. соч. С. 50.

⁵⁹⁸ ГАКО. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 280. Л. 47.

⁵⁹⁹ Калининград: [альбом]. Калининград, 1966. С. [3].

Серия фотографий знаменитого земляка завершалась изображением улицы, названной в честь космонавта. Сообщалось, что Калининград — город университетский и студенческий. Завершался альбом фотографиями мемориала героям штурма Кёнигсберга. Финальные изображения драматургически также были связаны с войной: на одном из них были запечатлены супруги с новорождённым и подписью «Полку калининградцев — прибыло!», а на другом мужчина в военной форме и девочка, которую он держал на руках, вместе смотрели вдаль⁶⁰⁰.

Тематика визуальной печатной продукции о городе и области в разных вариациях оставалась неизменной и в последующие годы. Похожую повествовательную конструкцию с более частыми обращениями к военным истокам образования области можно было встретить, например, в киножурнале «Наш край»⁶⁰¹. Его съёмки были инициированы непосредственно секретарём обкома КПСС Н.С. Коноваловым к 25-летию области⁶⁰². Схожие элементы воспроизводились в малоформатных книжках-гармошках⁶⁰³. П. Бродерзен, анализируя одну из них, отметил, что фотографии были подобраны так, чтобы презентовать область как советскую: «критерии отбора были универсальны и не зависели от представляемого места»⁶⁰⁴.

Примечательно, что, несмотря на статус памятника, всего дважды в печать попали руины Кафедрального собора: его образ появлялся на одном из разворотов альбома 1981 г.⁶⁰⁵ и на открытке 1984 г., озаглавленной «Эстакадный мост через реку Преголю». Другим объектом, который избегали фотографировать, несмотря на его размеры и символическое значение, стал

---

⁶⁰⁰ Соответственно подписи к фотографиям № 80, 41, 25, 133.

⁶⁰¹ Калининградской области — 25 лет. Киножурнал «Наш край». 1971. № 37. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hkohEXWOfK8&ab_channel=MemelKlaipeda (дата обращения: 26.01.2024).

⁶⁰² ГАКО. Ф. П-1. Оп. 56. Д. 25. Л. 23.

⁶⁰³ Белов А. Калининград (Фото-художественная студия «Объектив» Калининградской организации Союза журналистов СССР). Калининград, 1968. 1 л.; Калининград [фотобуклет студии «Объектив»] / ред. А.Г. Либрехт. Калининград, 1975.

⁶⁰⁴ Бродерзен П. «Много прекрасных...». С. 111.

⁶⁰⁵ У моря янтарного... С. 44–45.

Дом Советов. За весь советский период он попал на открытку лишь однажды и только на задний план как фоновый объект перспективы домов Ленинского проспекта⁶⁰⁶. Ему крайне редко находилось место в туристической продукции и региональном изобразительном искусстве⁶⁰⁷. Вероятно, калининградский долгострой противоречил образу «стремительно развивающего» Калининграда.

Важной частью городского ландшафта, транслирующего идеологические исторические смыслы, оставалась топонимика. Доминирующей тенденцией в этой сфере стало переименование улиц в честь участников Восточно-Прусской операции 1945 г. Судя по архивным делам горисполкома, за период с 1966 по 1984 г. из 27 новых названий улиц 17 были связаны с военной тематикой. Переименование происходило время от времени⁶⁰⁸ или было приурочено к памятным датам — 25-летию, 30-летию и 35-летию штурма Кёнигсберга⁶⁰⁹, причём к 25-летнему юбилею было санкционировано нетрадиционное для калининградской топонимики возвращение названия из прошлого. Так, в Калининграде с 1946 г. существовала ул. 10 Апреля⁶¹⁰, названная в память об учреждении медали «За взятие Кёнигсберга», однако в 1961 г. она была переименована в

---

⁶⁰⁶ Открытка «Ленинский проспект» фотографа Н. Мельниченко из московского набора издательства «Планета» 1984 г.

⁶⁰⁷ Речь идёт об альбоме «У моря янтарного» (1981), путеводителях «Калининград» (1981), «Знакомьтесь, Калининград!» (1985), «Калининград» (1989), а также в работах графика А.А. Шевченко «Сегодня и завтра» (1969), «Эстакадный мост» (1981), «На верхнем озере» (1990).

⁶⁰⁸ Например, в 1966 г. ул. Монетная стала ул. Соммера в память о генерал-майоре танковых войск (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 558. Л. 280–281); в 1967 г. ул. Газетная была переименована в честь Героя Советского Союза В. Г. Козенкова (Там же. Д. 592. Л. 285); в 1976 г. новообразованной улице присвоили имя старшего лейтенанта А. П. Сибирякова (Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 125–130); в 1982 г. ул. Прибрежная превратилась в набережную им. И. Х. Баграмяна (Там же. Д. 595. Л. 214–217).

⁶⁰⁹ В 1970 г. в городе появились ул. Тихоненко, ул. Молочинского; в 1975 г. — ул. генерала К.Н. Галицкого, генерала-лейтенанта Ф.Д. Захарова, подполковника А.Н. Иванникова, младшего лейтенанта А.М. Родителява, младшего лейтенанта Ф. Н. Ротко (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 751. Л. 88; Д. 1025. Л. 53); в 1980 г. — ул. Маршала авиации И.И. Борзова (Там же. Оп. 2. Д. 385. Л. 261–262).

⁶¹⁰ Причём в списке 1945 г. она была названа «9 апреля» т.е. в честь иного события — завершения штурма Кёнигсберга (Губин А.Б. Топонимия Калининграда... С. 169).

ул. Гагарина⁶¹¹. Накануне годовщины 20 марта 1970 г. горисполком учёл ходатайство Военно-научного общества и городского Дома офицеров и решил назвать строящуюся городскую магистраль, проходящую параллельно ул. Клинической «ул. 10 апреля»⁶¹². Однако впоследствии эта улица всё равно стала называться в честь завершения штурма Кёнигсберга «ул. 9 апреля»⁶¹³.

В соответствии с постановлением Совета министров СССР 1968 г. топонимам присваивались имена только «особо выдающихся» деятелей государства, культуры, науки, а также защитников Родины и Героев Социалистического Труда⁶¹⁴, поэтому зачастую решения о реноминации сопровождались ходатайствами от нескольких организаций и подписывались уважаемыми гражданами.

Именами героев Восточно-Прусской операции назывались улицы и в других городах области⁶¹⁵, а память о них актуализировалась через так называемые «праздники улиц»⁶¹⁶.

Вместе с тем, несмотря на присутствие в калининградском топонимическом пространстве множества «именных» улиц, в 1978 г. горисполком отмечал отсутствие названий, связанных с «крупнейшими

---

⁶¹¹ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 347. Л. 45.

⁶¹² Там же. Д. 751. Л. 88, 91.

⁶¹³ Документа о внесении дополнительных исправлений в решение горисполком автором не обнаружено.

⁶¹⁴ Постановление Совета министров РСФСР от 14 февраля 1968 г. «Об утверждении Положения о порядке наименования и переименования государственных объектов республиканского (РСФСР) и местного подчинения, а также колхозов и других кооперативных организаций». URL: <https://docs.cntd.ru/document/885216865> (дата обращения: 28.01.2024).

⁶¹⁵ Например, в 1971 г. в Гусеве ул. Строительная переименована в ул. Реимбая Утегенова, погибшего в боях за город. В 1975, 1977 и 1980 гг. в Пионерском появились улицы с именами А.И. Ремзаева и В.А. Меркулова, П.Ф. Стрелецкого, воевавших в составе соединений Балтийского флота. В 1982 г. улица Садовая в поселке Совхозное Октябрьского района Калининграда стала называться именем участника штурма Кёнигсберга рядового Павленко и др. (Летопись Калининградской области. Калининград, 2005. Т. 1. С. 416, 473; Т. 2. С. 13, 62, 106).

⁶¹⁶ К примеру, сценарий праздника на ул. Г. А. Емельянова в 1980 г. включал митинг, возложение цветов и торжественное шествие представителей партийных и советских органов, однополчан героя, учащихся школ, жителей улицы и воинов Калининградского гарнизона (На улице героя // Калининградский комсомолец. 1980. 8 нояб. С. 4).

деятелями Советского государства⁶¹⁷, героями Гражданской войны, военачальниками Великой Отечественной войны, деятелями международного рабочего движения и героями, погибшими в борьбе с силами мировой реакции»⁶¹⁸.

Названия, не связанные с войной, но отражавшие локальную специфику, играли в калининградской топонимике незначительную роль⁶¹⁹. Тем не менее в ней нашлось место некоторым природным особенностям края, а также запечатлелись дружеские связи с Польской Народной Республикой. Так, в 1976 г. в Калининграде появились улица и переулок Ольштынские⁶²⁰. По начальному проекту улица должна была называться в честь «выдающегося польского поэта-реалиста XIX века, сторонника национально-освободительного движения Польши» А. Мицкевича⁶²¹. Похожий случай произошёл с другим «польским» топонимом: образованную при слиянии двух улиц дорогу планировалось назвать в честь участника штурма Кёнигсберга В.И. Круглова, но по инициативе председателя Калининградского горисполкома В.В. Денисова она была переименована в Эльблонгскую⁶²².

---

⁶¹⁷ В документе перечислялись: «Луначарский, Постышев, Красин, Литвинов, Ворошилов, Буденный; Блюхер, Якир, Тухачевский; Жуков, Конев, Малиновский, Василевский; М. Торез, Сальвадор Альенде, Пальмиро Тольятти, Че Гевара, Юлиус Фучик, Вальтер Ульбрихт, Патрис Лумумба, Амилкар Кабрал» (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 196. Л. 51).

⁶¹⁸ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 196. Л. 51.

⁶¹⁹ К примеру, к ним можно отнести переименование улицы Большой Торговой в улицу профессора Ф.И. Баранова — основателя науки о промышленном рыболовстве. С инициативой выступил коллектив Калининградского технического института рыбной промышленности, один из корпусов которого располагался непосредственно на этой улице (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 553. Л. 295–297).

⁶²⁰ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 19. Л. 41. Кроме того, в 1979 г. на ул. Ольштынской был открыт одноимённый ресторан, в оформлении которого принимали участие польские художники. В 1980 г. между ул. Ольштынской и проспектом Калинина был возведён памятный знак в честь польско-советской дружбы («Ольштын» в Калининграде // Калининградская правда. 1979. 14 июля. С. 1; 247. Колганова Э. М., Строкин В. Н. Страницы памяти: О памятниках и памятных местах Калининградской области. Калининград, 1985. С. 156).

⁶²¹ ГАКО. Р-216. Оп. 2. Д. 19. Л. 50–52.

⁶²² Там же. Л. 43.

1960–1980-е гг. стали временем прироста музейной сети. Музеи создавались при ведомственных и учебных учреждениях⁶²³ и на общественных началах; лучшим из них присваивался статус «народного музея», они могли быть основаны в школах, на предприятиях, в малых городах и сёлах⁶²⁴. В Калининградской области в рассматриваемый период были созданы десятки общественных музеев. К примеру, только в школах в 1982 г. насчитывалось 120 музеев, комнат и залов с экспозициями музейного характера⁶²⁵. Однако лишь каждое десятое школьное мемориальное пространство было связано с краеведением. В центре их внимания обычно были история конкретного образовательного учреждения, предприятия, населенного пункта, области; природа или космос⁶²⁶.

С подачи местного жителя в начале 1980-х гг. в Правдинске на страницах локальной газеты стал обсуждаться вопрос о возможности создания первого в области районного музея⁶²⁷. Его открытие состоялось в 1985 г., а экспозиция рассказывала о событиях Великой Отечественной войны на территории района, послевоенных годах и участии трудящихся района в борьбе за мир. Известно, что инициатор создания музея — старожил, ветеран войны и труда Я.К. Глушков — высказывался за раскрытие в музейной экспозиции темы сражения при Фридланде 1807 г., в фонды были переданы материалы об известных участниках события, а в одной из вышедших в прессе

---

⁶²³ Например, в 1974 г. в период празднования 250-летия со дня рождения И. Канта при Калининградском государственном университете был открыт музей-кабинет философа (Соколов И. Соединить историю и современность // Калининградский университет. 1984. 26 марта. С. 3; Он же. Кабинету-музею Канта — 10 лет // Блокнот агитатора. 1984. №8. С. 31.).

⁶²⁴ Основы музееведения. М., 2005. С. 192.

⁶²⁵ Школьные музеи Калининградской области / сост. И. И. Шустер. Калининград, 1982.

⁶²⁶ В калининградских школах № 21 и 23, где учились А. Леонов и Ю. Романенко, а также в нестеровской школе, где учился В. Пацаев, были созданы музеи, посвящённые космонавтам и космосу (Создан музей // Маяк. 1984. 13 апр. С. 9).

⁶²⁷ Краеведческий музей с историей советского периода силами работников районного Дома культуры планировалось также создать в Багратионовском районе в 1970-е гг., однако постоянная экспозиция была открыта лишь в 1993 г. (см., например: Семенцова Р. Для организации краеведческого музея // Новая жизнь. 1973. 3 фев. С. 2; Федоткина В. Наш край — наша гордость // Там же. 23 окт. С. 4).

статей необходимость открытия музея объяснялось предстоящим в 1982 г. 670-летием города⁶²⁸.

Хотя общественные музеи создавались местными усилиями, методическую консультацию им неизменно оказывали специалисты Калининградского краеведческого музея, который продолжал оставаться главным музеем области. В 1960–1970-е гг. он, в соответствии с общим для всего СССР вектором развития⁶²⁹, увеличил экспозиционные площади за счёт использования исторических памятников в качестве объектов показа. Именно благодаря музеефикации в короткий промежуток времени под эгидой областного музея было образовано сразу четыре филиала.

Один из них был открыт в 1968 г. в блиндаже, где советскими парламентами была принята капитуляция коменданта Кёнигсберга. За первые годы существования филиал пережил четыре реэкспозиции, в рамках которых материалы были систематизированы в хронологической последовательности, чтобы у посетителей была возможность «проследить штурм города по дням и по часам». В нескольких помещениях филиала была воссоздана обстановка тех дней⁶³⁰. Следом, в 1969 г., в доме, где во время войны размещался вспомогательный командный пункт управления 3-го Белорусского фронта, был организован музей, реконструировавший обстановку весны 1945 г. — времени, когда разрабатывался план наступления

---

⁶²⁸ Глушков Я. Правдинску нужен музей // Верный путь. 1980. 29 июля. С. 2; Наседкина Е. Помогут ветераны // Там же. 16 авг. С. 3; Владимиров А. Создаётся в Правдинске музей // Калининградская правда. 1981. 22 янв. С. 4; Васильева Т. Будет в Правдинске музей // Верный путь. 1981. 12 фев. С. 4; Чадин А. Прикоснуться к истории города // Там же. 21 марта; Орлова Л. Экспонаты для музея // Там же. 8 сент. С. 4; Александрович В. Музей истории района // Калининградский комсомолец. 1985. 28 апр. С. 1.

⁶²⁹ Основы музееведения... С. 196.

⁶³⁰ Подопригорова А. О подвигах, о доблести, о славе // Калининградская правда. 1971. 27 янв. С. 4; Зайчикова Л. Дом, где оживает история // Калининградская правда. 1976. 17 авг. С. 3; Маковейчук О.Д. Блиндаж. Калининград, 1982. 1 л.; Быкова Н.И., Воробьева Ю.С. История... С. 53–65.

на Кёнигсберг⁶³¹. В 1970-е гг. были открыты ещё два филиала (см. гл. 3 п. 3 настоящей диссертации).

Перемены ожидали и основную экспозицию музея. В начале 1970-х гг. состоялся переезд музея в новое более просторное здание бывшей народной школы им. Оттокара, названной в честь легендарного основателя Кёнигсберга⁶³². В 1973 г. в музее существовало 4 отдела: природы, досоветской и советской истории, а также абсолютно новый художественный отдел, в котором экспонировались работы калининградских художников, скульпторов и прикладников⁶³³.

Раздел истории досоветского периода области освещал нескольких тем: первобытно-общинный строй пруссов, борьбу с крестоносцами, покорение их Тевтонским орденом, Грюнвальдскую битву 1410 г.⁶³⁴, Великое посольство в Кёнигсберге в 1697 г., Семилетнюю войну, Наполеоновские войны, первую и вторую Восточно-Прусские операции⁶³⁵. В 1973 г. впервые был представлен материал о маршрутах доставки из-за границы в Россию ленинской «Искры»⁶³⁶. Несмотря на ограниченность исторических сюжетов в экспозиции, фонды музея пополнялись экспонатами и других периодов⁶³⁷.

---

⁶³¹ Фомичёва Ж. На вечном посту // Калининградский комсомолец. 1969. 4 нояб. С. 2; Фомичёва Ж. Островок штурмовых дней // Калининградская правда. 1972. 9 апр. С. 3.

⁶³² Николаева Е. В краеведческом музее // Маяк. 1972. 2 нояб. С. 2.

⁶³³ В октябре 1977 г. Калининградский краеведческий музей был переименован в областной историко-художественный музей в связи с тем, что в его структуре был образован художественный филиал «Янтарь» (Цыганкова А.Е. Музей готовится к открытию // Калининградская правда. 1973. 11 фев. С. 4).

⁶³⁴ В 1967 г. заместитель директора музея А. Цыганкова рассказывала, что в зале истории «всегда так много народу», поскольку в экспозиции почётное место занимает тема Грюнвальда — символа «нерушимой дружбы советского и польского народов, дружбы, выдержавшей испытание веками» (Цыганкова А. Символы дружбы // Калининградская правда. 1967. 1 мая. С. 4).

⁶³⁵ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 40.

⁶³⁶ Цыганкова А.Е. Музей готовится к открытию // Калининградская правда. 1973. 11 фев. С. 4.

⁶³⁷ Например, бархатное Красное знамя, подаренное в 1934 г. советскими железнодорожниками восточнопрусским коллегам (Знамя пролетарской солидарности // Маяк. 1967. 23 мая. С. 3).

В экспозиции о Великой Отечественной войне были впервые представлены материалы о боевых действиях моряков-балтийцев, эскадрильи бомбардировщиков и разведывательной группы «Джек»⁶³⁸. В залах советского периода экспонировались артефакты первых лет заселения области, а также экспонаты, связанные с земляками-космонавтами и тружениками-орденоносцами⁶³⁹.

В 1976–1977 гг. была проведена полная реэкспозиция раздела советской истории и частичная — раздела о Восточно-Прусской операции 1945 гг. Однако, судя сделанным для внутреннего пользования рецензиям, эти перемены не решили некоторых проблем, из-за которых экспозиция «грешила» преимущественно отраслевым подходом к показу экономических свершений, была «перенасыщена» документами и статистикой, дублировала одни и те же сюжеты и страдала «мелкотемьем»⁶⁴⁰.

Все эти недостатки предполагалось ликвидировать при разработке новой экспозиции, которую следовало разместить в специально восстановленном для этих целей здании на ул. Клинической⁶⁴¹. К разработке принципов будущей экспозиции подключилась общественность. В частности, Калининградская писательская организация во главе с Ю.Н. Ивановым настаивала, что в экспозиции следует наиболее отразить полно всю историю области, включая упоминания о прусском городище Твангсте, главной ставке фюрера в «Вольфшанце», литовском поэте Л. Резе, выжившем бегемоте Гансе из Кёнигсбергского зоопарка, первом секретаре обкома КПСС В.Е. Чернышове и истории творческих организаций Калининграда⁶⁴².

---

⁶³⁸ Николаева Е. Наш солнечный мир // Маяк. 1973. 19 июля. С. 4).

⁶³⁹ Прежде всего с космонавтами А. Леоновым и В. Пацаевым, а также В. Дюковым – рабочим, участвовавшим в налаживании производства вагонов типа «думпкар» и М. Поповой, крановщицей Калининградского морского торгового порта и депутатом Верховного Совета РСФСР (Большой энциклопедический словарь... С. 115, 304).

⁶⁴⁰ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 29.

⁶⁴¹ В 1981 г. горисполкомом был утверждён план по реконструкции бывшего «Городского зала» (Штадтхалле).

⁶⁴² АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 121–123.

По мысли музейных специалистов, формулировавших научную и архитектурно-художественную конструкцию будущей экспозиции, её основой должны были стать «раскрытие механизма зарождения и развития концепций, представляющих угрозу миру и безопасности народов», под которыми имелась в виду идея «Натиска на Восток» («Drang nach Osten») ⁶⁴³. Другим лейтмотивом стало обращение к культурному наследию: тема памятников рассматривалась как универсальная призма, благодаря которой актуализировалось развитие науки, образования, культуры и идейно-нравственное и эстетическое воспитание трудящихся. На практике такой подход нашёл применение, например, в планировании раздела, освещавшего период феодализма. Так, фотография Кафедрального собора, мраморные скульптуры святых, резное деревянное распятие и другие экспонаты должны были одновременно рассказывать и о готической архитектуре, и о роли католической церкви в «создании феодального агрессивного государства» ⁶⁴⁴.

Новая экспозиция, несомненно, должна была способствовать расширению исторического кругозора посетителей и знакомству с малоизвестными ранее именами. В экспозиционном плане была подробно разработана тема немецкого Просвещения, не ограниченная рассказом об И. Канте, И.Г. Гердере, Ф. Бесселе, но расширенная упоминанием о мыслителе Т.-Л. Лау, астрономах Ф.В.А. Аргеландере и Я. Барановском. Впервые музейные специалисты представили подтему русских поэтов и писателей — будущих декабристов, участвовавших в Наполеоновских войнах ⁶⁴⁵. Много внимания также было уделено русско-немецким социал-демократическим и пролетарским связям ⁶⁴⁶.

Не все разработанные музейными специалистами темы в полной мере были представлены публике. С начала 1970-х гг. в экспозиции присутствовал

---

⁶⁴³ Там же. Л. 3–4.

⁶⁴⁴ Там же. Д. 12. Л. 16.

⁶⁴⁵ Речь шла о Д.В. Давыдове, Н.А. Дуровой, К.Н. Батюшкове, С.Г. Волконском, М.С. Луние, И.С. Повало-Швейковском.

⁶⁴⁶ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 12. Л. 23–24, 28; Д. 4. Л. 26–27.

небольшой раздел о концентрационных и трудовых лагерях на территории Восточной Пруссии. Он иллюстрировался оконной рамой, затянутой рядами проволоки предположительно из бывшего Офлага-52⁶⁴⁷, фотоснимком процесса захоронения заключённых, а также фрагментом штукатурки подвального помещения военного завода, на котором сохранились надписи, сделанные советскими гражданами, оказавшимися «остарбайтерами» в Восточной Пруссии⁶⁴⁸.

Изначально память о восточнопруссских концентрационных и трудовых лагерях в области складывалась на основе воспоминаний первых переселенцев об их сохранившейся инфраструктуре. Однако непосредственно изучение этой темы стало проводится именно музейными сотрудниками. Документы свидетельствуют, что систематическая работа сотрудников музея над темой «Восточная Пруссия как важнейший центр работоторговли, как один из мрачных застенков гитлеровской Германии» началась в 1970-е гг.⁶⁴⁹ Несмотря на наличие литературы о немецких лагерях, сотрудники музея не раз оговаривали в аналитических текстах, что «Восточная Пруссия в этих публикациях в интересующем нас аспекте не освещена совершенно»⁶⁵⁰.

В Калининградской области исследование и интерпретация темы концентрационных лагерей шли в русле общих для всей страны тенденций⁶⁵¹, а также стимулировалось внешними факторами. Например, в 1972 г. группа, включавшая сотрудников музея, в связи с распоряжением Калининградского облисполкома в Багратионовском районе обследовала кладбище Шталаг-

---

⁶⁴⁷ Офлаг — концентрационный лагерь военнопленных офицеров. Офлаг-52 располагался на территории недалеко от современного города Нестерова.

⁶⁴⁸ Николаева Е. В краеведческом музее // Маяк. 1972. 2 нояб. С. 2; Николаева Е. Наш солнечный мир // Маяк. 1973. 19 июля. С. 4; Калининградский областной краеведческий музей: путеводитель. Калининград, 1976. С. 20.

⁶⁴⁹ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 62. Л. 15.

⁶⁵⁰ Там же. Д. 59. Л. 34.

⁶⁵¹ Maoz A. RePlacing Memory: the reorientation of Buchenwald // Cultural Geographies. 2003. Vol. 10, № 1. P. 4; Стратиевский Д.В. Бывшие советские военнопленные // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4 (11). С. 106–107; Аристов С.В., Смирнова М.И. Неизвестные страницы Великой Отечественной войны // Вестник Московского энергетического института. 2020. № 2. С. 142–143.

1А⁶⁵², где были захоронены советские, польские и французские военнопленные. При осмотре специалисты использовали план захоронений, составленный французским пастором — бывшим заключённым⁶⁵³. Кроме того, была организована также экспедиция на место нахождения лагеря Эбенроде⁶⁵⁴.

Несмотря на сложности в поиске информации, в материалах музея в общей сложности упоминается примерно о 30 концентрационных лагерях, что составляет половину от известных современным исследователям⁶⁵⁵. Кроме того, сотрудники музея записали 11 воспоминаний участников событий, которые на сегодняшний момент являются ценнейшим источником для исследователей⁶⁵⁶.

Разработанный план экспозиции включал в себя рассказ о расположении, условиях содержания и взаимоотношениях людей внутри лагерей (трудовых и для военнопленных) в контексте истории Восточной Пруссии как «сплошного военного лагеря»⁶⁵⁷. Ещё одной частью повествования стал сюжет о героической борьбе заключённых против режима. В отчетных или обобщающих документах музей всегда выделял из общего

---

⁶⁵² Шталаг — это общее название лагерей вооруженных сил Германии для военнопленных из рядового состава во время Второй мировой войны.

⁶⁵³ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 59. Л. 15, 21. В 1989 г. на месте интернационального кладбища «Шталаг-1А» в посёлке Нагорное Багратионовского района был организован мемориал (Объекты культурного... С. 162; История войн XX века в памятниках их участникам / сост. Е.В. Суздальцев и др. М., 2009. С. 26).

⁶⁵⁴ Цыганкова А. Живая связь времён // Калининградская правда. 1975. 19 янв. С. 2.

⁶⁵⁵ В современной краеведческой литературе количество концентрационных лагерей на территории Восточной Пруссии разнится от 47 до 56 (Карта-схема расположения лагерей для военнопленных и интернированных в 1-м Военном округе Германии на 1/3 части бывшей Восточной Пруссии (ныне Калининградская область) с 1939 г. по май 1945 г. Калининград, [2005]; Назовём поимённо. Т. 19, дополнительный. Сведения о пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны и погибших в плену / сост. С.А. Гуров и др. Калининград, 2006. С. 5–6; Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против советских граждан на территории Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) в годы Великой Отечественной войны. Калининград, 2021. С. 7.)

⁶⁵⁶ Эти и другие воспоминания были опубликованы музеем в 2021 г. (см. Без срока давности...).

⁶⁵⁷ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 62. Л. 49 об.

массива данных наличие в тех или иных лагерях патриотических ячеек, подпольно боровшихся с фашизмом. Этот акцент объясняется тем, что наличие эпизодов подпольной деятельности давало бывшим узникам, по выражению историков Р. Отто и Р. Келлера, «шанс освободиться от печати плена и подозрений сотрудничества с врагом»⁶⁵⁸.

За два десятилетия работы Калининградский музей собрал более 300 листов информации о лагерной системе Восточной Пруссии 1939–1945 гг. и советских военнопленных, однако использовать их в полном объёме оказалось «проблематично» из-за статуса «только для служебного пользования». В результате ценный массив данных применялся в основном для подготовки справок и переводов литературы с иностранных языков⁶⁵⁹.

В целом пространство исторических интерпретаций в музейной сфере несомненно расширялось, благодаря следованию заданным ранее координатам: глорификации российских воинских успехов на протяжении веков, негативному представлению социально-политической истории Германии при наличии галереи славных прусских учёных, деятелей культуры и коммунистов. По сравнению с масштабной музейной экспозицией и разными форматами её использования в целях трансляции идеологических установок, историческая литература о крае – художественная и публицистическая, – опираясь только на слово, была более ограничена в своих возможностях. В рассматриваемый период уже был разработан и продолжал совершенствоваться визуальный язык полиграфических изданий по местной тематике. Его универсальными лейтмотивами была молодость края, его «советскость», а также уважение к героическим военным свершениям, что дополнительно манифестировалось в топонимических практиках.

---

⁶⁵⁸ Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. М., 2020. С. 263.

⁶⁵⁹ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 62. Л. 58.

3.2. Увековечивание прошлого в монументальной пропаганде

Доминирующим явлением монументальной пропаганды Калининградской области с середины 1960-х до середины 1980-х гг. стало увеличение количества памятников, посвящённых Великой Отечественной войне. Эта тенденция была характерна для всех республик Советского Союза с 1960-х гг., когда событиям войны стало придаваться большее значение в общественной жизни, культуре, патриотическом воспитании и были сформированы коммеморативные практики, ставшие в дальнейшем традиционными, например, ежегодный парад Победы.

Однако ещё незадолго до этого мемориального бума память о последней войне в области была представлена не лучшим образом. Ветеран штурма Кёнигсберга Г. Марков, посетивший Калининград в 1967 г., с сожалением отметил крайнюю неухоженность военных памятников, о чём не замедлил сообщить городским властям. Представители горкома партии согласились с его оценкой ситуации, посетовав, что «текучка заедает»⁶⁶⁰. О неудовлетворительном состоянии памятников ещё раньше речь заходила и в облисполкоме⁶⁶¹.

В каталогах военных памятников области упоминается о 45 монументах в честь Великой Отечественной войны, установленных в период с 1966 по 1984 г.⁶⁶², большая часть из которых — это братские могилы⁶⁶³, ставшие частью мемориалов. Четверть всех военных памятных мест была обустроена непосредственно в Калининграде. Работы по реставрации памятников воинской славы шли рука об руку с увековечиванием имён погибших: так, в

---

⁶⁶⁰ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 2039. Л. 5–14.

⁶⁶¹ Там же. Д. 1829. Л. 49–54.

⁶⁶² Следует отметить, что это не полный перечень. В него не вошли мемориальные доски и памятники, установленные в колхозах и совхозах области, и некоторые другие мемориалы.

⁶⁶³ По данным Калининградского отделения ВООПИиК, к 1980 г. на территории области были взяты под охрану государства 274 памятника, 178 из которых были братскими могилами (Самая западная. Калининград, 2002. Вып. 3, Кн. 3. С. 373).

1980 г. около 60% (40,7 тыс. человек) имён солдат и офицеров были занесены в эпитафии на братских могилах⁶⁶⁴, а к 1985 г. планировалось увековечить память всех погибших⁶⁶⁵. Стремление как можно более полно отразить ратные подвиги всех родов войск в ходе Восточно-Прусской операции и почтить память погибших стало центральной идеей монументальной пропаганды на несколько лет.

В преддверии «50-летия Советской Родины» в 1967 г. калининградские горком и горисполком КПСС сформулировали концепцию Мемориального парка-памятника на Центральном острове в Калининграде. Исходя из того, что должным образом в городе была представлена память только о подвигах 11-й гвардейской армии, следовало централизованно перезахоронить останки солдат других боевых соединений. По мысли секретаря горкома КПСС П. Кузьмина и председателя горисполкома Д. Романина, парк-памятник должен был стать одновременно символом бессмертия героев и выразительной архитектурной достопримечательностью центра города⁶⁶⁶. Выдвинутая идея нашла отклик у членов ВЛКСМ — даже начался сбор денег и металлолома⁶⁶⁷. Однако замысел создания большого мемориального комплекса остался нереализованным, хотя два года спустя к 9 мая на острове и был разбит парк — «ещё один памятник ратному подвигу советских людей»⁶⁶⁸.

Тем временем концепция единого памятного места для всех павших участников штурма была положена в основу проекта второй очереди самого главного мемориала области — памятнику 1200 гвардейцам. В 1973 г. городским отделом по делам строительства и архитектуры был объявлен

---

⁶⁶⁴ Самая западная. Калининград, 2002. Вып. 3. Кн. 3. С. 374.

⁶⁶⁵ Ковалёв Н. Вечный огонь обелисков // Калининградская правда. 1980. 12 апр. С. 4.

⁶⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 601. Л. 18–20.

⁶⁶⁷ Шапаев М. Вожатый пионеров — товарищ комсомол // Калининградский комсомолец. 1967. 7 марта. С. 1; Воздвигнем памятник героям! // Калининградский комсомолец. 1967. 9 апр. С. 2.

⁶⁶⁸ Иванов И. Благоустраивается центр Калининграда // Калининградская правда. 1974. 9 мая. С. 4.

конкурс на лучший проект реновации комплекса на Гвардейском проспекте. Было рассмотрено семь вариантов, представленных калининградскими специалистами. Среди них был, например, масштабный проект архитекторов А. Перескоковой, Л. Шмаргун и Е. Попова, который предлагал сооружение пяти монументальных стен, сходящихся к центру и объединённых тремя концентрическими кольцами, а в центре композиции — Вечный огонь. По мнению авторов, решение давало возможность показать «символическое направление» армий, участвовавших в штурме Кёнигсберга⁶⁶⁹. Ни один из проектов не был реализован, однако в течение нескольких лет удалось открыть монументы в честь воинов, принадлежавших к некоторым видам вооружённых сил, принимавших участие в штурме.

Например, в 1974 г. был открыт монумент в честь авиаторов Краснознамённого Балтийского флота. Памятник был сооружён по предложению и на средства участников Великой Отечественной войны, ветеранов, личного состава авиации Балтийского флота. Центральное место в комплексе занимал самолёт на высоком пьедестале (взлётной дорожке), под которым находился открытый водный бассейн. Вместе они олицетворяли «три стихии морской авиации»: небо, берега Родины и океанские воды⁶⁷⁰. А 1984 г. на берегу Нижнего пруда был открыт памятный знак на схожую тематику в честь авиаполка «Нормандия — Неман», в центре композиции которого была помещена стела в виде крыла птицы⁶⁷¹.

Получила распространение традиция установки боевых машин на постаменты в качестве памятников. А.Ю. Манаев связывает массовое применение этого вида памятника с эмоциональным воздействием на зрителя благодаря его аутентичности, а также контрастности на фоне

---

⁶⁶⁹ Белоус В. На Гвардейском проспекте // Калининградский комсомолец. 1974. 29 мая. С. 4.

⁶⁷⁰ Наумов Е. Монумент славы авиаторам Балтики в Калининграде // Калининградская правда. 1968. 30 апр. С. 4; Георгиева Ю. Лётчикам Балтики // Калининградская правда. 1974. 3 нояб. С. 4.; Монумент Славы // Маяк. 1974. 12 нояб. С. 4.

⁶⁷¹ Строкин В.Н. Памятники ратного прошлого. Калининград, 1995. С. 50–51.

повседневности⁶⁷². Вместе с тем использование военной техники в качестве памятников, вероятно, было и дешевле создания монументов традиционными способами, и попросту в компетенции местных органов власти, и не требовало санкций вышестоящих ведомств.

В 1978 г. в районе строящегося Дома Советов был открыт монумент, в центре которого катер военных лет типа «Комсомолец» возвышался над декоративным водным бассейном⁶⁷³. Идея об увековечении памяти моряков-балтийцев впервые публично была оглашена в прессе писателем Ю.Н. Ивановым⁶⁷⁴. Автор инициативы обосновывал необходимость сооружения памятника военными заслугами моряков и спецификой Калининграда, где расположен штаб Краснознамённого Балтийского флота и есть несколько портов. Идея встретила поддержку у ветеранов и городских властей⁶⁷⁵. Впрочем, архитектурное решение проекта критиковалось специалистами как «невзрачное, лишённое оригинальности»⁶⁷⁶.

В 1980 г. на улице генерала-майора танковых войск А.И. Соммера в честь воинов-танкистов был установлен танк Т-34⁶⁷⁷. Он стал четвёртым по счёту таким памятником в области⁶⁷⁸. В том же году в Чкаловске состоялось открытие Аллеи Героев с бюстами одиннадцати советских лётчиков,

---

⁶⁷² Манаев А.Ю. Арсенал Победы // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения России. Симферополь, 2020. С. 55–56.

⁶⁷³ Азарова Ж. Мужество, запечатлённое в камне // Калининградская правда. 1978. 5 нояб. С. 4.

⁶⁷⁴ В 1970-е гг. Ю. Иванов был также членом президиума областного совета ВООПИиК, которое принимало участие в создании памятника разведчикам, установленного недалеко от боевого пути разведгруппы «Джек» в 1976 г. (Иванов Ю. Мгновение, застывшее в камне // Калининградская правда. 1973. 21 окт. С. 4).

⁶⁷⁵ Иванов Ю. Забвению не подлежит // Калининградская правда. 1970. 9 авг. С. 2; Вечной славы достойны // Там же. 30 августа. С. 3; Правиленко Г. Зажечь огонь славы // Там же. 17 окт. С. 3.

⁶⁷⁶ Ваганов Ю., Михайловский В. В соревновании, в творческой борьбе // Калининградская правда. 1975. 2 нояб. С. 2.

⁶⁷⁷ Память в честь подвига танкистов // Калининградская правда. 1980. 25 нояб. С. 4.

⁶⁷⁸ Первый танк Т-34 был установлен ещё в Кёнигсберге — 22 апреля 1945 г. на месте захоронения 58 танкистов на 19 км Светлогорского шоссе; на братской могиле в 1969 г. был открыт мемориал. Второй установили в 1946 г. на братской могиле в Советске (она была преобразована в мемориал с танком в 1975 г.). Третий — в 1976 г. на мемориале в Балтийске (Петрикин А. Танки на пьедесталах // Блокнот агитатора. 1982. №17. С. 21–22).

отличившихся во время войны, а также модель самолёта-разведчика Ил-28⁶⁷⁹. В 1984 г. в качестве памятника фронтовикам-водителям в годы войны на пьедестал был водружён грузовик ЗИС-105⁶⁸⁰. До 1985 г. был установлен памятный знак «Трудовому подвигу железнодорожников» в виде настоящего паровоза Л-0282 неподалёку от Южного вокзала — в честь трудовых свершений советских людей в годы войны и послевоенное время⁶⁸¹. Обилие военных памятников и коммеморативных практик, складывавшихся вокруг них, даёт возможность говорить о том, что в конце 1960-х – начале 1980-х гг. Восточно-Прусская операция 1945 г. была важнейшим местом памяти калининградцев.

Появившиеся в эти годы мемориалы и памятники становились ориентирами для множества туристических маршрутов по области. По воспоминаниям О.В. Амитрова, посетившего в качестве туриста в 1980 г. побережье области, экскурсия по Калининграду была «на 90% военная»⁶⁸². Историк советского туризма А.Д. Попов пришёл к выводу, что в 1960–1980-е гг. «воспоминания о событиях Великой Отечественной войны стали едва ли не основной “идеологической доминантой” советского туризма послевоенного периода». Эта тема была востребована туристами, а «органы государственной власти прилагали большие усилия для того, чтобы активизировать трансляцию

---

⁶⁷⁹ Егоров Л. Никто не забыт // Калининградская правда. 1980. 9 мая. С. 2.

⁶⁸⁰ Дулькин П. Автомобиль на постаменте // Калининградская правда. 1984. 16 нояб. С. 4.

⁶⁸¹ Колганова Э.М., Строкин В.Н. Страницы памяти.... С. 151.

⁶⁸² Запись из дневника палеонтолога и туриста О.В. Амитрова от 13 июля 1980 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/517834> (дата обращения: 07.02. 2024). То же подтверждает исследование В.Н. Маслова, в котором выявлено, что в деятельности калининградских экскурсоводов в 1970-е — 1980-е гг. «ключевой темой являлось информирование слушателей о подвиге советских войск, разгромивших группировку фашистов в Восточной Пруссии в ходе Великой Отечественной войны» (Маслов В.Н. Деятельность экскурсионных бюро в середине 1970-х–1980-е годы по формированию исторической памяти калининградцев о Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права. Витебск, 2018. С. 173).

героико-патриотической парадигмы Великой Отечественной войны последующим поколениям советских граждан»⁶⁸³.

Военные памятники, так же, как и гражданские, включались в план монументальной пропаганды. Заседание по обсуждению одного из них состоялось 24 ноября 1978 г. в Калининграде. По замыслу архитекторов⁶⁸⁴, план должен был способствовать тематическому оформлению основных улиц и площадей города для «концентрации восприятия главных для города тем», а также для того, чтобы создавать «более интересные» экскурсионные маршруты⁶⁸⁵.

Авторы концепции во главе с архитектором Е.А. Поповым представили восемь тем и маршрутов их проведения. Военно-патриотический сюжет «Кольцо Славы», к примеру, предполагалось реализовать по контурам последней линии обороны Кёнигсберга с валами, бастионами, городскими воротами, а также на Московском проспекте как основной въездной магистрали города.

Ленинский проспект «отвечал» за тему советского строительства и труда, а территория порта и улиц, ведущих вдоль набережных к центру, украшалась скульптурными композициями с сюжетами о труде рыбаков и моряков. Проспект Мира и Южный жилой район, чьи главные улицы предусматривались для въезда в город со стороны Польши, украшались монументами, связанными с миром и дружбой между народами. Отдельные районы планировалось содержательно оформить в соответствие с тематическими блоками науки, культуры, искусства, покорения космоса, а также отдыха и спорта⁶⁸⁶.

---

⁶⁸³ Попов А.Д. Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 48.

⁶⁸⁴ На общественных началах в группу входили: Ю.М. Ваганов, П.М. Горбач, В.Г. Еремеев, С.В. Лебедихин, Е.А. Попов, Е.Е. Сопов и И.Е. Шелепов.

⁶⁸⁵ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

⁶⁸⁶ Там же.

Собравшиеся на заседании секции отметили «распылённость» генерального плана монументальной пропаганды и рекомендовали ярче акцентировать его опорные точки, но также отвергли несколько любопытных краеведческих идей общественной группы. Среди них была установка памятников адвокату К. Либкнехту на проспекте Мира, философу И. Канту и физику Г. Кирхгофу⁶⁸⁷ на Центральном острове, мемориальной доски писателю Э.Т.А. Гофману на набережной Нижнего пруда, а также ряд памятников российским и зарубежным деятелям культуры и бюсты полководцев⁶⁸⁸.

Начальник управления культуры облисполкома А. Грачёв, ознакомившись с планом монументальной пропаганды, одобрил решения секции градостроительного совета и добавил к плану несколько новых памятников⁶⁸⁹. Среди них оказался памятник В. И. Ленину, который предполагалось разместить на Центральной площади у Дома Советов, куда после завершения строительных работ переместилась бы вся общественно-политическая жизнь города. По воспоминаниям В.В. Денисова, уже имевшийся на площади Победы памятник вождю работы В.Б. Топуридзе следовало перенести в другой областной город, а для нового московскими скульпторами Н.А. Лавинским и М.Ф. Марковским был разработан эскизный проект. Он представлял собой групповую скульптуру со стоящим В.И. Лениным и окружавшими его представителями городского и сельского пролетариата⁶⁹⁰.

В областном управлении культуры также одобрили сооружение второй очереди Мемориала 1200 гвардейцам и памятника И.Д. Черняховскому на

---

⁶⁸⁷ Учёные университета добивались включения в список памятников могилы Ф. Бесселя. Исследователь И.О. Дементьев отмечает, что наука стала вторым безопасным пространством, в котором можно было ратовать за сохранение немецкого наследия (Дементьев И.О. Современная зарубежная историография... С. 244).

⁶⁸⁸ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 129. Л. 4.

⁶⁸⁹ Там же. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 534. Л. 136–137.

⁶⁹⁰ Денисов В.В. Калининград — судьба моя... С. 269.

пересечении одноимённой улицы и Литовского вала, которые не были воплощены в реальности. Два других памятника, получивших санкцию, — монумент пионерам океанического лова и бюст Э. Тельману — заняли своё место в городском пространстве⁶⁹¹.

Автором бюста Э. Тельмана стал московский скульптор Б.В. Едунов, в ряду работ которого уже было несколько десятков скульптурных портретов исторических деятелей и рядовых советских трудящихся. Он шестнадцать лет работал в составе авторского коллектива именитого скульптора Н.В. Томского, что, по оценке искусствоведа Ю. Дюженко, выдвинуло его в ряд «ведущих специалистов советской монументальной скульптуры»⁶⁹².

Б.В. Едунов стал автором шести памятников в области, четыре из которых появились в изучаемый период⁶⁹³. Именно он в 1974 г. создал первый в Калининграде памятник, отражавший собственную историю области, а не военные подвиги, предшествовавшие её появлению — монумент «Мать-Россия». Скульптура была водружена на постамент, который некогда занимала фигура И.В. Сталина — после её исчезновения в 1961 г. он пустовал. Скульптура женщины в русском сарафане несла в левой руке герб Российской Федерации⁶⁹⁴, а правой указывала «на землю, куда пришла она полновластной

---

⁶⁹¹ Сооружение монумента пионерам океанического лова было инициировано в 1975 г. областным управлением рыбной промышленности совместно с горисполкомом и местным отделением Союза архитекторов. Он был посвящён деятельности первой сельдяной экспедиции, которая доказала реальность рыбного промысла в Северной Атлантике. Его композиция включала траулер типа СРТ, стелы с именами пионеров океанического лова и знак, стилизованный под парус (Глушкин О. Пионерам освоения Атлантики // Маяк. 1975. 25 фев. С. 4; Кутепова Н. Рыбакам посвящается // Калининградская правда. 1976. 24 янв. С. 4). Памятник Э. Тельману был открыт в 1977 г. и заменил установленный ранее гипсовый (ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 11. Д. 527. Л. 195; Памятник Э. Тельману // Калининградская правда. 1977. 3 янв. С. 3).

⁶⁹² Дюженко Ю. Творческий путь Бориса Едунова // Борис Васильевич Едунов, 1921–1982. М., 1986. С. [6].

⁶⁹³ Б.В. Едунов также выполнил портрет кёнигсбергского богослова Ю. Руппа, который, как оказалось впоследствии, не соответствовал реальному облику профессора. В последние месяцы жизни автор работал над памятником И. Канту для Калининграда, который должен был заменить исчезнувший в годы войны, и памятником генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову.

⁶⁹⁴ По словам журналистки С. Суховой, изначально скульптура предполагалась для павильона ВДНХ и изображала богиню плодородия в греческой мифологии Деметру с

хозяйкой, где живут и трудятся её сыны и дочери»⁶⁹⁵. По словам автора газетной заметки Н. Николаевой, скульптор изначально хотел воплотить какой-то военный образ, но отказался от этой идеи в пользу «первой среди равных, женщины-труженицы, созидательницы новой жизни»⁶⁹⁶.

В то время как Б.В. Едунов апеллировал к особенностям становления области, среди калининградцев была также распространена и буквальная интерпретация символики памятника: Россия «как добрая, заботливая мать» помогла построить Калининград⁶⁹⁷. При этом, как замечает И.О. Дементьев, памятник «представлял собой единственный женский образ в монументальной галерее советского Калининграда», что подчеркивает патриархальный характер существовавших коммеморативных практик⁶⁹⁸.

Тем не менее, по мнению писателя И. Шевцова, главной темой творчества Б.В. Едунова стали Великая Отечественная война и сопутствовавшие ей ратные подвиги⁶⁹⁹. Скульптору удалось воплотить её и в Калининградской области в памятнике генералу И.Д. Черняховскому. Его строительство было инициировано Черняховским горисполкомом и одобрено распоряжением Совета министров РСФСР в 1973 г. Местные власти добились увеличения размера фигуры⁷⁰⁰, и заказ на её выполнение был размещён в скульптурной мастерской Б.В. Едунова. Автор сделал три эскиза, среди которых представители города выбрали вариант полководца в развевающейся шинели. 9 мая 1977 г. скульптура была торжественно открыта в Черняховске.

рогом изобилия, но «не пришлась ко двору», а после переделки рог был заменен на герб (Сухова С. Каменные гости // Проспект мира. 1991. 11 мая. С. 11).

⁶⁹⁵ Николаева Н. Рождение монумента // Калининградская правда. 1974. 24 нояб. С. 4.

⁶⁹⁶ Там же.

⁶⁹⁷ Георгиева Г. «Символ России родной» // Калининградская правда. 1974. 6 нояб. С. 1.

⁶⁹⁸ Дементьев И.О. Советские гражданские памятники... С. 48.

⁶⁹⁹ Шевцов И. Певец возвышенной души // Борис Васильевич Едунов, 1921–1982. М., 1986. С. [20].

⁷⁰⁰ Изначально высота памятника по нормативам должна была быть в пределах 1,8 м, поскольку население Черняховска составляло около 50 000 человек. Четырёхметровый памятник, на котором настаивал художественный совет города, должен был соответствовать населению города от 500 000 жителей.

Одна из работ Б.В. Едунова послужила продолжением реализации идеи монументальной пропаганды на ул. Космонавта Леонова, озвученной специалистами в 1978 г. Необходимо сказать, что мемориализация космических достижений в городском пространстве Калининграда была частью общесоюзной тенденции. Для советской политики памяти о покорении космоса было характерно умолчание о военно-политической стороне этого процесса и сосредоточение на формировании представлений о научно-техническом развитии и успехах в этой области⁷⁰¹.

Существовало несколько детализированных планов украшения улицы, включавших барельефы, панно, скульптуры и бюсты⁷⁰², которые актуализировались важным событием мировой космонавтики — стыковкой советского «Союза-19» и американского «Аполлона»⁷⁰³. Большинство планов благоустройства не были реализованы, но «космический» потенциал улицы был косвенно воплощён в жизнь за счёт названий заведений, напоминавших о внеземном пространстве⁷⁰⁴.

Венцом пропаганды космической темы в Калининграде стал памятный знак «Землякам-космонавтам»⁷⁰⁵, созданный Б.В. Едуновым. Он представлял собой постамент с барельефами⁷⁰⁶ А.А. Леонова, В.И. Пацаева и Ю.В. Романенко с возвышающимся над ним кольцом космической орбиты, в центре которого была установлена бронзовая скульптура «исследователя Вселенной»⁷⁰⁷. Апрельские выпуски газет этого периода умалчивают о

---

⁷⁰¹ Кокоулин В.Г. Покорение космоса... С. 383.

⁷⁰² ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 911. Л. 477; Оп. 2. Д. 196. Л. 34.

⁷⁰³ В некоторых изданиях писали, что в честь именно этого события было решено улицу оформить в русле тематики освоения человеком космоса (С чем связаны память и жизнь. Калининград, 1976. С. 122; Колганова Э.М., Строкин В.Н. Страницы памяти... С. 153).

⁷⁰⁴ Например, в 1976 г. было открыто кафе «Алёша» в честь А.А. Леонова, коктейль-бар «Космос», а ресторан «Балтика» переименован в «Орбиту»; планировалось открытие музея космонавтики (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 406. Л. 141; Сухова С. Каменные гости // Проспект мира. 1991. 11 мая. С. 11).

⁷⁰⁵ Встречается и другое наименование памятника: «Покорителям ближней Вселенной».

⁷⁰⁶ Скульптор также отдельно работал над бюстами космонавтов (Сухова С. Каменные... С. 11).

⁷⁰⁷ Колганова Э.М., Строкин В.Н. Страницы памяти... С. 155.

появлении нового памятника, хотя ранее о завершении строительных работ сообщалось⁷⁰⁸. Торжественного открытия не случилось по решению первого секретаря обкома Н.С. Коновалова, который, как вспоминал председатель горисполкома В.В. Денисов, не захотел «широкого резонанса свершившегося факта» ввиду «цековского запрета и косых взглядов на такие “излишеские” затеи со стороны высоких контролирующих инстанций»⁷⁰⁹. Опасения Н. С. Коновалова были отнюдь не беспочвенны, поскольку ранее область уже критиковалась за сооружение монументов без разрешения Совета министров РСФСР⁷¹⁰.

Таким образом, монументальная пропаганда конца 1960-х – начала 1980-х гг. репрезентировала историческое прошлое через скульптуры, личностей XX в. или события, олицетворявшие только это столетие. Инициативы скульпторов для выхода за пределы этого периода не находили поддержки среди чиновников местного управления культуры. Основные усилия организаторов монументальной пропаганды были направлены на поддержание памяти о Великой Отечественной войне. Причём для воплощения в жизнь этой всесоюзной тенденции одновременно работали местные и приглашённые скульпторы, специалисты ВООПИиК, а также разветвлённая туристическая индустрия. На этом фоне памятники, посвящённые калининградской послевоенной истории, были скорее исключением из правил.

3.3. Ревитализация довоенных памятников архитектуры: акторы и подходы

1966 год для градостроительства Калининграда стал знаковым: в июне был одобрен обновлённый детальный проект планировки центра города,

---

⁷⁰⁸ Иванов С. Землякам-космонавтам // Страж Балтики. 1980. 31 янв. С. 4.

⁷⁰⁹ Денисов В.В. Калининград — судьба моя... С. 265.

⁷¹⁰ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 534. Л. 41–43.

доминантой которого должен был стать Дом Советов, а в сентябре началась разборка руин замка⁷¹¹.

Поскольку официально о решении разрушить замок не было сказано ни в одной газете, в разные учреждения поступали письма от граждан в его защиту, а чиновники были вынуждены составлять справки и аргументировать снос руин⁷¹². Кроме того, ещё в 1966 и 1969 гг. составители маршрутов туристических экскурсий советовали посетить замок как достопримечательность⁷¹³.

Участники кампании за сохранение старинного сооружения после письма в «Литературную газету» (см. гл. 2. настоящей диссертации) предпринимали несколько попыток обратить внимание калининградской общественности и столичных властей на судьбу главного объекта старого города: планировалось опубликовать соответствующее обращение в газете «Известия», архитектор В.В. Ходаковский написал письмо непосредственно генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, а историк и музейный сотрудник В.Н. Строкин ходатайствовал о сохранении руин замка перед министром культуры СССР Е.А. Фурцевой⁷¹⁴. По словам участников событий, решающую роль в судьбе замка сыграл первый секретарь обкома компартии Н.С. Коновалов, блокировавший публикацию в «Известиях» и добившийся от центральных властей решения о сносе его руин⁷¹⁵.

Между тем ликвидация руин в центре была лишь частью решения первостепенных градостроительных проблем Калининграда. Как свидетельствует письмо Н.С. Коновалова в Политбюро ЦК КПСС, к 1968 г. в Калининграде «в значительной мере не устранены последствия войны»: в

---

⁷¹¹ Там же. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1828. Л. 4а.

⁷¹² Там же. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 534. Л. 39–40; Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 2039. Л. 3.

⁷¹³ По пути славы русского оружия [буклет] / сост. А.Е. Цыганкова. Калининград, 1966; По местам боёв... С. 108.

⁷¹⁴ Сухова С. Бой после побед... С. 6; Сухова С. Дорога к храму... С. 6.; Дом, в котором... С. 68.

⁷¹⁵ Sezneva O. Op. cit. P. 206–207.

городе насчитывалось больше 3 млн кубометров завалов, требующих разборки и вывоза, а тысячи семей проживали в аварийных домах и помещениях, непригодных для жилья⁷¹⁶. Медлительность восстановительных работ, по мнению краеведа А.Б. Губина и архитектора В.Т. Салахова, объяснялась статусом Калининграда как закрытого города и отсутствием у центральных властей концепции его развития. Эти проблемы были отчасти преодолены только после личного знакомства⁷¹⁷ лидера государства Н.С. Хрущева с Калининградом⁷¹⁸.

На контрасте с предыдущей эпохой 1970–1980-е гг. стали временем строительного бума, обусловленного внедрением индустриальных методов строительства, широким применением железобетонных и металлических конструкций, улучшением материальной базы стройиндустрии, распространением типовых проектов жилых зданий.

Благодаря этим условиям в Калининграде появился ряд значимых общественных сооружений⁷¹⁹, построенных в стилистике постконструктивизма. Историк искусства И.В. Белинцева характеризует советскую архитектуру Калининграда как «определенное провинциальное отставание от новаторских поисков Центральной России, особенно Москвы и Петербурга». Вместе с тем по сравнению с соседями по Балтийскому морю в области было заметно отсутствие тенденции к «культивированию ретростилей», когда зодчие переосмысливали приёмы и детали прошлого с

---

⁷¹⁶ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 42. Д. 39. Л. 1–3.

⁷¹⁷ Н.С. Хрущёв трижды – в 1956, 1960, 1964 гг. – проездом посещал Калининград по пути в европейские страны с дипломатическими визитами.

⁷¹⁸ Губин А.Б., Салахов В.Т. Кёнигсберг — Калининград: концепция градостроения // Кёнигсберг — Калининград: город, история. Калининград, 2005. С. 76.

⁷¹⁹ Аэровокзал (1970), автовокзал (1971), кинотеатр «Октябрь» (1975), гостиница «Калининград» (1975), Дворец спорта «Юность» (1978), ресторан «Ольштын» (1976–1979), Дом профсоюзов (1982), Дворец пионеров (1984), новые корпуса университета на ул. А. Невского (1984), Дворец бракосочетаний (1985) и т.д.

новыми материалами и формами⁷²⁰, что тоже было отзвуком различий в политике памяти по сравнению с советскими прибалтийскими республиками.

Ключевой новостройкой Калининграда стал Дом Советов. Исторически в СССР этот тип здания не имел традиции в архитектуре прошлого и композиционно проектировался в центре города как «высшее в иерархии репрезентативных зданий СССР»⁷²¹. Таким зданиям была присуща монументальность и многофункциональность — в них заседали руководящие органы советов и партийных, комсомольских, профсоюзных организаций. Примечательно, что при возведении таких построек в СССР были нередки случаи разрушения зданий прошлых эпох⁷²².

В июле 1966 г. Калининградский горисполком запросил разрешения Совета министров РСФСР и Госстроя РСФСР на составление индивидуального проекта Дома Советов силами Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования зрелищных предприятий и спортивных сооружений им. С. Мезенцева⁷²³. Госстрой согласовал проект осенью 1968 г., а на будущий год в газете было опубликовано изображение модели проекта⁷²⁴.

С конца 1970-х гг. финансирование строительства административного здания было передано правительству области. На темпы строительства

---

⁷²⁰ Белинцева И.В. Архитектура соцреализма в Калининградской области // Современная архитектура мира. 2018. Вып. 1 (10). С. 96.

⁷²¹ Казусь И.А. Дома советов в архитектуре СССР 1930-х годов // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2017 году. М., 2018. Т. 1. С. 63.

⁷²² Это относилось к памятникам в разных городах: в Омске — к Успенскому кафедральному собору, в Иркутске — к кафедральному Казанскому собору, в Саранске — к Спасскому собору, в Ростове-на-Дону — к храму во имя Св. Александра Невского, в Нижнем Новгороде — к крепостным стенам местного кремля.

⁷²³ Руководителем рабочей группы стал архитектор Ю.Л. Шварцбрейм. В коллектив также входили Л. Мисожников, Ю. Моторин, Г. Кучер.

⁷²⁴ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 9. Д. 74. Л. 29; Завтра улицы Московской // Калининградская правда. 1969. 21 фев. С. 4.

косвенно повлияли летние Олимпийские игры 1980 г., когда была введена пятилетняя остановка строительства общественных зданий⁷²⁵.

Подобные ограничения затрудняли строительство и других зданий для общественных нужд, однако в некоторых случаях их стало возможно преодолеть благодаря кипучей энергии «мэра» Калининграда В.В. Денисова. После выпуска из Ленинградского инженерно-строительного института в конце 1940-х гг. он был направлен в Калининград, где работал на различных административных должностях, а с 1972 по 1984 г. занимал кресло председателя горисполкома⁷²⁶.

В этот период государственный приоритет отдавался жилищному строительству, в результате чего впервые в истории страны основным типом городского семейного жилья стала отдельная квартира⁷²⁷. Фокус на жилом строительстве привёл, по словам В.В. Денисова, к «запретительным мерам», когда несколько пятилеток подряд было ограничено сооружение объектов культуры. Между тем для главы города они представляли несомненную ценность. В одной из своих статей он упоминал, что его «никогда не покидало ощущение нашей обделенности источниками, очагами культуры, нашей неполноценности, второразрядности в этом смысле»⁷²⁸.

Метод В.В. Денисова состоял в том, чтобы осуществлять строительство таких объектов и восстановление исторических памятников силами городских предприятий и организаций, а «высокие инстанции» ставить перед свершившимся фактом. Инициатором строительства нового здания для какого-либо учреждения часто становился сам председатель горисполкома. Затем высказанная идея находила отклик у производственных коллективов, заинтересованных в новых помещениях. Большинство руководителей, по словам В.В. Денисова, охотно откликались, другие же могли вовлекаться в

---

⁷²⁵ Podehl M. Op. cit. S. 268.

⁷²⁶ Большой энциклопедический словарь... С. 102.

⁷²⁷ Каракова Т.В., Рыжикова Е.В. Исторические этапы развития индустриального жилища в России // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2011. № 3. С. 94.

⁷²⁸ Денисов В.В. Калининград — судьба моя... С. 28.

процесс после использования городскими властями своих рычагов давления: выделения земельных участков, изменения очередности в распределении квартир, отпуска воды, газа и т.д. Иногда значение имели дружественные контакты с конкретными представителями столичных министерств или «манипулирования отчётностью»⁷²⁹. Некоторые здания номинально строились для одних целей, но затем меняли своё функциональное назначение⁷³⁰.

Список значительных преобразований, произошедших в городе за 12-летний период администрации В.В. Денисова, насчитывает десятки зданий, памятников и инфраструктурных решений⁷³¹. Авторы статей, посвящённых градоначальнику, видят причины достигнутых результатов в его сильном характере, управленческом таланте, понимании значимости культуры. Впрочем, по мнению И.О. Дементьева, «альтернативные дискурсивные стратегии всегда лично окрашены» и «реализуются в поступках, в действиях конкретных людей, дерзко бросающих вызов установленным властью ограничениям»⁷³².

При активном участии В.В. Денисова произошла ревитализация нескольких знаковых сооружений Кёнигсберга, спасшая их от разрушения. Одним из них стала евангелическая кирха памяти королевы Луизы начала XX в., спроектированная архитектором Ф. Хайтманом и пострадавшая в ходе войны.

---

⁷²⁹ Денисов В.В. Калининград— судьба моя... С. 31, 159–160; Павловский О. Город мой... С. 25.

⁷³⁰ Так, например, произошло с картинной галереей, строившейся как магазин по продаже предметов декоративного и прикладного искусства, магазином товаров для новобранцев, ставшим Дворцом бракосочетаний, и средней школой, превратившейся во Дворец пионеров.

⁷³¹ Практически каждое новое общественное здание или другие новации в городском пространстве в эти годы считаются личной заслугой В.В. Денисова. Однако не все его проекты были реализованы — в том числе, например, памятник отцу и сыну Суворовым, музей ратной славы России в Астрономическом бастионе, музей космонавтики на ул. Леонова (Кузнецова И.С. В.В. Денисов. К 95-летию со дня рождения // Культура Калининград. 2022. Вып. 6 (1) С. 175).

⁷³² Дементьев И.О. «Что я могу...». С. 190.

По воспоминаниям В.В. Денисова, крест кирхи был снят после «укоризненного» замечания Н.С. Хрущёва⁷³³ первому секретарю обкома В.Е. Чернышёву: «Негоже, когда в самом центре русского, православного города венчающим элементом является католический крест»⁷³⁴. В конце 1950-х гг. управление культуры просило горисполком передать полуразрушенное здание кирхи в ведомство отдела кинофикации для восстановления и перепрофилирования под широкоэкранный кинотеатр⁷³⁵. Несмотря на полученное одобрение, этот проект не был реализован.

В 1966 г. «бесхозную» кирху Луизы горисполком передал на баланс кукольному театру⁷³⁶. Проектирование областного театра кукол в бывшем культовом здании было поручено калининградскому архитектору Ю.М. Ваганову. По его воспоминаниям, в тот исторический период «не мог быть даже поставлен вопрос о сохранении этого здания как памятника архитектуры и, тем более, как культового объекта»⁷³⁷. Однако директор института «Калининградгражданпроект» И.А. Грабов рискнул составить две сметы на строительство театра. Вариант со сносом кирхи оказался в три раза дороже, поэтому было принято экономически рациональное решение провести реконструкцию и частичную перестройку довоенного здания. Существуют также свидетельства того, что в 1973 г. городскими властями рассматривался вариант подрыва кирхи, но этого не произошло⁷³⁸. В ходе благоустройства была восстановлена крыша, окрашены стены, сохранены некоторые декоративные элементы, однако был утрачен сохранившийся после

---

⁷³³ В.В. Денисов не уточняет год этого события, но известно, что Н. С. Хрущев посещал Калининград в 1956, 1960 и 1964 гг. Чернышев возглавлял обком в 1951–1959 гг., да и маршрут визита 1956 г. как раз пролегал по Сталинградскому проспекту (Колганова Э.М., Колганов И.П., Иванов Ю.Н. Путешествуйте по Калининградской... С. 13).

⁷³⁴ Денисов В.В. Калининград — судьба моя... С. 103.

⁷³⁵ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 240. Л. 201–202.

⁷³⁶ Там же. Д. 105. Л. 105.

⁷³⁷ Рождённая победой... С. 33.

⁷³⁸ Синьковский К. Кто сохранил кирху королевы Луизы // Калининградская правда. 2002. 25 фев. С. 8.

войны горельеф Христа, украшавший западный притвор кирхи. Летом 1976 г. здание было сдано в эксплуатацию⁷³⁹.

Другим немецким сооружением, по совпадению также за авторством Ф. Хайтмана, в которое В.В. Денисову удалось вдохнуть жизнь, стала католическая кирха Святого Семейства. В её облике война тоже оставила свой отпечаток, но здание сохранилось достаточно хорошо, чтобы, по воспоминаниям переселенки Н.А. Друтман, использоваться под склад⁷⁴⁰.

В марте 1979 г. горисполком принял решение выделить средства из городского бюджета на реконструкцию здания под концертный зал органной музыки⁷⁴¹. Считается, что идею ревитализации предложил сам В.В. Денисов. И.С. Кузнецова, хорошо знакомая с деятельностью В.В. Денисова утверждает, что глава города на одной из регулярных встреч с коллективами предприятий поделился своим планом и «посетовал на нехватку средств». В ответ сотрудники предложили коллективный вариант финансирования проекта: заработок специалистов при выходе на работу в выходной перечислялся на восстановление здания⁷⁴². Органный зал был открыт 1980 г., а вскоре там был установлен орган «не хуже, чем в Домском соборе в Риге»⁷⁴³.

В бытность В.В. Денисова на посту главы городской власти были сохранены и отреставрированы некоторые фортификационные сооружения, прежде использовавшиеся в речах чиновников как наглядные доказательства того, что Кёнигсберг являлся квинтэссенцией военизированных устремлений Германии. Однако справедливо было и то, что мощь стен бастионов и фортов могла быть представлена как свидетельство смелости и героизма советских солдат, которым Калининград был обязан своему появлению.

---

⁷³⁹ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 1026. Л. 422.

⁷⁴⁰ Первые впечатления переселенцев... С. 141.

⁷⁴¹ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 289. Л. 176.

⁷⁴² Кузнецова И.С. Существовало ли в советском Калининграде гражданское общество // Калининградские архивы. 2017. Вып. 14. С. 110.

⁷⁴³ Кузнецова И.С. В.В. Денисов. К 95-летию... С. 173.

Одним из таких объектов стал элемент Второго вального оборонительного обвода — башня Дона, на вершину которой 10 апреля 1945 г. советские воины водрузили Красное знамя. После войны сооружение использовалось как хранилище — сначала тары и сыпучих материалов, а потом как продовольственный склад Военторга⁷⁴⁴. В конце 1960-х гг. группа музейных экспертов, архитекторов, художников и скульпторов аттестовала помещения бастиона как подходящие для размещения и оформления экспозиции музея янтаря⁷⁴⁵. Через год там началось создание филиала краеведческого музея, который через некоторое время стал позиционироваться как «музей янтаря и морской фауны».

Реконструкция и переоборудование башни длились десять лет, в течение которых, как писали в путеводителе музея, предстояло «“научить” бывшее крепостное сооружение новой “профессии”»⁷⁴⁶. По словам бывшего директора музея Т.Ю. Суворовой, со вступления в должность председатель горисполкома В.В. Денисов «уделял особое внимание музею, держал под личным контролем устранение проблем»⁷⁴⁷. После нескольких переносов, связанных с задержкой финансирования проекта, учреждение открыло двери для посетителей 29 декабря 1979 г. При этом реставрация коснулась не только башни, но и соседних Росгартенских ворот XIX в., которые рассматривались как часть единого с музеем ансамбля. В воротах был открыт ресторан, а на земляном валу планировалось обустроить кафе⁷⁴⁸.

---

⁷⁴⁴ Ольмезова С.И. Башня Дона — архитектурный и исторический памятник / Калининградский музей янтаря. Калининград, 2008. С. 118.

⁷⁴⁵ Интересно, что под музейные нужды предполагалось использовать и аналогичную башню Врангель, расположенную на другом берегу Верхнего озера (Суворова Т.Ю. Из истории создания Музея янтаря // Время музея. 2021. Вып. 4. С. 348).

⁷⁴⁶ Перепрофилирование башни впоследствии не раз отмечалось как важное завоевание калининградцев в мирном строительстве. Например, в брошюре о Калининграде говорилось, что «теперь некогда угрюмое здание “Доны” на берегу озера Верхнего будет нести добрую службу» (С чем связаны... С. 52; Калининградский музей янтаря: Путеводитель. Калининград, 1982. С. 3).

⁷⁴⁷ Суворова Т.Ю. Из истории создания... С. 349.

⁷⁴⁸ Ресторан «Солнечный камень», по мысли его администрации, должен был стать «местом проведения интересных вечеров, банкетов, встреч с ветеранами войны и труда», где в меню

В 1970-е гг. несколько других ворот и башен бывшего фортификационного кольца также прошли реставрацию⁷⁴⁹, однако, поскольку часть вальных укреплений состояла на балансе местных органов власти, периодически руководящие лица пытались снять памятники с государственного учёта, чтобы облегчить нагрузку на свой бюджет⁷⁵⁰.

Кроме В.В. Денисова, в области были и другие активисты, рассматривавшие вальные укрепления как потенциальные достопримечательности. Например, местная писательская организация в 1980 г. утверждала, что «эти сооружения интересны туристам <...> и надо дать возможность туристу увидеть нечто необычное, волнующее воображение!». Писатели напоминали и о том, что историю таких сооружений можно трактовать в русле «увлекательных рассказов о борьбе славян и прибалтийских народов против кровавых нашествий германцев в их извечном стремлении к завоеванию “жизненного пространства” за счёт Востока»⁷⁵¹.

Предложения активистов не были новы. Ещё во второй половине 1960-х гг. в маршрут экскурсии «Исторические и памятные места г. Калининграда» обязательно входил показ одного из фортов внешнего обвода⁷⁵². Чаще всего им становился форт № 5 — единственный благоустроенный в советское время и частично музеефицированный. За взятие форта пятнадцать человек

должны были быть «старинные русские кушанья», а во дворе — шашлычная (Кириллов К. Музей янтаря // Маяк. 1971. 31 июля. С. 4; Кутепова Н. Приглашает «Солнечный камень» // Калининградский комсомолец. 1986. 8 июня. С. 1).

⁷⁴⁹ Бранденбургские и Закхаймские ворота, башня Врангель, Астрономическая башня (ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 534. Л. 40)

⁷⁵⁰ В 1978 г. Калининградский облисполком предпринял попытку исключить из списка памятников Королевские ворота, однако Министерство культуры РСФСР не поддержало это предложение — вскоре в сооружении предполагалось открыть мастерские специализированного управления ремонтно-строительных и реставрационных работ по изготовлению художественных сувениров (Письмо зам. министра культуры РСФСР и зам. Председателя Центрального Совета ВООПИиК Совету министров РСФСР «О нецелесообразности снятия с охраны Королевских ворот в Калининграде и замка Рагнит в Немане» от 16 мая 1978 г. // Самая западная. Калининград, 2002. Кн. 3. С. 363; ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 607. Л. 6).

⁷⁵¹ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 201. Л. 2.

⁷⁵² Там же. Ф. Р-153. Оп. 1. Д. 9. Л. 59

получили звание Героя Советского Союза — это придавало сооружению значение места массового героизма солдат Красной армии. Во время штурма в апреле 1945 г. форт подвергся массированному артобстрелу крупнокалиберными орудиями. Отдельным конструкциям урон был нанесён и во время послевоенной эксплуатации. Так, специалист по фортификации Восточной Пруссии А.П. Овсянов отмечал, что форт использовался как полигон для массового уничтожения взрывоопасных предметов, а затем стал каменоломней и пунктом заготовки металла, в результате чего с его территории было демонтировано большинство металлических элементов⁷⁵³. Из-за непродуманного использования системы водоснабжения помещения были затоплены, а это спровоцировало разрушение внутренних кирпичных стен и сводов⁷⁵⁴. Однако именно руинированное состояние форта сыграло важную роль в его превращении в музей.

Первые шаги по мемориализации военно-инженерного сооружения были сделаны во второй половине 1960-х гг., когда была установлена памятная доска⁷⁵⁵, памятный камень⁷⁵⁶ и горсовет решил открыть в одном из помещений форта комнату боевой славы с размещением экспозиции, посвящённой штурму Кёнигсберга⁷⁵⁷. Популяризацию знаний о военных подвигах, совершённых при штурме форта, взяли на себя сотрудники калининградского краеведческого музея⁷⁵⁸. 9 мая 1973 г. на территории форта состоялось открытие мемориала. Председатель Центрального райисполкома В.М. Земжицкий в интервью корреспондентам газеты особенно подчеркнул, что идея мемориала была высказана рабочими промышленных предприятий Центрального района⁷⁵⁹. Спустя два года в мемориал был интегрирован

---

⁷⁵³ Овсянов А.П. Форт №5. Памятник героям штурма Кёнигсберга. Калининград: Аксиос, 2010. С. 71–72, 78.

⁷⁵⁴ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 116. Л. 16.

⁷⁵⁵ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 616. Л. 14

⁷⁵⁶ Там же. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

⁷⁵⁷ В честь героев // Калининградская правда. 1969. 26 апр. С. 2.

⁷⁵⁸ Дом, в котором... С. 159.

⁷⁵⁹ Там, где гремел жаркий бой // Калининградская правда. 1973. 13 мая. С. 4.

скульптурный ансамбль, изображавший группу воинов, штурмующих форт. К этому времени форт уже являлся легитимным местом памяти.

21 ноября 1978 г. на базе форта № 5 был образован филиал областного краеведческого музея, в фокусе экспозиции которого был показ героизма советских воинов при штурме Кёнигсберга⁷⁶⁰. При участии калининградского горисполкома и Министерства культуры РСФСР было составлено тематическое задание на развитие и благоустройство музейно-мемориального комплекса и окружающей его парковой зоны. На конкурс подали заявку московские скульпторы и архитекторы объединения «Росмонументискусства», которые предложили грандиозный и дорогостоящий проект⁷⁶¹. Однако главной причиной, препятствовавшей реализации их идей, стало их желание восстановить некоторые утраченные части форта для создания нормальных эксплуатационных условий и предотвращения дальнейшего разрушения конструкций. Сотрудники историко-художественного музея выступили против такого предложения, поскольку именно в полуразрушенном состоянии форт «производит большее впечатление от мощи и силы наступательного оружия советских войск, преодолевших эту твердыню»⁷⁶², а реализация проекта московских специалистов привела бы к «созданию музея немецкого и фашистского оборонительного искусства»⁷⁶³. Взамен калининградские музейщики предлагали обратиться к технике консервации памятника.

Для принятия дальнейших решений оба проекта потребовали мнения рецензентов со стороны, которые отдали предпочтение проекту историко-

---

⁷⁶⁰ При этом сами сооружения форта юридически не были признаны памятником. Это произошло только в 1981 г. (АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 116. Л. 9–10).

⁷⁶¹ См.: Фостова С.А. Форт № 5 в исторической памяти калининградцев // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гум. и общ. науки. 2022. № 4. С. 76–77.

⁷⁶² АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 66.

⁷⁶³ Там же. Л. 84.

художественного музея⁷⁶⁴. По воспоминаниям А.П. Овсянова, бывшего военным консультантом москвичей, последнее слово осталось за неназванным представителем обкома КПСС, посчитавшим, что реализация московской концепции «будет способствовать пропаганде фашистской фортификации»⁷⁶⁵.

Тем не менее полностью воплотить в жизнь все идеи музейных специалистов оказалось затруднительно, и к 1990 г. вопрос о музеефикации объекта продолжал находиться в повестке дня⁷⁶⁶, что, впрочем, не мешало оставаться форту № 5 охотно посещаемой туристами достопримечательностью и символом штурма Кёнигсберга.

Другим объектом, вокруг которого аккумулировались дискуссии и протекторские усилия общественности, стал Кёнигсбергский кафедральный собор. Несмотря на то, что культовое сооружение относилось к памятникам республиканского значения, Калининградский облисполком в 1967 г. внёс его в список 36 объектов истории и культуры, которые, на взгляд властей, не представляли художественной ценности или не подлежали восстановлению⁷⁶⁷. Пока вопрос рассматривался Министерством культуры РСФСР, представители местной интеллигенции предложили свой вариант использования собора.

Шестого февраля 1968 г. ректор Калининградского государственного университета Н.В. Прикладов выступил с предложением передать стены древнего сооружения и могилу И. Канта в ведение университета с использованием после реконструкции здания под библиотеку. По оценке Н.В. Прикладова, в соборе могли разместиться книгохранилище вместимостью в 1 млн томов и читальные залы, а на башне — оборудование для астрономических наблюдений, физических и химических опытов. Ректор

---

⁷⁶⁴ Среди них были представители Калининградского отделения Союза архитекторов, областного отделения ВООПИиК, Центрального музея Вооруженных Сил СССР, отдела музееведения НИИ культуры (АКОИХМ. Ф 1. Оп. 6. Д. 116. Л. 1–6).

⁷⁶⁵ Овсянов А.П. Форт №5. Памятник... С. 81.

⁷⁶⁶ Радковская Е. Пятый форт // Калининградская правда. 1990. 18 июля. С. 4.

⁷⁶⁷ Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский Кафедральный собор... С. 84.

также подчеркнул важность того, что в процессе ревитализации культовое сооружение сохранит свой вид «смертельно израненного великана», и «зримо будет напоминать о трагедии, пережитой народами, и контрастно подчеркивать торжество созидательного труда советских людей»⁷⁶⁸. Возможность реализации задуманного была подтверждена местным отделением Союза архитекторов СССР, а идею поддержали писательская организация, историко-художественный музей, институт «Калининградгражданпроект» и отделение ВООПИиК⁷⁶⁹.

Сплочённые действия представителей интеллигенции, за которыми стояли авторитетные культурные и научные институции, по выражению Ю.В. Костяшова, «заставили партийных чиновников дрогнуть»⁷⁷⁰ и на некоторое время смириться с идеей университетской библиотеки в соборе на острове. Однако в 1972 г. сложность консервации руинированного здания подтолкнула облисполком снова обратиться в Минкульт РСФСР с просьбой снять памятник с государственной охраны. Запрос не был удовлетворён московскими экспертами, которые придерживались мнения о необходимости продолжения охраны памятника.

В последующие годы стены собора консервировались несколько раз, в том числе за счёт средств, выделенных горисполкомом. Всё это время собор продолжал служить объектом экскурсионного показа, но вместе с тем строились планы по его функциональному использованию. Речь шла о площадке для концертов и выставок или музейной экспозиции. Похожих взглядов придерживалась писательская организация, представляемая Ю.Н. Ивановым. Она предлагала оборудовать в соборе лекционно-концертный зал общества «Знание» и монетизировать подъём на смотровую башню, а после сооружения крыши разместить в фасадной части здания музей

---

⁷⁶⁸ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 170. Л. 4–5.

⁷⁶⁹ Там же. Л. 6–10.

⁷⁷⁰ Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский Кафедральный собор... С. 85.

И. Канта⁷⁷¹ и его библиотеку⁷⁷². Тем самым, калининградское отделение Союза писателей снова выступило в ряду акторов политики памяти.

В 1970-х гг. на карте области появилось несколько мест, свидетельствовавших о многонациональной истории края. В посёлке Чистые Пруды Нестеровского района сохранились руины кирхи, где служил литовский пастор и поэт К. Донелайтис и в строительстве которой он сам принимал участие, а также пасторский дом и захоронение прославленного деятеля литовской культуры.

Ещё в 1960 г. в Литве появилась идея создать музей поэта в посёлке в преддверии 250-летия со дня его рождения. По признанию специалиста Каунасской реставрационной мастерской Н. Киткаускаса, который впоследствии занимался реализацией проекта, сама идея о восстановлении церкви была «довольно смелой» в условиях усиленной антирелигиозной пропаганды и «притеснения»⁷⁷³ литовских реставраторов. Последние составили списки памятников, стараясь при этом называть руины ансамбля словосочетаниями, которые бы не раскрывали культовый характер сооружения⁷⁷⁴.

Во время празднования 250-летнего юбилея К. Донелайтиса Калининградским облисполкомом и Министерством культуры Литовской

---

⁷⁷¹ Между тем в 1974 г. в рамках научной межвузовской конференции, посвящённой 250-летию со дня рождения И. Канта, в Калининградском государственном университете был открыт кабинет-музей философа (Иммануилу Канту посвящается // Калининградский комсомолец. 1974. 26 апр. С. 4).

⁷⁷² Костяшов Ю. В. Проблемы сохранения и использования историко-культурного наследия в деятельности писателя Юрия Иванова // Калининградские архивы. 2019. Вып. 16. С. 181.

⁷⁷³ В 1960-е гг. в Литве были законсервированы руины нескольких замков, реставрировался Тракайский замок на острове и жилой дом в Вильнюсе. По словам автора, энтузиазм литовских реставраторов «стал раздражать чиновников в Москве», что привело к нелестной статье в газете «Известия» (имеется в виду статья, авторы которой осуждали дорогостоящее восстановление «из жалких развалин» Тракайского замка в неблагоприятной экономической ситуации в Литве. См.: Коновалов Н., Пономаренко Ю. Время ли восстанавливать замки? // Известия. 1960. 19 дек. С. 3).

⁷⁷⁴ Использовались словосочетания «здание, в котором служил Донелайтис», «территория памятника» и т. п. (Охрана и воссоздание в посёлке Чистые Пруды Нестеровского района мемориальных мест К. Донелайтиса / сост. В.Н. Маслов, Е.А. Маслов // Калининградские архивы. 2013. Вып. 10. С. 113).

ССР было подписано соглашение о подготовке проекта по реставрации мемориального здания в посёлке⁷⁷⁵. Финансирование работы осуществлялось РСФСР, а научно-реставрационную деятельность вела бригада мастерских Министерства культуры Литовской ССР. При создании мемориала было также обращено внимание на просветительскую работу среди населения посёлка: были запланированы цикл бесед, лекций о творческой деятельности К. Донелайтиса, а в школе, библиотеке, клубе надлежало организовать уголки, посвящённые жизни и деятельности поэта⁷⁷⁶.

На реставрацию, архитектурно-художественную и исследовательскую деятельность ушло восемь лет. Благодаря переписке с западногерманским исследователем В. Губачем⁷⁷⁷, автором трёхтомного издания о евангелических кирхах Восточной Пруссии, реставраторы получили и смогли использовать довоенные изображения, чертежи, архивные документы. По технологиям XIV—XVIII вв. были изготовлены кирпичи, использовавшиеся в достройке стен. Удалось даже обнаружить захоронение пастора, с помощью анализа ДНК идентифицировать останки и по ним реконструировать лицо поэта, чьего прижизненного портрета не сохранилось⁷⁷⁸.

Здание кирхи предполагалось использовать для музейных и культурно-просветительских целей в качестве филиала Калининградского областного историко-художественного музея. В середине 1970-х гг. при согласовании с литовскими музейными специалистами был составлен экспозиционный план. Он включал сведения о литовском поэте, а также рассказ о современности, истории и достижениях совхоза Чистые Пруды⁷⁷⁹. Также в музее были представлены материалы о создании поэмы «Времена года», а литовские

---

⁷⁷⁵ Дом, в котором... С. 158.

⁷⁷⁶ Охрана и воссоздание в посёлке... С. 123.

⁷⁷⁷ Мемориал Кристионаса Донелайтиса в п. Чистые Пруды. Калининград; Вильнюс, 2013. С. 7, 282–289.

⁷⁷⁸ Дом, в котором... С. 158–159.

⁷⁷⁹ Охрана и воссоздание в посёлке... С. 129–130.

графики и витражисты вписали в интерьер музея сцены из произведений К. Донелайтиса⁷⁸⁰.

Торжественное открытие здания восстановленной кирхи, приуроченное ко Дням культуры Литовской ССР, состоялось осенью 1979 г. В числе участников митинга оказался заместитель председателя правления литовского Союза писателей В. Бубнис, который в своей речи упомянул, что участие в проекте обеих республик является «ещё одним проявлением нашей великой дружбы»⁷⁸¹. Благодаря восстановлению кирхи, регулярному празднованию дня рождения пастора и символизму его фигуры, имя, жизнь и творчество К. Донелайтиса следует считать одним из калининградских мест памяти.

По мнению исследователя советской истории края Д. Бриджеса, обращение к довоенному прошлому в случае с Чистыми Прудами должно было помочь и в борьбе против подъёма балтийского национализма. Помочь в сопротивлении таким настроениям, в том числе, должна была помочь фигура К. Донелайтиса «как предшественника соцреализма и борца против германского господства»⁷⁸².

Чистые Пруды стали не единственным литовским памятным местом на территории края. В марте 1968 г. отделение общества охраны памятников истории и культуры в городе Советске через местный горисполком обратилось к литовскому Союзу советских писателей с просьбой уточнить адрес проживания в Тильзите «видного литовского философа-драматурга» Видунаса⁷⁸³ с целью установки ему в городе мемориальной доски. Это предложение встретило одобрение и благодарность у литовских писателей: «Ваше внимание к памяти Видунаса — прекрасный вклад в дело дружбы наших народов». С помощью литовских историков был найден дом, где

---

⁷⁸⁰ Шнюкас Д. Тропа к поэту // Правда. 1979. 23 окт. С. 6.

⁷⁸¹ Символ братства народов // Калининградский комсомолец. 1979. 12 окт. С. 1.

⁷⁸² Цит. по: Дементьев И.О. Современная зарубежная историография... С. 244.

⁷⁸³ Под псевдонимом Видунас (лит. Vydūnas) выступал Вильгельмас Стороста (1868–1953).

проживал известный деятель культуры, и на нём летом 1969 г. установили мемориальную доску⁷⁸⁴.

Важную роль в увековечении памяти о писателе сыграл И.Я. Рутман — председатель отделения общества по охране памятников истории и культуры в Советске и активный лектор общества «Знание». Хотя главной темой его выступлений были действия Красной армии в Восточной Пруссии, И.Я. Рутман занимался и изучением довоенной истории края и непосредственно Тильзита. Причём ознакомлению с материалами по Восточной Пруссии, по словам супруги краеведа З. Максимовой-Рутман, способствовал открытый ему широкий доступ к фондам Государственной библиотеки Вильнюса⁷⁸⁵.

Советск был одним из немногих городов области с разнообразным мемориальным ландшафтом. Его памятные места увековечивали не только события Восточно-Прусской операции 1945 гг.⁷⁸⁶, но и Первой мировой войны, а также нетипичной для края темы революционных событий начала XX в.: транспортировки, в том числе через Тильзит, выпусков нелегальной социал-демократической газеты «Искра», основанной В.И. Лениным⁷⁸⁷.

Массовая кампания по увековечиванию этого эпизода истории началась с празднеств, организованных в честь 50-летия Октябрьской революции. В 1967 г. в Советске ул. Фабричная была переименована в ул. Газеты «Искра», а на ул. Карла Либкнехта, «по случайному, но оказавшемуся полным смысла совпадению»⁷⁸⁸, была установлена мемориальная доска в память о деятельности Ф. Мертинса в доме, где он проживал⁷⁸⁹. Кроме того, следы

---

⁷⁸⁴ ГАКО. Ф. Р-1976. Оп. 1. Д. 141. Л. 17, 19, 21.

⁷⁸⁵ Максимова-Рутман З. Воспоминания о И.Я. Рутмане // Балтийский альманах. 2017. №6. С. 51.

⁷⁸⁶ Включая реконструкцию воинского захоронения, ставшего мемориальным комплексом в 1975 г., когда перед танком был зажжён Вечный огонь. Было установлено 339 фамилий павших советских воинов (Рутман И. Из Советска — в Тильзит. Советск, 1993. С. 155).

⁷⁸⁷ Бершадская О.И. Указ. соч.; С чем связаны... С. 26–27.

⁷⁸⁸ К. Либкнехт защищал на Кёнигсбергском процессе немецких граждан, участвовавших в перевозке революционной газеты. В их числе был и тильзитский сапожник Ф. Мертинс.

⁷⁸⁹ Улица газеты «Искра» // Знамя коммунизма. 1967. 24 авг. С. 3.

ленинской «Искры» изучали в исторических школьных кружках и показывали в музее при местном кинотехникуме, который был обязательной точкой в экскурсионном маршруте на тему русско-немецких революционных связей⁷⁹⁰.

Таким образом, историко-культурное наследие продолжало влиять на урбанистические практики, давая возможность архитекторам разнообразить ландшафт города. Использование руин довоенных строений позволяло не только сохранить исторические здания, но и вдохнуть в них вторую жизнь, благодаря новой функции вписать в современные реалии. Главными движущими силами этого процесса становились городские предприятия и организации, учреждения культуры и образования, а также общественные организации, а в качестве координатора выступали городские власти. Основных подходов к ревитализации было два: музеефикация и консервация, в некоторых случаях граничащая с восстановлением.

Таким образом, во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг., несмотря на регулярную актуализацию властями области сложившегося десятилетия назад исторического нарратива, казавшегося монолитным, происходило умножение количества акторов памяти (калининградские отделения Союза архитекторов и Союза писателей, ВООПИиК, индивидуальные акторы из числа городских властей и интеллигенции), оказывавших влияние на формирование культурной памяти. С одной стороны, многие из них выступали с инициативами, упрочивающими традиционный нарратив о первостепенности памяти Великой Отечественной войны и, в том числе, Восточно-Прусской операции 1945 гг. Другие выступали адвокатами восточнопрусского наследия и пытались расширить рамки популярного исторического знания и памятных мест посредством создания художественных и научных текстов, более объёмной репрезентации истории

---

⁷⁹⁰ Кольцова И. Маршрут назывался «Кожа» // Калининградская правда. 1980. 4 апр. С. 3; Семёнов Л. Музей на улице «Искры» // Калининградская правда. 1980. 24 янв. С. 4

в музейных экспозициях, а также идеи ревитализации зданий, ряд которых был реализован.

В условиях (само)цензурных и экономических ограничений лишь немногие способы адаптации довоенного наследия доходили до массового потребителя, что мешало успешной социальной деятельности и сохранению историко-культурного наследия. В качестве безопасной сферы просветительских изысканий прочно утвердились темы истории культуры и науки, а некоторые памятники довоенного прошлого стало возможным вывести из тени идеологического забвения благодаря презентации их как достопримечательностей, востребованных в туристической сфере. Общей тенденцией стало стремление акторов политики памяти и её посредников к закреплению своеобразия окружающего пространства, в том числе путём увековечивания памяти о трудовом подвиге переселенцев по возрождению разрушенного войной края.

Глава 4. Смена исторического нарратива в условиях перестройки (1985—1991 гг.)

Перестройка для Советского Союза и его граждан стала временем кардинальных перемен, имевших глубокие политические, социально-экономические и культурные последствия. Провозглашение политики гласности стало мощным катализатором изменений, сыгравших значимую роль в реконфигурации политики памяти, умножении количества её акторов, отказе от коммунистической идеологии и пересмотре всего исторического пути страны.

В четвёртой главе будет рассмотрено, как в период перестройки в Калининградской области менялся присутствовавший в публичном пространстве исторический нарратив, какие факторы влияли на этот процесс и в какой степени он соотносился с общими для всей страны тенденциями в этой сфере. Особое внимание при этом будет уделено источникам, повлиявшим на уровень осведомлённости граждан об истории края, а также основным проблемам, вокруг которых фокусировались дискуссии о прошлом. Кроме того, будет охарактеризована деятельность неформальных общественных объединений, выступавших в роли самостоятельных акторов политики памяти — прежде всего относительно культурно-исторического наследия области.

4.1. «Историческая революция»: общесоюзные тенденции, региональные дискуссии, создание неформальных объединений

Н.В. Елисеева считает, что идеологическим оформлением исторической политики государства занимались непосредственно генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв и заведующий отделом пропаганды ЦК партии А.Н. Яковлев, который «вполне сознательно» административировал процессы, связанные с идеологией, культурой и информацией в русле «отвержения»

социализма⁷⁹¹. В связи с этим на первом этапе перестройки в 1985–1986 гг. значимыми были обращение М.С. Горбачёва к профессиональному историческому сообществу, смена главных редакторов общественно-политических журналов, санкционирование печати или обсуждения публикаций литературных произведений с критическим взглядом на практику строительства социализма и освещение так называемых «белых пятен» в истории⁷⁹². Между тем в калининградской периодике эти темы не поднимались, а локальный исторический дискурс не изменялся: главными событиями в эти годы, подлежавшими коммеморации, стало 40-летие Победы и образования области.

К грядущему юбилею в 1985 г. вышел справочник о памятниках и памятных местах области⁷⁹³, половина содержания которого была тематически посвящена Великой Отечественной войне. Довоенная история была представлена несколькими памятниками революционерам, монументами, прославляющими победы русского оружия XVIII—XIX вв. или связанными с именами нескольких деятелей науки и культуры края — И. Канта, Ю. Руппа, Ф.В. Бесселя, Ф. Шиллера, К. Донелайтиса. Методические рекомендации для пропаганды памятников от местного отделения ВООПИиК также были сосредоточены на военно-патриотических сюжетах⁷⁹⁴.

В 1986 г. на стандартной исторической экскурсии по городу туристы осматривали памятники боевой и трудовой славы, захоронение И. Канта и современные новостройки города, а также посещали экспозицию филиала историко-художественного музея «Блиндаж»⁷⁹⁵. Сам музей в 1986 г. выпустил брошюру-путеводитель, в которой была представлена традиционная

---

⁷⁹¹ Елисеева Н.В. Формирование исторической политики... С. 20.

⁷⁹² Там же. С. 22–23; Новикова М.В. Указ. соч. С. 26, 28.

⁷⁹³ Колганова Э.М., Строкин В.Н. Страницы памяти... |

⁷⁹⁴ Охрана и использование памятников: методические рекомендации для пропаганды памятников истории и культуры. Калининград, 1986.

⁷⁹⁵ Лебединская Т. Начинается с познания // Калининградский комсомолец. 1986. 2 июля. С. 3.

интерпретация истории края⁷⁹⁶. В газетах по случаю юбилея публиковались материалы и воспоминания переселенцев о становлении края⁷⁹⁷.

В 1987 г. с новым этапом перестройки в политической жизни страны стала активнее использоваться гласность. Ретроспектива исторического пути страны, по мысли М.С. Горбачёва, должна была пойти по двум векторам: десталинизации и «обновления» социализма на «ленинских началах»⁷⁹⁸. Отголоски этой политики видны и в калининградском дискурсе. Если в 1988 г. на страницах прессы дискутировали о роли И.В. Сталина в истории страны и призывали не смотреть на «эту проблему однобоко», то в 1991 г. при обнаружении белого гранитного бюста вождя, как отмечалось в газетной заметке, «партийные власти от прав на такое наследие упорно отказываются»⁷⁹⁹.

Революционная и вместе с тем ленинская тематика в Калининградской области нашла отражение в праздновании юбилея 70-летия Октября. К примеру, художникам области предлагалось создать произведения, раскрывавшие сюжеты «трудовой и общественной активности советского народа», а также борьбы за укрепление мира, против империализма и угрозы ядерной войны. В канун приближающегося праздника была выявлена некачественная подготовка к областной художественной выставке: из 43 членов местной организации Союза художников подготовили работы только 9. Однако и представленные произведения искусства лишь отдалённо соответствовали заявленной тематике. Начальник управления культуры Калининградского облисполкома И. Гречко связал пассивность художников с отсутствием «творческой атмосферы, гражданской активности»⁸⁰⁰. Вместе с

---

⁷⁹⁶ Калининградский областной краеведческий музей. Калининград, 1986.

⁷⁹⁷ Ср.: Кузнецова А. Сохрани историю // Калининградский комсомолец. 1986. 10 окт. С. 2; Квитченко О. Как это было // Там же. 11 июня. С. 2.

⁷⁹⁸ Новикова М.В. Указ. соч. С. 29; Елисеева Н.В. Формирование исторической политики... С. 23–24.

⁷⁹⁹ Сафиулов О. Как же так? // Калининградский комсомолец. 1988. 7 мая. С. 8; Последний раз... // Проспект мира. 1991. 2 фев. С. 1.

⁸⁰⁰ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 848. Л. 8–9, 21.

тем, опубликованные к празднику статьи, посвящённые В. И. Ленину, как и по всей стране, актуализировали разработанные им принципы деятельности Советского правительства и совершенствования аппарата управления⁸⁰¹.

Ещё одним аспектом переосмысления советского прошлого стала Великая Отечественная война. В центре внимания советских историков находились вопросы о причинах Второй мировой войны, степени готовности СССР к обороне и боеспособности Красной армии, особенно на первом этапе военных действий, оценке роли И.В. Сталина и т. п.⁸⁰² Однако пересмотр этих положений был чреват радикализацией выводов. И.А. Гордеев замечал, что попытки «полного отрицания» прежних достижений историографии, в том числе в оценке Победы в Великой Отечественной войне, «вызывают тревогу»⁸⁰³.

Кроме того, регулярный мониторинг военно-патриотического воспитания трудящихся в 1987 г., показал, что деятельность в этом направлении ведётся «компанейски» и обычно активизируется в период подготовки к юбилеям, а план по увековечиванию имён всех погибших на территории области солдат всё ещё не выполнен⁸⁰⁴. Вместе с тем в Калининграде обсуждались задачи достойного сохранения памяти о войне путём реставрации, более полного отражения всех событий в музейных экспозициях и создания новых памятников⁸⁰⁵. Особенно дискуссионной оказалась идея о создании второй очереди мемориала на Гвардейском проспекте, одобренная в феврале 1988 г. горисполкомом⁸⁰⁶.

Неоднократно высказывалось мнение, что новая очередь разрушит

---

⁸⁰¹ Ср.: Крухмалёв А. Социализм: обновление на собственной основе // Калининградская правда. 1987. 22 апр. С. 2; Комаров Е. Ленинское наследие и перестройка // Калининградский комсомолец. 1987. 25 окт. С. 2.

⁸⁰² Новикова Н.В. Указ. соч. С. 35.

⁸⁰³ Гордеев И. Как мы победили // Калининградская правда. 1991. 14 июня. С. 3.

⁸⁰⁴ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 97. Д. 120. Л. 71–73.

⁸⁰⁵ См.: Ведута Г. Во имя памяти // Калининградская правда. 1989. 27 июля. С. 4.

⁸⁰⁶ Оказалось, что проектные решения, рассматривавшиеся в прошлый период, не были реализованы.

ансамбль существующего с 1945 г. памятника, но наиболее действенный аргумент был высказан в письме в редакцию газеты студентами супругами Сазоновыми: «Нужна ли вторая очередь мемориала, когда первая в плачевном состоянии?»⁸⁰⁷ Кроме того, равнодушные калининградцы предлагали вместо возведения новых конструкций благоустроить существующие захоронения или вовсе потратить средства на улучшение материальной поддержки ветеранов⁸⁰⁸. Также реконструкция существующего памятника ставила моральный вопрос: стоит ли восстанавливать профиль И.В. Сталина на обелиске, исчезнувший в 1960-е гг., ведь это может рассматриваться как «кощунство по отношению к памяти павших героев»⁸⁰⁹.

В 1990 г. среди обсуждаемых в прессе вопросов оказались эстетические и символические особенности некоторых советских памятников, включая объекты военной техники на пьедесталах, часто воздвигаемые в прошлые десятилетия. Так, автор заметки в газете «Страж Балтики» Л. Иванова выразила мнение, что у таких памятников «“ноль” эстетического воздействия. По своему художественному воплощению они — никакие». Их многочисленность также трактовалась неоднозначно: «Сколько бы их ни было, вряд ли они прибавят нам самим патриотизма и почтения к героям»⁸¹⁰. Сомнение в востребованности подобных памятников у горожан и наличии у них воспитательных функций вызвали обвинения в кощунстве и оскорблении ветеранов войны со стороны других участников дискуссии⁸¹¹.

В конце 1980-х гг. увенчалась успехом инициатива общественности, выступавшей за увековечивание памяти подводника А.И. Маринеско, который 30 января 1945 г. у берегов Восточной Пруссии принял решение

---

⁸⁰⁷ Два письма на одну тему // Калининградская правда. 1988. 8 июля. С. 3; Боровская Н. Память и памятник // Там же. 4 сен. С. 2.

⁸⁰⁸ Память и памятник // Калининградская правда. 1988. 16 окт. С. 2; Манютин А. Синдром беспамятства // Страж Балтики. 1991. 5 июня. С. 3.

⁸⁰⁹ Доброумов А. Не трогать мемориал // Калининградская правда. 1988. 10 дек. С. 2.

⁸¹⁰ Иванова Л. Пьедестал для «временки»? // Страж Балтики. 1990. 25 октября. С. 4.

⁸¹¹ Агеев В. Надо ли разрушить памятники? // Страж Балтики. 1991. 14 фев. С. 4.

торпедировать крупную плавучую казарму военно-морского флота Германии «Вильгельм Густлофф»⁸¹². При наличии профессиональных заслуг за нарушение военной дисциплины А.И. Маринеско не был удостоен высшей государственной награды, поскольку, по выражению одного из авторов статей, «не вписывался в прокрустово ложе казённых представлений о “положительном образце”». Однако народная слава командира подводной лодки «С-13» позволила в 1989 г. в школе № 5 города Светлого открыть музей. Одновременно созданный в Калининграде общественный комитет «Маринеско» организовал кампанию по присвоению одной из набережных города его имени, а также установку памятника⁸¹³. Безусловным аргументом в пользу этой инициативы стало посмертное признание Указом Президента СССР М.С. Горбачёва подводника Героем Советского Союза 5 мая 1990 г.⁸¹⁴

На фоне памяти о Великой Отечественной войне проблемной виделась коммеморация войны в Афганистане. Политолог Н.С. Авдоница пришла к выводу, что сохранение исторической памяти о конфликте в условиях «открытия войны» для общественности было изначально возложено на средства массовой информации⁸¹⁵. На страницах калининградской прессы так же, как и по всей стране, стали появляться статьи о погибших и воспоминания участников событий, а благодаря энтузиастам и военным запаса, вслед за другими городами, была озвучена идея создать аллею Славы, назвать несколько улиц именами воинов-афганцев и установить общий памятник в одном из знаковых мест областного центра. Осенью 1988 г. Калининградский горисполком поддержал предложения советов ветеранов-интернационалистов и военных комиссаров и принял решение о сооружении памятника частично

---

⁸¹² Широко обсуждался вопрос: были ли в данном случае А.И. Маринеско соблюдены этические правила военного времени и наличие больших потерь среди гражданского населения, находившегося в момент атаки на борту (например: Кочкуров Ю. Маринеско действовал по правилам // Калининградская правда. 20 июля. 1991. С. 4).

⁸¹³ Венок на воду // Калининградский комсомолец. 1989. 27 окт. С. 3.

⁸¹⁴ На памятник герою // Калининградская правда. 1990. 3 окт. С. 4.

⁸¹⁵ Авдоница Н.С. Метаморфозы исторической памяти о войне в Афганистане (1979–1989) // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 338, 345.

на бюджетные средства и частично за счёт пожертвований⁸¹⁶. Новость об этом была встречена с пониманием не всеми горожанами. Пенсионер П. Сергеев был не согласен с тем, что памятник сооружают не по случаю победы и в то время, когда «события продолжаются и конец неизвестен»⁸¹⁷. Позицию П. Сергеева разделяли некоторые другие калининградцы, которые были против напоминания о сотнях напрасно потерянных жизней и затраченных средствах⁸¹⁸. Тем не менее горисполком санкционировал церемонию закладки камня на месте будущего мемориального знака.

Два варианта предоставленных на конкурс проектов памятника воинам-интернационалистам были отвергнуты, поскольку их авторы «слишком однозначно судят об афганской войне»: в скульптурных формах должны были быть репрезентированы «не только боль и скорбь этой войны, но и светлые подвиги воинов-интернационалистов»⁸¹⁹. В 1990 г. получил одобрение проект архитектора В. Еремеева, предложившего оригинальную конструкцию в виде звезды⁸²⁰.

В Балтийске также возникла инициатива установки памятника в виде бронетранспортёра, но местные активисты усомнились в таком материальном воплощении: «В Балтийске и так — то памятник-танк, то памятник-пушка, то боевой катер. Нужно ли ставить в крохотном зелёном сквере ещё и БТР?». Вместо этого автор заметки Г. Петровская предложила в качестве

---

⁸¹⁶ Алексеева Т. Сын // Калининградский комсомолец. 1988. 7 мая. С. 8; Журба Н. ...это нужно живым // Калининградская правда. 1988. 8 нояб. С. 3.

⁸¹⁷ Сергеев П. По поводу памятника // Калининградская правда. 20 нояб. 1988. С. 2.

⁸¹⁸ О памятнике воинам-интернационалистам // Калининградская правда. 1989. 15 янв. С. 2; Перова Н. В перекрестье мнений // Там же. 12 фев. С. 3.

⁸¹⁹ Юрьев И. Памяти товарищей // Калининградский комсомолец. 1989. 25 фев. С. 9; Максимов Д. Каким быть памятнику // Там же. 25 марта. С. 9; Хроменко Н. Памятник будет сооружён // Калининградская правда. 1989. 30 марта. С. 2.

⁸²⁰ Проект памятника представлял собой пять арок, образующих в плане пятиконечную звезду. Изобретённая форма должна была «навевать представление» об архитектуре Афганистана и возвращать к русской традиции создания часовен в честь ратных событий. Памятник изначально предполагалось установить рядом с Астрономическим бастионом, отсюда солдаты уходили на службу на войну. Однако памятник был открыт лишь в 1998 г. в парке культуры и отдыха «Юность» (Борисов Н. Таким будет памятник // Калининградская правда. 1990. 11 апр. С. 4).

компромисса присвоить скверу имя интернационалистов и установить стелу⁸²¹. Переименование двух улиц произошло в Черняховске⁸²².

На очередном этапе гласности, длившемся с конца 1988 до 1990 г., по наблюдениям Н.В. Елисейевой, в советской исторической политике была проведена «разработка антиленинианы»⁸²³. В области этот процесс проявился в рассмотрении судьбы изваяний как самого В.И. Ленина, так и М.И. Калинина, П.Т. Морозова и других символов прошлых десятилетий. Как заметила журналистка Н. Николаева, «колесо истории повернулось», и теперь советские памятники так же, как совсем недавно немецкие, «взывают о помощи»⁸²⁴. Ответственный за охрану памятников заместитель председателя местного отделения ВООПИиК Н. Ковалёв высказался против демонтажа политических памятников, зарегистрированных официально, но не возражал против «спокойного и цивилизованного» снятия с пьедесталов «тиражированных поделок»⁸²⁵.

Векания перестройки были учтены при создании новой экспозиции Калининградского историко-художественного музея. На заре государственных реформ в 1986 г. она включала три раздела, посвящённых природе края, Восточно-Прусской операции 1945 гг., а также образованию, становлению и развитию области. По замечанию инспектора управления культуры В. Коцебенковой, больше всего усилий к указанному сроку было приложено к военно-историческому разделу. Преобразование остальных разделов находилось на начальном этапе⁸²⁶.

Необходимость радикальных перемен в музее назрела позже. Одна из первых иностранок, посетившая область, кинематографистка из Западной Германии И. Мюлен так описала увиденное в музее в начале апреля 1989 г.:

---

⁸²¹ Петровска Г. Как увековечить память? // Калининградская правда. 1990. 22 марта. С. 3.

⁸²² Анатольев Ю. Памяти земляков // Калининградская правда. 1989. 20 авг. С. 1.

⁸²³ Елисейева Н.В. Формирование исторической политики... С. 25.

⁸²⁴ Память и памятники // Калининградская правда. 1991. 19 окт. С. 3.

⁸²⁵ Окунь Л. Историю переписать нельзя // Калининградская правда. 1991. 5 сен. С. 3.

⁸²⁶ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 815. Л. 26–27.

«Немецкому прошлому отведён только один стенд. На нём процесс против социалистов и их защитник Карл Либкнехт, портрет Тельмана, который посетил город в 1925 году, университет и учёный Кант». Директор музея Е. Пенкина, сопровождавшая гостью, заверила, что в будущем музей расширится, а экспозиция будет полнее рассказывать об истории региона⁸²⁷.

В конце апреля в постановлении коллегии управления культуры облисполкома было зафиксировано, что «изменились общественные взгляды на развитие социализма в нашей стране» и, в связи с этим, требовалась разработка более актуальной концепции раздела советского периода, а также новых подходов к истории досоветского прошлого области. Признавалось, что на протяжении всей истории музея сбор и комплектование фондов концентрировался вокруг узкой темы славы русского оружия, что послужило причиной скудости содержания фонда в отношении довоенного периода⁸²⁸.

Исследовательница российского музейного дела С.А. Потапова замечает, что к концу 1980-х гг. советские музеи «оказались на распутье», поскольку их концептуальное устройство зиждилось, по мнению автора, на «ложных» основах, а новые пути развития ещё только предстояло выработать⁸²⁹. Калининградский музей также попал в зону турбулентности, но в то же время у коллектива музея появился мощный импульс для развития. В 1989 г. в музее прошла скромная, но знаковая выставка⁸³⁰ под названием: «Кёнигсберг. Город и время»⁸³¹. На ней были впервые представлены книги, гравюры, открытки о Кёнигсберге, изделия кёнигсбергских ремесленников. Работы над экспозицией велись вплоть до 1991 г., когда 14 сентября в новом

---

⁸²⁷ Мюлен И. Поездка в Калининград // Калининградская правда. 1989. 6 апр. С. 4.

⁸²⁸ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 905. Л. 7.

⁸²⁹ Потапова С.А. Преобразование музеев политической истории как отражение государственной политики России: 1917–2009 гг.: Дис. канд. ист. наук. М., 2010. С. 81.

⁸³⁰ Выставки калининградского и кёнигсбергского искусства ещё несколько раз проводились в городе (Горенко Е. Город Канта // Калининградская правда. 1990. 1 июня. С. 4; Комарова А. Кёнигсберг и Калининград // Там же. 1991. 30 июля. С. 3; Романова Н. Спешите видеть // Там же. 1991. 27 нояб. С. 4).

⁸³¹ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9. Л. 22–29.

здании бывшего городского концертного зала открылась новая экспозиция⁸³².

Руководитель первого⁸³³ районного музея в Правдинске В. Зайцева также нашла в «отказе от идеологической зашоренности» вдохновение, что позволило музею «полнее, объективнее» строить экспозицию. Так, рассказ об истории города стал начинаться с основания Фридланда в 1312 г.⁸³⁴

Несомненно, богатым ресурсом для более объективного представления прошлого, в том числе и в музее, стали рассекреченные исторические документы и предоставление свободного доступа к ним. Открытие архивов способствовало обогащению новыми знаниями и «запоздалой правдой» сразу нескольких периодов истории края. Историки и краеведы стали работать с документами, рассказывающими об инженерных сооружениях Кёнигсберга, материалами о советских гражданах, погибших в концентрационных лагерях на территории Восточной Пруссии, данными о повседневной жизни немецкого населения после войны в Калининградской области⁸³⁵. Кроме того, снятие ограничений позволило самим архивам пополнять свои фонды документами об истории края из других архивов страны, в том числе из соседних республик⁸³⁶.

Практическим результатом открытия свободного доступа к информации стала публикация репринтных⁸³⁷ и оригинальных краеведческих изданий. Во

---

⁸³² Дом, в котором... С. 120.

⁸³³ К концу 1980-х гг. в качестве филиала областного музея был образован второй музей в области в Советске. Однако из-за сложностей финансирования он был открыт для посетителей уже в постсоветский период (Попов А.Г. Указ соч. С. 249; Вишняков И. Анжелика Шпилёва: «Музей — это место, где живёт память». URL: <http://vis39.ru/news/4494> (дата обращения: 03.04.2024).

⁸³⁴ Зайцева В. Не в музейной тишине // Калининградская правда. 1990. 15 авг. С. 3.

⁸³⁵ Азарова Ж. История как она есть // Калининградская правда. 1989. 15 июля. С. 3; Овсянов А.П. Многие расскажут архивы // Там же. 1990. 20 мая. С. 4; Беспалов А. Архивы раскрывают тайны // Янтарный край. 1991. 14 окт. С. 5.

⁸³⁶ Так, Государственный архив Калининградской области стал делать копии из центральных архивов СССР по истории и народному хозяйству края, истории русско-пруссских отношений, ганзейских городов, фотокопии и другие материалы из Ольштынского архива в Польше (Васильева Н. День без секретов // Калининградская правда. 1990. 7 июня. С. 4).

⁸³⁷ В 1991 г. вышли репринтное переиздание книги 1915 г. французского историка Э. Лависса «Очерки по истории Пруссии», книга 1924 г. профессора Кёнигсбергского

многим первые работы имели обзорный характер, содержали неточности и могли быть написаны историками, воспитанными на классической марксистской теории, но их появление было обусловлено желанием удовлетворить потребность и интерес читателя к истории края⁸³⁸.

Десятого апреля 1989 г. в Калининградском университете прошла конференция под названием «Проблемы исторического краеведения в Калининградской области». На ней была обозначена необходимость всестороннего исследования досоветского периода края, с первостепенной разработкой таких тем, как отношение к культурному наследию прошлого, этапы государственности в бывшей Восточной Пруссии, особенности источниковедения исторического краеведения⁸³⁹. В 1991 г. Ю.В. Костяшов констатировал, что «систематическое изучение исторической эпохи до 1945 г. только начинается», а разработать современную концепцию истории края, включающую наследие отечественной, немецкой, польской, литовской историографии и отражающую сложные процессы этнокультурного взаимодействия в регионе ещё предстоит⁸⁴⁰. Одновременно под руководством учёного и при поддержке историко-художественного музея к концу советского периода было проведено шесть научных экспедиций по области, положивших начало традициям работы с устной историей⁸⁴¹ в крае, что, в свою

университета Карля «Кант и старый Кёнигсберг», перевод которой был сделан более чем 30 годами ранее калининградским учёным А.Н. Хованским, а также труд 1893 г. М.М. Филиппова «Эм. Кант. Его жизнь и философская деятельность». Кроме того, публиковались фрагменты из мемуаров А.Т. Болотова о пребывании в Кёнигсберге в XVIII в.

⁸³⁸ Бирковский В.Г., Исупов В.С., Фарутин И.А. История нашего края: пособие для учащихся. Калининград, 1990; Губин А.Б. Если вы в Калининграде впервые: путеводитель. Калининград, 1990; Губин А.Б., Строкин В.Н. Очерки истории Кёнигсберга. Калининград, 1991; Лавринович К.К. Орден крестоносцев в Пруссии. Калининград, 1991; Клемешева М.А. Очерки истории края. Калининград, 1991.

⁸³⁹ Клемешева М. Проблемы краеведения // Калининградский университет. 1989. 10 апр.

⁸⁴⁰ Костяшов Ю. О переселенцах без прикрас // Калининградская правда. 1991. 18 июня. С. 3.

⁸⁴¹ В 1989 г. на историческом факультете КГУ было создано отделение Всесоюзной ассоциации молодых историков, одним из проектов которой как раз стала запись интервью переселенцев (Клемешева М. Знать свой край // Калининградская правда. 1989. 28 марта. С. 3).

очередь, соответствовало тенденции перестройки «проговаривания прошлого», когда «новый нарратив конструировался в первую очередь на личных воспоминаниях»⁸⁴².

Изменения исторического нарратива и его новые контуры можно изучить на материалах региональных СМИ и телевидения. Перестройка не только вдохнула жизнь в областную журналистику, но и способствовала созданию новых информационных ресурсов⁸⁴³.

Среди перестроечных периодических изданий были как самиздатовские журналы⁸⁴⁴, так и официально зарегистрированные газеты⁸⁴⁵. Так, статус периодического издания получил «Кёнигсбергский курьер», чья регистрация вызвала затруднение из-за названия. Сотрудница Калининградского отделения Советского фонда культуры Н.П. Перетьяка вспоминала, что московский чиновник из Роспечати возразил, что «не может быть курьера несуществующего города Кёнигсберга»⁸⁴⁶. Чтобы доказать служащему его неправоту, писатель и общественный деятель Ю.Н. Иванов обратился в «Литературную газету» с просьбой о том, чтобы её читатели написали ему письмо, в адресной строке которого будет значиться название города «Кёнигсберг». Всего Ю.Н. Иванову было прислано 87 писем и открыток из Калининградской области и различных городов РСФСР, а также из Украины,

---

⁸⁴² Новикова М.В. Указ. соч. С. 32.

⁸⁴³ Особенно после того, как формально 12 июня 1990 г. законом «О печати и других средствах массовой информации» было признано существование в СССР цензуры и её запрет (Елисеева Н.В. История перестройки в СССР 1985–1991 гг. М., 2017. С. 410).

⁸⁴⁴ Например, три экспериментальных выпуска альманаха «Кафедральный собор» 1989–1990 гг., в которых можно было в том числе встретить историческую справку о Пруссии, переводы с немецкого о пруссах и справку о христианском миссионере Адальберте, или ротاپринтная газета «Вестник Солидарности» (Дементьев И.О. «Что я могу...». С. 208–209).

⁸⁴⁵ Так, в конце 1990 г. прекратила существование газета «Калининградский комсомолец», журналистский коллектив которой стал выпускать еженедельник «Перспектив мира». В Черняховске вышел первый выпуск газеты «Возрождение», учреждённой ассоциацией представителей культуры и искусства. В первом номере было напечатано обращение к горожанам с просьбой о помощи в восстановлении кирхи в центре Черняховска, составлении исторической хроники Инстербурга и др. (Нагорных Е. Монитор // Калининградский комсомолец. 1990. 27 окт. С. 1).

⁸⁴⁶ Перетьяка Н.П. Причалы Юрия Иванова... С. 91.

Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Молдавии, Литвы и КНДР. В 75 письмах было одобрено возвращение названия «Кёнигсберг», 5 корреспондентов были категорически против, остальные авторы ратовали за другие варианты переименования, либо не выразили никакой позиции на этот счёт⁸⁴⁷.

Начиная с 1988 г. в калининградской прессе наблюдался устойчивый интерес к истории края, преимущественно довоенной⁸⁴⁸. Авторами публикаций становились люди разных профессий, но неизменно «с краеведческой жилкой»⁸⁴⁹, а также рядовые жители области, направлявшие в редакции письма со своими мнениями⁸⁵⁰.

На областном телевидении стали показывать передачи об историко-культурных памятниках. Ведущая информационно-художественного обозрения «Палитра» объяснила, что эта тема была поднята в эфире, поскольку работники телевидения убеждены, что «мы должны знать историю своего края» и «у нас есть, что изучать, есть что беречь — для нас, для наших детей, для наших внуков»⁸⁵¹.

Отдельным сегментом исторической повестки стали тексты, поднимавшие вопрос об утраченном культурном наследии и осознании масштабов разрушенного. Руинированные и исчезающие сельские кирхи,

---

⁸⁴⁷ Фостова С.А. «Давайте сделаем небольшой эксперимент»: письма жителей СССР о переименовании Калининграда в 1991–1992 гг. // Новое прошлое. 2022. № 4. С. 236–258.

⁸⁴⁸ Диспропорция подтверждается контент-анализом исторических статей в крупнейшей газете области «Калининградская правда» 1985–1991 г.: из общего объёма публикации только 34 % были посвящены советскому периоду (Стальмакова А.В. Проблемы советской истории на страницах калининградской партийной прессы в период перестройки // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Красноярск, 2023. С. 75.

⁸⁴⁹ Николаева Н. История не терпит искажений // Калининградская правда. 1991. 5 мая. С. 2.

⁸⁵⁰ Н.В. Елисеева, считает, что письма граждан СССР в период перестройки по содержанию существенно отличались от писем предшествующего периода: в отличие от распространённых ранее «писем-жалоб» это были «письма-размышления» о современности, «письма-предложения» по реформированию, а также «письма-суждения» по проблемам исторического прошлого страны (Елисеева Н.В. Письма советских граждан в средства массовой информации как источник по изучению глобальной трансформации Советского Союза и России в конце 1980 — начале 1990-х гг. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 98).

⁸⁵¹ ГАКО. Ф. Р-19. Оп. 4. Д. 1673. Л. 128–129.

замки, усадьбы и памятники регулярно становились сюжетом для публикаций, где часто присутствовали эмоции сожаления. Так, для некоторых «отдавалась болью» потеря остатков Кёнигсбергского замка и руинированный Кафедральный собор⁸⁵², а состояние Фридрихсбургской крепости рассматривалось как «пример пренебрежительного отношения к историческим и культурным ценностям, выявляющий всю нашу беспечность и близорукость»⁸⁵³.

Резонансным оказалась и перепечатка в местной прессе статьи журналистки Е. Скворцовой, вышедшей в московском еженедельнике «Мегаполис-экспресс» в 1991 г., в которой история и современный день области были окрашены в мрачные тона: нищета, бездорожье, бесхозяйственность, мародёрство на могилах русских солдат Первой мировой войны⁸⁵⁴, неухоженность памятников. Отдельной критике подверглись «равнодушные переселенцы-временщики», которые, на её взгляд, не желали и не умели пользоваться достижениями предшественников, из-за чего сегодня стыдно и «нестерпимо больно за порушенную на земле Канта и Шиллера — а теперь и их [переселенцев. – С.Ф.] земле — культуру, стыдно за неуважение к чужим могилам». Однако, невзирая на мрачность интонации, журналистка утверждала, что «наконец заявили о себе люди, которые небезразличны к истории земли»⁸⁵⁵.

Журналист редакции «Калининградской правды» Б. Нисневич, опубликовавший подборку комментариев к этой статье, заметил, что, хотя ничего нового Е. Скворцовой не было сказано, отклик был «взрывной»⁸⁵⁶.

---

⁸⁵² Азарова Ж. История как она есть // Калининградская правда. 1989. 15 июля. С. 3.

⁸⁵³ Боровская Н. Камни взывают о помощи // Калининградская правда. 1987. 15 нояб. С. 2.

⁸⁵⁴ Российские захоронения Первой мировой войны незадолго до этого стали обсуждаться в прессе, начались и целенаправленные поиски могил (Боровская Н. Безымянные могилы // Калининградская правда. 1989. 6 авг. С. 3; Кретинин Г. Восточная Пруссия, август четырнадцатого... // Калининградская правда. 1989. 11 авг. С. 3).

⁸⁵⁵ Скворцова Е. На что нам с тобою чужая земля? // Калининградская правда. 1991. 11 июля. С. 2.

⁸⁵⁶ Нисневич Б. И всё же обидимся... конструктивно // Калининградская правда. 1991. 23 июля. С. 3.

Авторы писем настаивали на том, что столичная журналистка не учитывала в своих трактовках истории послевоенные реалии, излишне обобщала на основе специально подобранных фактов и не усмотрела, что виноват не народ, а руководители с «новым порядком»⁸⁵⁷, который «не позволял считать немцев цивилизованным народом»⁸⁵⁸.

Учитывая, что в прессе высказывались зачастую полярные мнения – от традиционного, отождествлявшего немецкое с враждебным, до перестроечного, представлявшего всё немецкое как превосходящее советское, – наследие, связанное с культурой и наукой, продолжало оставаться компромиссной сферой взаимодействия. Об этом говорила, например, историк М.А. Клемешева, когда в интервью с ней был затронут вопрос о восстановлении памятников: «Речь идёт не обо всех памятниках культуры, а только о самой передовой культуре прошлого края. Никто же не призывает возрождать памятник Бисмарку, например»⁸⁵⁹.

Культурное наследие стало посредником между двумя эпохами, и поэтому одной из тенденций общественного обсуждения стала легитимизация преемственности и сохранения исторических памятников в широком смысле. Неизменной точкой фокусировки в этом явлении был Калининград, но и другие города также попадали в дискуссионную повестку. К примеру, в конце 1980-х гг. архитекторы забили тревогу, что в Зеленоградске, который имел «исключительно большую архитектурную ценность», не было зарегистрировано ни одного официального памятника архитектуры. Также

---

⁸⁵⁷ Прокомментировавшие тезисы Е. Скворцовой местные историки также выводили борьбу с историческим прошлым в предшествовавшие десятилетия из политических директив периода ждановщины, направленных против «низкопоклонства перед иностранщиной» (Гордеев И., Салихов А. Для кого калининградская земля — чужая? // Калининградская правда. 1991. 24 авг. С. 3).

⁸⁵⁸ «Пусть земля советская будет здесь навек» // Калининградская правда. 1991. 19 июля. С. 1.

⁸⁵⁹ Перова Н. Прослеживая связь времён // Калининградская правда. 1989. 17 мая. С. 3.

посёлки Железнодорожный и Домново⁸⁶⁰ с хорошо сохранившейся довоенной инфраструктурой стали представляться как образцы красоты и удобства жизни⁸⁶¹.

Проявленное беспокойство относительно сохранения неповторимости облика городов с длительной историей также соответствовало всесоюзной тенденции⁸⁶². Инициатива создания историко-градостроительных опорных планов, учитывавших своеобразие застройки нескольких городов, была проявлена облисполкомом осенью 1987 г.⁸⁶³, а на будущий год реконструкция районов Калининграда с довоенной застройкой была включена в генплан⁸⁶⁴.

Идея преемственности и рефлексия над историческими процессами, происходившими в перестройку, вылились в том числе в появление понятия особой калининградской идентичности. Отправной точкой дискуссии стала публикация «Калининградского комсомольца» в апреле 1988 г. «Открытого письма в метрополию» 30-летнего «самодеятельного художника», литератора В. Храпты. Автор негодовал по поводу узости исторического нарратива о прошлом края, упоминая о том, что «история города в краеведческом музее начинается с 1946 г.», а сведения о довоенном прошлом «можно получить только подпольным путём». Он также перечислял примеры утраченного культурного наследия и максималистски заявлял о том, что «все старательно стёрто с лица земли. И продолжает стираться». Вместе с тем В. Храпта

---

⁸⁶⁰ См. Крети́нин Г.В. Домнау / Домново как «место памяти» // *Honoris causa*. сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева / ред. и сост. И.О. Дементьев. СПб., 2016. С. 217–224.

⁸⁶¹ Красовская О., Майзель И. Архитектурный образ города-курорта // Калининградская правда. 1987. 10 окт. С. 2; Пясковский М. Прощай, старина? // Калининградская правда. 1990. 25 нояб. С. 3.

⁸⁶² Градостроительная охрана памятников истории и культуры: сб. науч. тр. / ред. А.Ю. Беккер. М., 1987.

⁸⁶³ Для городов Тильзит-Советск, Фридланд-Правдинск, Инстербург-Черняховск, Раушен-Светлогорск, Кранц-Зеленоградск (ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1334. Л. 1–2).

⁸⁶⁴ А в 1989–1990 гг. Калининградгражданпроект совместно с Д.К. Навалихиным разрабатывал план охраняемых исторических и культурных зон Калининграда (Боровская Н. В защиту старого дома // Калининградская правда. 1988. 30 окт. С. 2; Podehl M. *Op. cit.* S. 363).

фиксирует особенности повседневного быта детей первых переселенцев, стремившихся познать свой край: первые шаги «под готическими сводами», сохранение найденных в руинах «реликвий исчезнувшей цивилизации», столкновение с неодобрением взрослых в отношении детской любознательности. По мнению автора письма, калининградцы — особый народ, «новая культура на стыке Востока и Запада», получившаяся в результате послевоенного освоения территории. Представители этого «народа» говорят и думают на русском языке, но также считают довоенную историю края своей: «Отдайте нам нашу историю. Не нужно выкручивать ей руки, не надо уродовать её лицо»⁸⁶⁵.

В своем экспрессивном тексте В. Храппа вольно обращался с фактами, упрощал и представлял прошлое края субъективно, однако ярко продемонстрировал запрос молодых калининградцев на «бескупюрную историю» и неприятие официального исторического дискурса. Кроме того, автор открыто заявлял о своей субъективной связи с культурой, долгие годы считавшейся чуждой. Поиск этой связи был характерен не только для перестроечной молодёжи, но и для предыдущих поколений⁸⁶⁶.

Письмо стало событием и вызвало большой резонанс в публичном пространстве⁸⁶⁷.

Выпуск газеты «Калининградского комсомольца», где было

---

⁸⁶⁵ Храппа В. Мы — народ // Калининградский комсомолец. 1988. 23 апр. С. 4, 9.

⁸⁶⁶ Например, Ю.Н. Иванов вспоминал, что «дети и подростки войны, пытались найти некую связь, едва приметную, зыбкую, между этим огромным, поверженным в прах, но тем не менее прекрасным и настолько пугающим городом, и нашими российскими городами, нашей Родиной, которая осталась где-то “там”, на востоке» (Иванов Ю. Возвращение памяти // Калининградский комсомолец. 1989. 17 июня. С. 7).

⁸⁶⁷ Впоследствии, например, историк В.С. Суворов, делая ретроспективный анализ исторического краеведения области, отметил, что доминирование старых представлений в локальном историческом краеведении привело к тому, что интерес к досоветской истории породил поток самиздатовских публикаций, а с другой — воплотился в представлении о «существовании специфической калининградской нации, ориентированной на немецкое культурное наследие» (Суворов В.С. Становление исторического краеведения Калининградской области // Проблемы истории Восточной Пруссии. Калининград, 1993. С. 6).

опубликовано письмо, был подготовлен ко Дню печати не журналистами, а читательской редколлегией. Газета по-прежнему литовалась (т. е. проходила цензуру), а авторский текст В. Храппы сопровождался комментарием: «Думаем, читатель и без того разберётся в позиции автора». Помимо этого, на странице, где заканчивалось письмо, была размещена статья В. Седова, разбиравшего основные положения статьи в беседе с директором музея И. Канта КГУ О.Ф. Крупиной, в ходе которой утверждалось, что нельзя «приписать ответственность» за разрушение большинства памятников, названных В. Храппой, советской власти. Однако не все пункты письма были прокомментированы⁸⁶⁸.

Несогласие с позицией автора высказали и другие читатели газеты, а доцент кафедры истории КПСС Калининградского университета И.А. Гордеев подробно, с критической позиции рассмотрел каждый тезис В. Храппы, чему был посвящён целый разворот одного из номеров газеты. Подытожив свой обзор мнением о том, что в позиции автора «много надуманного и несерьёзного и даже ребяческого», происходящего от «нежелания познакомиться с историей вопроса, который берется в качестве предмета разговора», И. А. Гордеев вместе с тем обратил внимание на то, что письмо правильно задаёт координаты более внимательного отношения к старым зданиям, а само высказывание В. Храппы напоминает о необходимости изучения и популяризации истории⁸⁶⁹.

На пике перестройки именно СМИ стали главным источником информации об истории, и это способствовало её популяризации. Для этого в периодических изданиях выделялись новые рубрики и адаптировались к новым веяниям старые⁸⁷⁰. Частым приёмом исторического просвещения стала

---

⁸⁶⁸ Седов В. Начни с себя // Калининградский комсомолец. 1988. 23 апр. С. 9.

⁸⁶⁹ Гордеев И. С чего начинается Родина // Калининградский комсомолец. 1988. 9 июля. С. 6–7.

⁸⁷⁰ Такие рубрики как «Знаете ли вы Калининград», «Из прошлого нашего края», «Курьер из Кёнигсберга», «Старые новости», «Кёнигсбергская летопись» газет «Калининградская правда» и «Калининградский комсомолец».

публикация на газетных полосах фотовикторин, участники которых в процессе познания собственного города обращались к краеведческой литературе, воспоминаниям старожилов, собирали массу любопытных фактов и формулировали ответы целыми классами, коллективами, кружками и клубами⁸⁷¹.

Некоторое время как печатные, так и телевизионные СМИ практиковали формат коротких ответов на самые разные вопросы интересующихся читателей и зрителей — от того, как выглядел герб Кёнигсберга и где в нём было расположено советское консульство, до того, сколько было гостиниц и какие газеты читали горожане. Вместе с тем получили развитие сюжеты о культуре пруссов⁸⁷², о пребывании россиян в Восточной Пруссии в военное и мирное время⁸⁷³, об академических связях двух стран⁸⁷⁴, а также о достопримечательностях и деятелях науки и культуры⁸⁷⁵. Последних оказалось так много, что это даже наводило на размышления о том, почему именно в этой немецкой провинции «“плотность” гениев была выше общегерманской»⁸⁷⁶. На протяжении всего периода не угасал интерес к судьбе Янтарной комнаты, поиски которой с годами превращалось в череду сенсаций, почти всегда ложных⁸⁷⁷. Кроме того, актуальные «исторические» новости

---

⁸⁷¹ Знаете ли вы Калининград? // Калининградская правда. 1988. 6 марта. С. 4.

⁸⁷² Благодаря текстам В.И. Кулакова, возглавившего археологические поиски Балтийской экспедиции Института археологии АН СССР.

⁸⁷³ Об этом написал историк Г.В. Кретинин: «Читатели узнают о том, что были периоды не только конфронтации Германии и России, но и годы сотрудничества, взаимопонимания» (Кретинин Г. Имена на старой карте // Калининградская правда. 1990. 10 янв. С. 4).

⁸⁷⁴ Например: Дриго С. Наш Болотов // Калининградский комсомолец. 23 апр. 1988. С. 4, 9; Он же. Кутузов пишет в Петербург // Там же. 1988. 9 июля. С. 7; Лавринович К. Академики из Кёнигсберга // Калининградский комсомолец. 1988. 3 сен. С. 10; Кретинин Г. Русско-немецкий легион // Калининградская правда. 1989. 21 сен. С. 4; Он же. Русские губернаторы в Восточной Пруссии // Там же. 1990. 19 апр. С. 4.

⁸⁷⁵ Например, о пасторе Ю. Руппе, художнице К. Кольвиц, мыслителе И.Г. Гердере, астрономе Н. Копернике, композиторе Р. Вагнере, военачальнике Г. Шарнхорсте, математике Д. Гильберте, скульпторе С. Кауэре и др. Неизменно тексты сопровождалась интенцией вернуть память о деятеле и (или) увековечить её.

⁸⁷⁶ Москалец В. На территории нашей области рождались и жили выдающиеся люди. Почему? // Калининградская правда. 1991. 6 июля. С. 3.

⁸⁷⁷ См.: Зюбанов С. Новый след Янтарной комнаты? // Калининградская правда. 1988. 23 июля. С. 3; Никитин В. Ещё один след Янтарной комнаты // Там же. 1989. 20 авг. С. 3;

попадали в главную новостную телепрограмму «Панорама области»⁸⁷⁸.

Гласность способствовала усложнению нарратива о первых послевоенных годах области. Публиковавшиеся воспоминания более детально и откровенно представляли послевоенную повседневность. В их числе были рассказы о сосуществовании первых переселенцев с кёнигсбержцами, о чём ранее мало упоминалось, а также уникальные истории кёнигсбержцев, ставших калининградцами⁸⁷⁹. Опубликованные материалы так же, как и корпус интервью первых переселенцев, собранный профессиональными историками, давали основания, как писал Ю.В. Костяшов, прийти к выводу о «преобладании дружелюбия и сочувствия советских людей к местному населению»⁸⁸⁰.

Процессы гласности и демократизации способствовали созданию общественных организаций, объединявших отдельные группы интеллигенции, которые стремились сохранить историко-культурное наследие и обогатить историческую память калининградцев⁸⁸¹.

Одной из наиболее значимых организаций, ставшей локомотивом изменения в мемориальных ландшафтах российских городов, стал Советский фонд культуры, созданный в 1986 г. Его председателем стал учёный-литературовед и общественный деятель Д.С. Лихачёв. Устав фонда утверждал необходимость создания сети отделений по всей стране, и бывший председатель Калининградского горисполкома В.В. Денисов ратовал за учреждение в области структурного подразделения фонда в наиболее высоком

Бирюков В. Поиски Янтарной комнаты: продолжение следует // Там же. 1990. 28 июня. С. 4; Наджаров А. Найдена Янтарная комната // Там же. 1991. 23 нояб. С. 1.

⁸⁷⁸ См.: ГАКО. Ф. Р-19. Оп. 4. Д. 1693. Л. 280–281.

⁸⁷⁹ Где ты, Луиза? // Калининградский комсомолец. 1990. 29 мая. С. 9; Яковлева Е. Это было, было // Там же. 23 июня. С. 8–9; Перова Н. «Я называла её Эди...» // Калининградская правда. 1990. 9 янв. С. 3.

⁸⁸⁰ Костяшов Ю. О переселенцах без прикрас // Калининградская правда. 1991. 18 июня. С. 3.

⁸⁸¹ Наумов С.С. Местные сообщества интеллигенции и проблема трансляции исторической памяти // Известия высших учебных заведений. Серия: Гум. науки. 2017. Т. 8. № 4. С. 272; Елисеева Н.В. История перестройки... С. 266.

статусе из возможных, чтобы он помогал партии в деле духовно-нравственного и патриотического воспитания народных масс⁸⁸².

Спустя несколько месяцев после обращения общественного деятеля, 1 октября 1987 г., областное управление культуры обратилось в обком КПСС с предложением о создании Калининградского отделения Советского фонда культуры⁸⁸³ — а уже в ноябре состоялось первое собрание отделения фонда, руководителем которого был избран писатель Ю.Н. Иванов. Его знакомство с городом началось в 1945 г., когда он служил в армии, состоял «вторым малым барабаном» в музыкально-похоронной команде и за войну, по собственному признанию, приобрёл негативное отношение к немцам. Впоследствии он много путешествовал, «преодолеl в себе синдром ненависти и подозрительности», а основным направлением в деятельности фонда под его руководством стала «немецкая, кёнигсбергская» линия⁸⁸⁴. Энтузиазм и нацеленность на созидание Ю.Н. Иванова помогли актуализировать важные, общественно значимые вопросы историко-культурного наследия⁸⁸⁵.

На учредительном собрании фонда было решено, что главными направлениями деятельности новой организации станут история, экология и культура⁸⁸⁶. Кроме того, был создан отряд, занимавшийся поиском исторических и культурных ценностей, среди которых особую значимость представляла Янтарная комната⁸⁸⁷, вывезенная немцами из Царского Села в Германию в Великую Отечественную войну⁸⁸⁸.

В 1988 г. фонд наметил амбициозную программу работы:

---

⁸⁸² ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1244. Л. 2–7.

⁸⁸³ Там же. Ф. П-1. Оп. 97. Д. 144. Л. 26–27.

⁸⁸⁴ Письма калининградского писателя и руководителя отделения Российского фонда культуры Ю.Н. Иванова за 1988–1993 гг. // Калининградские архивы. 2007. Вып. 7. С. 49.

⁸⁸⁵ Костяшов Ю.В. Проблемы сохранения и использования... С. 179.

⁸⁸⁶ Перетяка Н. Перебирая наши даты, или Краткий комментарий к хронике // Запад России. 2002. № 1. (27). С. 13.

⁸⁸⁷ В 1988 г. Калининградское отделение фонда получило в дар от Советского фонда культуры архив Георга Штайна, немецкого искателя Янтарной комнаты, что также оказало влияние на активность фонда (Письма калининградского писателя... С. 41–42).

⁸⁸⁸ ГАКО. Ф. Р-1167. Оп. 1. Д. 15. Л. 51.

восстановление Кафедрального собора и кладбища профессоров Кёнигсбергского университета, символическая реконструкция могил изобретателя «глазного зеркала» Г. Гельмгольца, скульптора С. Кауэра; сооружение памятников философу И. Канту, военачальнику А.М. Василевскому и второй очереди мемориала 1200 воинам 11-й Гвардейской армии; организация музеев Н. Коперника, Э.Т.А. Гофмана (в Королевских воротах), «Славы русского оружия» (во Фридрихсбургских воротах), а в картинной галерее — зала художницы К. Кольвиц.

Не меньше планов разрабатывалось для области. Например, предполагалась установить памятник узникам концентрационных лагерей, существовавших на территории Восточной Пруссии, и в том числе погибшим в Пальмникене⁸⁸⁹ детям из Советского Союза. Кроме того, рассматривался вариант перезахоронения останков русских солдат и офицеров Первой мировой войны, создания музея «Антифашистской борьбы Коммунистической партии Германии», устройства в бывшем замке Георгенбург⁸⁹⁰ культурно-спортивного и архитектурно-исторического комплекса с туристической базой, залом истории, посвященным М.Б. Барклаю де Толли, кавалеристке Н. Дуровой и другим участникам антинаполеоновской кампании 1813 г., и залом коневодства⁸⁹¹. Практическая реализация некоторых идей состоялась уже в постсоветский период, остальные же и вовсе остались проектами на бумаге⁸⁹².

Между тем областное отделение СФК хорошо справилось с привлечением внимания общественности и городских властей к истории и

---

⁸⁸⁹ Современное название населённого пункта — Янтарный. В документе речь шла о шестистах детях из «Пальмникенского киндерхауса», работавших в янтарном карьере и утопленных в море.

⁸⁹⁰ Располагается в посёлке Маевка Черняховского района.

⁸⁹¹ Письма калининградского писателя... С. 41; Перетяка Н.П. Охрана памятников истории и культуры — важная задача государственных органов и общественных организаций // Научно-практическая конференция, посвященная 70-летию архивного дела в СССР. Калининград, 1988. Л. [32–37].

⁸⁹² В советский период были открыты, например, мемориальные доски Ю. Руппу и С. Даху, но другие инициативы требовали больше времени для реализации.

культурным богатствам области, благодаря активной публикационной деятельности⁸⁹³, организации мероприятий⁸⁹⁴, налаживанию международных контактов. Как считает Д.В. Манкевич, деятельность фонда «выступала в роли катализатора процессов трансформации культурной политики и регионального исторического сознания», а также актуализировала известные «места памяти» и формировала новые⁸⁹⁵. Следует также подчеркнуть, что СФК можно рассматривать как одного из активных акторов политики памяти.

Также региональный фонд культуры поддерживал национально-культурные общества, которые организовывались в конце 1980-х гг. — начале 1990-х гг.⁸⁹⁶, и даже выступал их учредителем. Так произошло, в частности, с обществом немецкой истории и культуры «Айнтрахт» («Согласие»), куда входили российские немцы, помогавшие фонду устанавливать контакты с иностранцами и пропагандировать сохранение памятников истории и культуры, располагавшихся на территории области⁸⁹⁷.

Из программ местного фонда культуры «выросло» также Кантовское философское общество, ставшее самостоятельной организацией в 1991 г. Оно объединяло исследователей философии И. Канта, задача которых состояла в популяризации философии в разных формах, что, в свою очередь, по мнению вице-президента общества В.Н. Брюшинкина, срабатывало как «интеграция важнейшей части культуры Кёнигсберга в российскую культуру»⁸⁹⁸.

---

⁸⁹³ В 1988 г. при поддержке Советского фонда культуры был снят фильм «Силуэты города Канта».

⁸⁹⁴ Перетяка Н. Хроника основных дел и событий Калининградского фонда культуры с ноября 1987 г. по ноябрь 2002 г. // Запад России. 2002. № 1 (27). С. 5–12.

⁸⁹⁵ Манкевич Д.В. Калининградский филиал... С. 167–168.

⁸⁹⁶ В том числе литовские, еврейское, русское общества культуры и истории (ГАКО. Ф. Р-1167. Оп. 1. Д. 25. Л. 71; Панасенко О.М., Гришечкина М.Л., Луганский Н.Л. Национально-культурные объединения Калининградской области. Информационный справочник. Калининград, 2004. С. 32–35; Перетяка Н. Перебирая наши даты... С. 15; Константинов В. Помните, люди! // Калининградская правда. 1990. 14 нояб. С. 3).

⁸⁹⁷ Общество русских немцев // Калининградская правда. 1990. 22 фев. С. 4.

⁸⁹⁸ Брюшинкин В. Возвращение Канта // Калининградская правда. 1991. 19 апр. С. 3; Он же. Философское общество: проблемы и перспективы // Кёнигсбергский курьер. 1991. №7. С. 6.

В сентябре 1990 г. в качестве филиала фонда была создана ещё одна общественная организация — Клуб краеведов. Первый председатель клуба А.Б. Губин, кроме признания вклада фонда в образование клуба, отдал должное также и другой инстанции — местному отделению ВООПИиК⁸⁹⁹. Именно участие в мероприятиях последнего, по словам члена клуба Б.Н. Адамова, способствовало общению краеведов. Исследователь истории края также указывал на объединительную роль газеты «Комсомольская правда», которая стала печатать статьи, заметки, выступления авторов-краеведов⁹⁰⁰.

Клуб краеведов включал несколько десятков человек, которые, как выразилась журналистка Н. Николаева, пока «прошлое в приказном порядке подвергалось забвению», «собирали по крупицам» свидетельства истории⁹⁰¹. После учредительного собрания, где встретились любители истории из Калининграда, Советска и Немана, деятельность клуба состояла в обмене знаниями на регулярных профессиональных собраниях, публикации заметок в газетах, участии членов клуба в телевизионных программах, организации выставок артефактов из своих коллекций⁹⁰².

Таким образом, характерной чертой «исторической революции», происходившей в Калининградской области в период перестройки, была её двухчастность. С одной стороны, в крае нашли отражения общесоюзные тенденции десталинизации, ревизии некоторых идеологических принципов, переоценки советского прошлого, а, с другой стороны, на местном уровне исключительную важность приобрела ревизия отношения к довоенному прошлому края. В центре дискуссий стояли вопросы утраченного наследия,

---

⁸⁹⁹ Клубу краеведов — четверть века! // Балтийский альманах. 2015. № 14. С. 3.

⁹⁰⁰ Адамов Б.Н. Познавая историю края // Запад России. 2002. № 1 (27). С. 98.

⁹⁰¹ Николаева Н. История не терпит искажений // Калининградская правда. 1991. 5 мая. С. 2.

⁹⁰² Афонин И. В начале девяностых... // Краеведы янтарного края: к 25-летию со дня образования Калининградского областного клуба краеведов. Калининград: Янтарная летопись, 2015. С. 7; Адамов Б. Тихо и незаметно // Калининградская правда. 1990. 20 мая; С. 2; Губин А. Краеведы объединились // Там же. 18 окт. С. 3; Адамов Б. Прогулка по Советску // Калининградская правда. 1991. 9 авг. С. 4.

преимущества памяти, заботы о сохранении памятников, в противовес созданию новых. Обсуждению способствовали обнародование архивных данных, популяризация исторических фактов в средствах массовой информации, создание печатных органов и общественных организаций. Последние стремились не только к обсуждению проблем, но и выработке программ их решений и воплощению в жизнь некоторых инициатив. Наиболее заметного успеха на этом пути добилось Калининградское отделение СФК.

4.2. Региональная топонимическая полемика в свете гласности

До 1989 г. изменения топонимической карты Калининграда носили традиционный характер. Новые улицы назывались, а старые переименовывались в русле строго очерченных идеологических рамок, например, в честь участников Восточно-Прусской операции 1945 гг., героев Великой Отечественной войны, молодогвардейцев и т. д.⁹⁰³ Но с распространением гласности началась дискуссия о принципах наименований и их историчности. Уже в конце 1980-х гг. историк В.С. Суворов открыто характеризовал современную ему топонимику как «искусственную» и выводил причины этого из отсутствия системы и научного подхода в переименованиях, а также неготовности переселенцев воспринимать и использовать старые, пусть и модифицированные, названия⁹⁰⁴.

Об изменении исторического нарратива в области свидетельствовало в том числе и то, что в начале 1989 г. произошло нетипичное для калининградской топонимики событие: улице Музейной было присвоено имя

---

⁹⁰³ Так в Калининграде появились улицы генерала Челнокова, маршала Новикова, генерала Павлова, генерала Толстикова, подполковника Половца, набережные адмирала Трибуца и ветеранов, а также ул. Интернациональная, Ульяны Громовой, Олега Кошевого, бульвар Любви Шевцовой. Кроме того, горисполкомом был утвержден бульвар Александра Твардовского, но этого названия не появилось на карте города (ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 869. Л. 29–30; Д. 967. Л. 51–52; Д. 1066. Л. 21–24).

⁹⁰⁴ Перова Н. Прослеживая связь времён // Калининградская правда. 1989. 17 мая. С. 3.

Ф.В. Бесселя, что стало первым случаем возвращения топонима — Бессельштрассе — из довоенных времён.

За возвращением имени Бесселя стояли годы работы активистов, небезразличных к сохранению памяти о немецком математике и астрономе. Ещё в 1970-е гг. Всероссийское астрономо-геодезическое общество (ВАГО) при АН СССР выступало за установку на Обсерваторском холме мемориальной доски в память о Ф.В. Бесселе. В 1983 г., в преддверии 200-летия со дня рождения учёного, областной отдел ВООПИиК наметил план празднования с предложением к горисполкому «восстановить» его имя в названии улицы⁹⁰⁵. Позже эстафету подхватил Калининградский государственный университет во главе с ректором Н.А. Медведевым. Кроме того, были предприняты некоторые шаги для создания скульптуры астронома как части памятного знака, а в 1985 г. даже обсуждалась инициатива астрономо-геодезического общества о строительстве городского планетария на «Горке Бесселя»⁹⁰⁶.

Прогресс в вопросе был достигнут после письма в Калининградский горисполком председателя Калининградского отделения ВАГО К.К. Лавриновича от 30 августа 1988 г. с просьбой учесть мнение ведущих астрономов страны и позицию общественных организаций и оказать содействие восстановлению названия улицы Бесселя⁹⁰⁷. В сентябре аналогичное предложение было вынесено местным отделением Советского фонда культуры. Наконец, ходатайство было удовлетворено облисполкомом в начале января 1989 г.⁹⁰⁸

Заметным явлением в локальном топонимическом процессе стал

---

⁹⁰⁵ ГАКО. Ф. Р-11233. Оп. 1. Д. 72. Л. 2.

⁹⁰⁶ Там же. Л. 19.

⁹⁰⁷ Там же. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1388. Л. 20–21; Лавринович К. Здесь когда-то жил Бессель // Калининградская правда. 1988. 5 окт. С. 4.

⁹⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1388. Л. 16. Однако ещё несколько месяцев улица оставалась Музейной (Пушкина М. Имени великого учёного! // Калининградская правда. 1989. 29 июня. С. 1).

феномен «отмены» названий, связанный с новым витком десталинизации. В июле 1988 г. музыкант Е. Матвеева, памятуя о том, что в Кёнигсберге с концертами выступал А. Рубинштейн, высказала сожаление, что его имя, а также имена К. Донелайтиса, Ф.В. Бесселя, Э.Т.А. Гофмана, которые «не виноваты, что потом был фашизм», не зафиксированы в городской топонимике, в отличие от А.А. Жданова, улица в честь которого — «вызов всем патриотам нашей Родины»⁹⁰⁹.

Предложенному переименованию воспротивилась другая жительница города Д. Петрук, которая не поняла комментария Е. Матвеевой об А.А. Жданове и заявила, что изменять название улиц в честь известных советских деятелей в угоду немецким не следует⁹¹⁰. В защиту точки зрения Е. Матвеевой вступились другие граждане. Среди них оказался П. Павлов, который возмутился, что «создается такое впечатление, что Петрук живёт не в эпоху гласности и перестройки, а навечно осталась в “эпохе застоя”» и посоветовал открыть журнал «Огонёк», чтобы узнать об участии этого советского руководителя в репрессиях⁹¹¹. Затем в газете был опубликован очерк Р. Медведева о людях в окружении И.В. Сталина и их деяниях⁹¹², который «полностью изменил» точку зрения Д. Петрук, о чём она сообщила в новом письме: «Только спустя месяц после выхода моей статьи и узнала правду. Мне стыдно, что это произошло так поздно. Мне стыдно за тех взрослых людей, которые не возмущались тем, что я написала, а наоборот, говорили: “...верно”»⁹¹³.

Четырнадцатого марта 1989 г. городские власти, руководствуясь постановлением ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечиванием памяти А.А. Жданова», присвоили улице имя Брамса.

---

⁹⁰⁹ Матвеева Е. О наших улицах // Калининградский комсомолец. 1988. 30 июля. С. 5.

⁹¹⁰ Петрук Д. Горсовет знает // Калининградский комсомолец. 1988. 20 авг. С. 5.

⁹¹¹ А знает ли горсовет? // Калининградский комсомолец. 1988. 27 авг. С. 5; Бирюков Г. Кто же наши земляки // Там же. 24 сен. С. 10.

⁹¹² Медведев Р. Они окружали Сталина // Калининградский комсомолец. 1988. 24 сен. С. 5.

⁹¹³ Петрук Д. Опровергаю себя // Калининградский комсомолец. 1988. 1 окт. С. 5.

Именно документ центральных властей был решающим в переименовании, поскольку ещё в январе в горисполкоме обсуждался вопрос об ул. Жданова, но тогда не все были согласны с тем, что вопрос о переименовании улицы, названной в честь некогда высокопоставленного партийного деятеля, — внутригородской вопрос, не требующий санкции сверху⁹¹⁴.

Новое название стало следствием волеизъявления горожан. В прошедшем опросе почти три тысячи жителей города выступили со своими предложениями для названия улицы. Предлагалось переименовать ее в честь космонавтов В.И. Пацаева⁹¹⁵ и Ю.В. Романенко, участников Великой Отечественной войны, героев-интернационалистов, а также поэта и актёра В. С. Высоцкого и т.п.⁹¹⁶ Тем не менее большинство поддержало идею возвращения улице довоенного имени Брамса. Как писала в газету одна читательница, объясняя свой выбор: «Душа болит от того, что многое утрачено в нашем городе безвозвратно»⁹¹⁷.

Одной из первых, кто публично высказался о том, что городская топонимика должна быть непосредственно связана с историей места, а значит, на улицы города следует вернуть больше забытых имён⁹¹⁸, стала заведующая музеем И. Канта КГУ О.Ф. Крупина, известная своей деятельностью по сохранению немецких памятников. В ответ на её публикацию в редакцию газеты посыпались читательские отклики, в которых весьма критично оценивались высказанные предложения.

Наиболее развернутый комментарий принадлежал военнослужащему Г. Правиленко. Его заметка была озаглавлена «Зачем ссорить Гёте с

---

⁹¹⁴ Гиндин И. Чьё имя носить улице? // Калининградский комсомолец. 1989. 14 янв. С. 5.

⁹¹⁵ Улица в честь космонавта-земляка В. Пацаева появилась 21 июня 1989 г. взамен ул. Юридической. (Калининградский городской архив (далее — КГА) Ф.1. Оп. 1. Д. 1220. Л. 15–16).

⁹¹⁶ КГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1214. Л. 80–81.

⁹¹⁷ Нисневич Б. Имя для улицы // Калининградская правда. 1989. 3 марта. С. 3.

⁹¹⁸ В частности, она реверсивно предлагала вернуть улице Кирова имя Бетховена, ул. Репина — ул. Моцарта, ул. Пушкина — ул. Гёте, а улицу Д. Донского переименовать в улицу Баха, ул. Лесопарковую — в ул. Братьев Гримм, ул. Эпроновскую — в ул. Гофмана (Крупина О. Ещё раз о переименованиях // Калининградская правда. 1989. 26 нояб. С. 2).

Пушкиным?»). Автор писал, что Гёте и Моцарт, конечно, великие люди, но нет «для русского человека дороже имени гениального русского поэта». По его мнению, следует продолжать политику увековечения имен героев, погибших при штурме Кёнигсберга: «в российском городе должен витать и подлинно русский дух, жить прежде всего русская история»⁹¹⁹.

Топонимическая дискуссия, начавшись с переименования улиц, переросла в полемику о необходимости реноминации городов. Внешним фактором, стимулировавшим этот процесс, явилось создание Совета по топонимии при Советском фонде культуры, чьей целью стало возвращение исторических названий населённым пунктам под девизом «Новое имя только новому объекту». На круглом столе конференции, посвящённой исторической топонимике, филолог и член правления фонда культуры В.П. Нерознак включил название «Калининград (прибалтийский)» в ряд наследников «сталинщины с её культовыми моделями»⁹²⁰. По результатам конференции был сформирован проектный список исторических названий городов, подлежащих первоочерёдному восстановлению, в который попали Кёнигсберг и Тильзит⁹²¹.

Начиная с 1990 г. калининградские газеты стали публиковать многочисленные материалы с мнениями горожан на эту тему. В основном калининградцы придерживались трёх позиций: текущее название города неизменно; следует вернуть довоенное название; городу требуется присвоить совершенно новое имя.

Среди аргументов сторонников сохранения наименования

---

⁹¹⁹ Правиленко Г. Зачем ссорить Гёте с Пушкиным? // Калининградская правда. 1990. 9 янв. С. 3.

⁹²⁰ Имя твоего дома. Материалы «круглого стола» по охране и восстановлению исторических географических названий, проведённого СФК в период работы XIX Всесоюзной конференции КПСС // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры», 17–20 апреля 1989 г. М., 1989. С. 135.

⁹²¹ Список был составлен на основе предложений представителей общественности, высказанных в письмах в адрес совета по топонимии при СФК, а также в средствах массовой информации (Ревенская Н.А. Исторические названия — памятники культуры // Русская речь. 1989. Вып. 5. С. 129–136).

«Калининград» были: недоказанность ответственности М.И. Калинина за репрессивную политику государства, необходимость исполнять долг памяти перед памятью павших при взятии Кёнигсберга и первых переселенцев, а также экономическая несостоятельность любого переименования в наличествовавших обстоятельствах⁹²².

Приверженцы присвоения городу названия «Кёнигсберг» настаивали на том, что следует проявить уважение к мировой культуре и народам, проживавшим в этом городе до 1945 г., а само возвращение станет не только актом исторической справедливости, но и знаком примирения между прошлым и настоящим⁹²³. Кроме того, «Кёнигсберг» станет далеко не единственным немецким названием в стране⁹²⁴, а возвращение названия, наоборот, позволит почтить подвиг советских солдат, сражавшихся именно в Кёнигсберге.

При изобретении новых имён для Калининграда источником вдохновения послужила довоенная история края и связанные с ним персонажи. Среди предложенных вариантов были: «Болотов», «Суворов», «Переяславль-Прусский», «Кантоград», «Иммануильск», «Гвангсте», «Королевец», «Петроград». Другие названия образовывались от географических особенностей территории («Балтийск»), а некоторые были калькой с имён известных личностей старых и новых времен – А. Невского, Ф. Нансена, В.К. Блюхера, Р. Валленберга, М.С. Горбачёва, Н.И. Рыжкова⁹²⁵.

«Переименовательный зуд» в прессе не остался незамеченным

---

⁹²² Алексеева Е. Решать — калининградцам // Калининградский комсомолец. 1990. 13 янв. С. 8; Боровская Н. В плену эмоций // Калининградская правда. 1990. 25 авг. С. 3.

⁹²³ Алексеева Е. Указ. соч. С. 8; Вестер П. Почему не Кёнигсберг // Калининградская правда. 1990. 25 мар. С. 3; Боровская Н. Реквием по топонимике // Калининградская правда. 1991. 28 сен. С. 1.

⁹²⁴ Среди них были Кронштадт, Оренбург, Петергоф, а до войны Ораниенбаум и Шлиссельбург.

⁹²⁵ Об имени города // Калининградская правда. 1990. 10 авг. С. 3; Боровская Н. В плену эмоций // Там же. 25 авг. С. 3; Судьба области – наша судьба // Там же. 1991. 2 нояб. С. 3; Ливин В. Рим остался Римом // Там же. 14 нояб. С. 2.; Алексеева Е. Решать – калининградцам // Калининградский комсомолец. 1990. 13 янв. С. 8.; Сухова С. Как нас теперь называть? // Там же. 1 сен. С. 4.

городскими властями. Вопрос о названии города был рассмотрен в марте 1991 г. Топонимическая комиссия при горисполкоме предложила провести опрос среди жителей⁹²⁶. В горсовете обсудили идею проведения опроса калининградцев с формулировкой: «Считаете ли вы необходимым изменить название г. Калининграда?». По результатам голосования членов президиума горсовета⁹²⁷ из-за нехватки голосов «за» вопрос был снят с обсуждения. Впоследствии он был еще раз предложен к повестке дня III сессии горсовета, но в первые же минуты заседания снова был снят с обсуждения по предложению депутата В.И. Крутикова, который заявил, что опрос жителей «не является сегодня актуальным»⁹²⁸.

В конце 1980-х гг. рассматривалась возможность реабилитации не только немецкого, но и литовского наследия. В 1988 г. Союзом писателей Литовской ССР было подготовлено предложение о переименовании посёлка Чистые Пруды в Тольминкемис. Однако облисполком усомнился в необходимости такой перемены, учитывая национальный состав жителей посёлка, состоящий преимущественно из русских и, кроме того, не поддерживавших переименование⁹²⁹. В качестве компромисса было предложено установить у входа в историко-мемориальный комплекс К. Донелайтиса памятный знак на русском и литовском языках с указанием прежнего наименования посёлка и сведениями о проживании здесь поэта⁹³⁰.

В то же время калининградское управление культуры было согласно с увековечением на территории области имён известных деятелей литовской культуры в виде установки мемориальных досок, сооружения памятников⁹³¹.

---

⁹²⁶ Семенов А. Калининград сохраняет имя. Надолго ли? // Проспект мира. 1991. 2 мар. С. 6.

⁹²⁷ Президиум городского Совета народных депутатов просуществовал с 19 апреля 1990 г. по 18 декабря 1991 г. В его состав входили: председатель Совета, его заместитель, председатели постоянных комиссий, председатель городского комитета народного контроля.

⁹²⁸ КГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1382. Л. 97.

⁹²⁹ Наш посёлок — Чистые пруды // Калининградская правда. 1989. 18 фев. С. 3.

⁹³⁰ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1341. Л. 21–22.

⁹³¹ Там же. Л. 28–29.

Однако идея корректировки некоторых топонимов с учётом литовского происхождения населённых пунктов или литовских форм названий не встретила поддержки в том числе и потому, что, как написал в газету калининградский историк В.С. Суворов, «строить на основе законов своего языка какие-либо претензии по меньшей мере несерьёзно»⁹³². Впрочем, это не мешало использованию в литовской прессе литовских аналогов калининградских топонимов⁹³³.

Таким образом, одним из немногих практических результатов гласности стало переименование ряда улиц в Калининграде. Реноминация осуществлялась двумя методами: посредством «отмены» советских названий в ходе кампании десталинизации, а также посредством возвращения названий из довоенного прошлого. Несмотря на бурное обсуждение в прессе дилеммы переименования городов области, консенсуса по этому вопросу не было достигнуто, поскольку он представлялся с политической точки зрения крайне деликатным.

4.3. Отношение к памятникам в контексте обновлённой политики памяти

Среди практических изменений, которые принесла смена исторического нарратива, следует отметить более пристальное внимание к довоенному материальному наследию и стремление к более эффективному обеспечению его охраны государством.

В 1987 г. проблема сохранности памятников актуализировалась относительно как советского, так и довоенного историко-культурного наследия. Несмотря на то, что ВООПИиК обладало широкой сетью ячеек, на практике, по признанию заместителя председателя областного отделения общества Н.Н. Ковалёва, общественная активность традиционно проявлялась

---

⁹³² Суворов В. Такова историческая правда // Калининградская правда. 1989. 5 фев. С. 3; На пути к исторической правде // Там же. 25 марта. С. 3.

⁹³³ Рутман И. Как это понимать? // Калининградская правда. 1989. 26 нояб. С. 2.

во время месячников, проводившихся два раза в год, и в дни государственных праздников, а «в повседневной жизни должного внимания этому не уделяется»⁹³⁴. К 1989 г. ВООПИиК, представителями горисполкома и институтом «Калининградгражданпроект» была проведена неотложная работа по усовершенствованию списков памятников истории и архитектуры и выявлению новых объектов, требовавших постановки на учёт. Масштабы проделанной работы отражает число первично выявленных и паспортизированных памятников — 233 при 319 памятниках, уже поставленных на учёт в прошлые годы⁹³⁵. Характерным было утверждение газеты «Калининградский комсомолец» о том, что на областном учёте стоят 59 памятников архитектуры и градостроительства, а на самом деле их несколько сотен⁹³⁶.

Вместе с тем имело место пренебрежительное отношение арендаторов к занимаемым им площадям исторических зданий⁹³⁷. В соответствии с действовавшим законодательством⁹³⁸ здания и сооружения, признанные памятниками, могли быть использованы не только в научных, культурно-просветительных и воспитательных, но и в хозяйственных целях с условием, что эксплуатация не наносит ущерба сохранности памятников и не нарушает их историко-художественной ценности. Однако, по сообщению производственной группы ВООПИиК, составленной осенью 1989 г., почти все памятники эксплуатировались до износа, без проведения должного ремонта с нарушением правил эксплуатации⁹³⁹. Члены группы также обратили внимание на то, что такое положение оказалось возможным, в числе прочего,

---

⁹³⁴ Боровская Н. Камни взывают о помощи // Калининградская правда. 1987. 15 нояб. С. 2.

⁹³⁵ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 906. Л. 23–25.

⁹³⁶ Недбаева А. Аромат вечности // Калининградский комсомолец. 1990. 3 нояб. С. 7.

⁹³⁷ Например, в помещениях бастиона Грольман, где располагалось овощехранилище, жгли костры, чтобы овощи не замерзли (Калашникова А. Чья она, память? // Калининградский комсомолец. 1990. 17 нояб. С. 9).

⁹³⁸ Имеется в виду постановлением № 865 Совета министров СССР от 16 сентября 1982 г. «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры».

⁹³⁹ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 906. Л. 24.

из-за невнимания к памятникам со стороны райисполкомов, управления и отделов культуры⁹⁴⁰. Позже к виновникам создания такой ситуации были отнесены также местные Советы, органы юстиции, прокуратуры, арбитража и милиции⁹⁴¹. На практике деятельность по охране памятников осложнялась также слабым финансированием, неудовлетворительным состоянием материально-технической базы и недостатком квалифицированных кадров.

При всех свидетельствах несовершенства системы охраны памятников некоторые объекты удавалось оградить от неблагоприятного воздействия в процессе их использования. Так, например, альпинистскому клубу «Кант»⁹⁴² было отказано в аренде казармы «Кронпринц», несмотря на то что составители заявки подчеркнули социальную значимость своей деятельности и привели примеры участия в высотных работах при реставрации других исторических памятников⁹⁴³. Управление культуры и местное отделение ВООПИиК оказались непреклонны. В обосновании отказа был учтён плачевный опыт недавней эксплуатации этого памятника республиканского значения строительной организацией, наличие проекта создания в «Кронпринце» «Дома инженеров», предусматривающего реставрацию сооружения, а также уверенность в том, что «исторический памятник не место для “скалолазания”»⁹⁴⁴. Отголоски этих споров широко освещались прессой⁹⁴⁵.

Даже начавшиеся реставрационные работы не гарантировали сохранения памятника. В архиве сохранилась докладная записка 1990 г. о работах в Закхаймских воротах, которые были названы проверяющей комиссией не реставрационными, а ремонтно-строительными, причём низкого качества. Кроме того, проверяющие обнаружили нарушения сметы и

---

⁹⁴⁰ Там же. Л. 25.

⁹⁴¹ Там же. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1473. Л. 14.

⁹⁴² Совместно с молодёжным центром Ленинградского районного комитета ВЛКСМ.

⁹⁴³ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1425. Л. 65–66.

⁹⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1425. Л. 67–68.

⁹⁴⁵ Власова Д. Последний принц // Калининградский комсомолец. 1988. 31 дек. С. 4; «Кронпринц» — альпинистам // Там же. 1989. 18 фев. С. 5; Окунь Л. Башня раздора // Калининградская правда. 1989. 27 апр. С. 3.

констатировали, что помещения ворот использовались для извлечения коммерческой выгоды — там демонстрировались нелегальные фильмы⁹⁴⁶. В дальнейшем в воротах предполагалось открыть Дом народного творчества.

Из всех сохранившихся в городе ворот, строившихся как основные элементы вального кольца Кёнигсберга, в период перестройки удалось использовать в культурных целях только Фридландские. Их владельцем являлся парк 40-летия ВЛКСМ, на территории которого был расположен памятник. К 1990 г. в воротах было приведено в порядок несколько комнат, где, помимо прочего, предполагалось устроить выставочный зал и музей старины и быта, предметы для которого были найдены при очистке находившегося поблизости водоёма⁹⁴⁷. Возрождённым «суровым духом старины» успели восхититься иностранные туристы⁹⁴⁸.

Предусматривалось, что нерадивые арендаторы должны будут выплачивать неустойку и выселяться, но эти условия, как и заключение договоров на использование памятников под культурные учреждения, не соблюдались, а отделы культуры, общественные организации и советские органы оставались в стороне⁹⁴⁹. Техническая, финансовая и юридическая стороны вопроса, несомненно, имели значение, однако важным было и неуважительное отношение к памятникам. Именно с ним на заседаниях коллегии управления культуры облисполкома решили бороться улучшением работы по охране и пропаганде памятников истории и культуры⁹⁵⁰. В дальнейшем для организованной комплексной деятельности по охране памятников были созданы отдельные структуры⁹⁵¹. Чтобы оградить памятники

---

⁹⁴⁶ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 937. Л. 37–38 об.

⁹⁴⁷ Губин А. Снова о городских воротах // Калининградский комсомолец. 1990. 21 июля. С. 4; Вертяшкина А.В., Ярцев А.А. Образование и развитие музея «Фридландские ворота» в Калининграде // Время музея. 2021. Вып. 4. С. 415.

⁹⁴⁸ Недбаева А. Аромат вечности // Калининградский комсомолец. 1990. 3 нояб. С. 7.

⁹⁴⁹ Калашникова А. Чья она, память? // Калининградский комсомолец. 1990. 17 нояб. С. 9.

⁹⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 906. Л. 7–8, 20–22.

⁹⁵¹ Например, в 1990 г. были созданы областная ассоциация культурно-исторических центров при управлении культуры и Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры при управлении (ГАКО. Ф. Р-68. Оп. 1. Д.

от дальнейших утрат, некоторые из них были поставлены на баланс управления культуры облисполкома⁹⁵².

Соседние балтийские республики также заявляли о готовности участия в сохранении культурного наследия, которое в некотором смысле рассматривалось как общее. Так, в конце 1988 г. некоторые представители литовской интеллигенции направили письмо в органы власти и культурные ведомства области с предложением составить совместную программу «по спасению многих ещё сохраняющихся памятников литовской и древнепрусской культур». Авторы письма подчёркивали роль «Малой Литвы» (под которой понималась северная часть бывшей Восточной Пруссии) в развитии национальной литовскоязычной культуры и очертили широкий круг памятных мест, благоустройство которых станет «примером интернационального сотрудничества братских народов СССР»⁹⁵³.

Например, в Калининграде предлагалось воссоздать «необоснованно взорванную» Штайндамскую кирху под музей местной литовской культуры, на месте здания старого университета создать памятники трём профессорам, которые там преподавали, — С. Раполёнису, А. Кульветису и Л. Резе. В Советске также предлагалось открыть музей драматурга Видунаса, а в восстановленном здании кирхи посёлка Романова Зеленоградского района — музей древнепрусской культуры и истории, в Немане увековечить лютеранского пастора М. Мажвидаса, в Черняховском районе — вождя прусского племени натангов Г. Мантаса⁹⁵⁴. Все предложения остались на

---

939. Л. 90; Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1473. Л. 17). В 1991 г. была создана историко-культурная ассоциация «Возрождение». Её участники — энтузиасты историки, краеведы, археологи, архитекторы — занимались охраной и контролем за состоянием памятников, в том числе археологических (Валуев А.А. Спасти память о первоистоках // Запад России. 1993. № 4 (8). С. 27–29).

⁹⁵² Бастионы Обертайх и Грольман, редюит Закхаймского бастиона, Королевские, Закхаймские, Фридландские, Аусфальские, Железнодорожные ворота и рavelин Фридландский, здание промышленного назначения на ул. Октябрьской (ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1473. Л. 14–17).

⁹⁵³ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1341. Л. 30–32

⁹⁵⁴ Там же.

бумаге, хотя ещё несколько лет идеи были актуальны среди научной и творческой интеллигенции Литвы⁹⁵⁵.

Не остались в стороне и жители ФРГ, которые охотно откликались на местные инициативы увековечивания тех или иных эпизодов из прошлого города.

На конец 1980-х гг. пришёлся новый виток бюрократического лавирования с тем, чтобы заручиться поддержкой и реализовать идею, которая давно витала в воздухе, — установить памятник И. Канту. На уровне Калининградского обкома КПСС этот вопрос обсуждался в 1988 г., а затем возведение памятника было разрешено Советом министров РСФСР⁹⁵⁶.

Долгое время проводились поиски оригинальной скульптуры работы К. Рауха, в том числе в запасниках Министерства культуры РСФСР в Загорске. После посещения области главным редактором еженедельника «Цайт» графиней М. Дёнхофф выяснилось, что подлинник в 1945 г. был укрыт в парке дворца Фридрихштайн посёлка Каменка Гурьевского района⁹⁵⁷. Однако поиски скульптуры философа не увенчались успехом.

В ходе дискуссий было решено, что необходимо не создание нового памятника, а воссоздание копии пропавшего. По словам главы Калининградского отделения СФК Ю.Н. Иванова, в 1989 г. в ФРГ начался сбор средств на отливку памятника и спустя год необходимая сумма была собрана⁹⁵⁸. Установка заново отлитого памятника в качестве «дара немецкого народа» произошла только в 1992 г.⁹⁵⁹

---

⁹⁵⁵ Например, Рейкалас Ш., Малишаускас Ю. Сохранить кирху в Ольховатке // Калининградский комсомолец. 1989. 15 апр. С. 11; Нагорных Е. В «Бермудском треугольнике» проблем // Там же. 1990. 24 марта. С. 6–7.

⁹⁵⁶ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 100. Д. 93. Л. 71; Шапиро В. О чём спор? // Калининградский комсомолец. 1988. 5 нояб. С. 8.

⁹⁵⁷ Дёнхофф М. Путешествие в закрытую область, или Поездка во имя Канта и с Кантом // Калининградская правда. 1989. 11 нояб. С. 3.

⁹⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-1167. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2; Непомящий А. Памятник И. Канту: каким ему быть // Калининградская правда. 1988. 15 нояб. С. 3.

⁹⁵⁹ Вместе с тем в конце советского периода при поддержке СФК, ВООПИиК и музеем им. И. Канта КГУ обсуждалось создание музея И. Канта в домике лесника Вобстера, сохранившегося в конце проспекта Победы и в 1987 г. рассматривавшегося как возможный

Это был не единственный случай «возвращения» немецкого оригинала в виде копии. При посредничестве фонда также удалось обновить памятный знак богослову Ю. Руппу у Кафедрального собора. В 1979 г. скульптор Б.В. Едунов выполнил барельеф Ю. Руппа по неверному портрету, изображавшему его зятя и сподвижника К. Шмидта⁹⁶⁰. Для исправления досадной ошибки Ю.Н. Иванов обратился к потомку пастора, который, используя свои связи, поспособствовал реконструкции медальона-портрета с помощью немецкого общества «Анхен из Тарау». В 1991 г. произошла замена, на которой присутствовали немецкие гости⁹⁶¹.

Память о другом известном жителе Кёнигсберга была увековечена 12 сентября 1990 г. в рамках программы межрегионального научного семинара «Художественное мышление Э.Т.А. Гофмана», организованного Калининградским университетом и отделением СФК. На розовый валун была прикреплена табличка, извещавшая, что здесь стоял дом, в котором в 1776 г. родился известный писатель. С инициативой установки знака выступило Общество охраны памятников, а краевед А.Б. Губин призывал пойти дальше и назвать площадь перед Радиотелецентром в честь писателя и украсить её скульптурами персонажей из сказок Гофмана⁹⁶².

При посредничестве немецкой общественности в области стали появляться новые памятные места, связанные с довоенной историей. В 1990 г. на столетие скульптора Г. Брахерта в посёлке Отрадном (ранее Георгенсвальде) сначала была открыта мемориальная доска, а позже организован музей, хотя встречались мнения о том, что этого не следует делать

«антирелигиозный центр». По некоторым данным, к обнаружению здания ещё с 1984 г. был причастен президиум Философского общества СССР (Иванов Ю. Сундук Канта // Калининградский комсомолец. 1987. 25 янв. С. 3; Васильева С. Кто поможет «Звездочёту»? // Там же. 1988. 3 янв. С. 7; Шелепов И. Митинговая... реставрация? // Калининградский комсомолец. 1990. 23 июня. С. 8).

⁹⁶⁰ Барельеф «Портрет Юлиуса Руппа» работы Б. В. Едунова URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=37161659> (дата обращения: 13.02.2024).

⁹⁶¹ Кожевникова И. В. Памятник Юлиусу Руппу в Калининграде // Калининградские архивы. Калининград, 2021. Вып. 18. С. 43–53.

⁹⁶² Губин А. Возвращение к Гофману // Калининградский комсомолец. 1990. 29 сен. С. 3.

из-за национальности скульптура⁹⁶³. Рассматривалась возможность открыть в Светлогорске музей в честь художницы Х. Нойман⁹⁶⁴.

Немало внимания было уделено культовым сооружениям, которые нередко были градообразующими элементами городов и посёлков. В то время как множество из них было заброшено, разбиралось на кирпичи или использовалось как склады удобрений, ядохимикатов, зерна и прочего⁹⁶⁵, существовали альтернативные способы их использования, возвращения их из небытия. Кроме музеефикации, положительного результата можно было добиться путём передачи руин под покровительство Русской православной церкви.

Так, ещё 6 октября 1985 г. состоялось освящение кирхи бывшего района Юдитген как здания для будущей Свято-Никольской церкви. В реставрируемый памятник был перевезён православный иконостас из Смоленска, дважды в день стали проходить православные богослужения⁹⁶⁶.

В 1989 г. был организован сбор средств на реставрацию кирхи в Черняховске под выставочно-концертный зал. В 1990 г. шли восстановительные работы в кирхе Фридланда в Правдинске и планировалась реконструкция бывшей евангелической Кройц-кирхи для Крестовоздвиженского собора РПЦ. В 1991 г. состоялось богослужение в кирхе в Озёрске, а также заявлялось о намерениях ее реконструкции⁹⁶⁷. Однако основное внимание было приковано к судьбе главной довоенной достопримечательности Калининграда — университетскому собору на бывшем острове Кнайпхоф.

---

⁹⁶³ Саруль А. Наше наследие // Запад России. 2002 № 1 (27). С. 37; Васильева Н. Два музея в Светлогорске // Калининградская правда. 1991. 3 сен. С. 3; Иванов Ю. Быть ли музею Германа Брахерта? // Калининградская правда. 1990. 1 дек. С. 3.

⁹⁶⁴ Мистратова Л. Дом у вересковой пустоши // Калининградская правда. 1991. 5 нояб. С. 1.

⁹⁶⁵ Сапунов М. Чужие храмы // Калининградский комсомолец. 1989. 5 авг. С. 5.

⁹⁶⁶ Мюлен И. Поездка в Калининград // Калининградская правда. 1989. 6 апр. С. 4.

⁹⁶⁷ Маслова З. В фонд реставрации // Калининградская правда. 1989. 30 апр. С. 4; Москалец В. Восстановление собора // Там же. 1990. 28 марта. С. 3; Ветров Ю. Ремонт в соборе // Там же. 1990. 29 сен. С. 2; Береснев В. Храм // Проспект мира. 1991. 19 янв. С. 13).

Долгое время основным технологическим принципом, применявшимся в деле сохранения собора, была консервация, которая не всегда соответствовала профессиональным стандартам⁹⁶⁸. В 1982 г., учитывая, что, несмотря на принятые меры, стены собора продолжали рушиться, а восстановление памятника требовало больших вложений, горисполком выступил с предложением использовать руины под концертную площадку – театр под открытым небом⁹⁶⁹: таким образом, как писала Н. Боровская, глава города В.В. Денисов не только «ухитрился “обвести вокруг пальца” сторонников уничтожения Собора⁹⁷⁰, но и выступил инициатором первой попытки его реставрации»⁹⁷¹.

В дальнейшем для реализации проекта были подготовлены стены, изготовлена мебель, конструкции для сцены, заготовки для дверей, восстановлены оконные переплёты и воссозданы витражи. В перспективе предполагалось установить лёгкую складывающуюся кровлю, а в башне учредить библиотеку, однако, по словам бывшего председателя горисполкома В.В. Денисова, на промежуточной стадии проект был заморожен «как ненужная» затея⁹⁷².

В апреле 1989 г. в центральной газете «Известия» вышла статья, в которой утверждалось, что Кафедральный собор — «главная достопримечательность сегодняшнего Калининграда» — «поднимется из руин» и «приобретет первозданный облик». Автор статьи В. Зайкин упоминал,

---

⁹⁶⁸ Например, сотрудница историко-художественного музея С. Коваль достаточно ярко охарактеризовала её принцип: «Всю лепнину, которая выступает за кирпичную кладку, — отбить, а ту, которая в глубине — замазать цементом» (Коваль С. Доска есть, но нет мемориала // Калининградский комсомолец. 1990. 22 дек. С. 9).

⁹⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 611. Л. 14–16.

⁹⁷⁰ Автор статьи упоминала, что в 1970-е гг. собор хотели разрушить, поскольку некое «высокое лицо государства» посоветовало первому секретарю Н. С. Коновалову «вырвать “гниющий зуб минувшей войны”». Проверить эту теорию не представляется возможным, однако следует заметить, что та же аллегория ранее использовалась в отношении к Кёнигсбергскому замку.

⁹⁷¹ Боровская Н. Кафедральный собор: вчера, сегодня, завтра // Кёнигсбергский курьер. 1991. №2. С. 10.

⁹⁷² Денисов В. Заброшенное достояние // Калининградская правда. 1989. 20 янв. С. 3.

что долгое время на пути реставрации собора стоял финансовый вопрос, но в последнее время разговоры о реставрации перешли на «серьёзный организационный уровень» благодаря тому, что после совещания местного горисполкома со специалистами и общественностью Московский архитектурный институт должен был подготовить варианты проектов полной реставрации памятника⁹⁷³. Позже Калининградский облисполком поддержал предложение областного совета по культуре и искусству о реставрации собора⁹⁷⁴. Безусловно, это решение стало знаковым. Консультант правления Советского фонда культуры, искусствовед В.П. Малышев расценил его как свидетельство «меняющегося отношения к памятникам культуры на территории области»⁹⁷⁵.

Архитекторы, строители, чиновники, представители общественности несколько раз собирались с тем, чтобы обсудить вопрос о реставрации собора и благоустройства территории вокруг него. Вместе с тем шёл процесс сбора источников и достоверной информации об истории и архитектуре сооружения⁹⁷⁶, а предметом обсуждения оставался хронологический период, на который следовало ориентироваться при реконструкции облика собора. Поскольку, как высказался один из участников дискуссии, «велика ответственность за судьбу собора, чтобы решать её, не отмерив семь раз», было предложено объявить международный конкурс на проект реставрации памятника, а для выработки его условий при горисполкоме была создана инициативная группа⁹⁷⁷.

---

⁹⁷³ Зайкин В. Собор восстанет из руин // Известия. 1989. 24 апр. С. 1.

⁹⁷⁴ На совете выступили, в частности, зампреда облисполкома М.И. Шапаев, начальник областного управления культуры И.А. Гречко, председатель областного отделения Фонда культуры Ю.Н. Иванов, настоятель Свято-Никольского собора иеромонах Аркадий (Замятина Т. Для веры и культуры // Калининградская правда. 1989. 22 окт. С. 3).

⁹⁷⁵ Перова Н. Вчера, сегодня, завтра // Калининградский комсомолец. 1989. 9 дек. С. 4.

⁹⁷⁶ Журналистка Т. Замятина написала, что искать в печати сведения о соборе «было бы напрасно: ещё несколько лет назад не допускалось даже упоминания об этом памятнике» (Замятина Т. Для веры и культуры // Калининградская правда. 1989. 22 окт. С. 3).

⁹⁷⁷ Боровская Н. Судьба собора: возможны варианты // Калининградская правда. 1989. 17 июня. С. 3.

Вскоре было объявлено о будущем функциональном назначении собора — создании на его базе культурного центра для проведения религиозных и светских мероприятий. Одновременно было запланировано строительство на Центральном острове детской школы искусств и библиотеки. Поскольку финансовый вопрос был первоочередным, горожанам и трудовым коллективам предприятий было предложено «не оставаться в стороне от задуманного» и переводить деньги на счёт местного Фонда культуры⁹⁷⁸. Среди первых жертвователей было научно-производственное объединение промысловства, члены которого состояли в обществе «Собор». В колонне традиционной ноябрьской демонстрации они несли транспарант с лозунгом «Восстановление Кафедрального собора — новое мышление»⁹⁷⁹.

Само общество «Собор», созданное в 1989 г. и действовавшее безвозмездно на добровольных началах, участвовало в организации конкурса и должно было помогать реконструкции собора и острова. Оно также координировало усилия всех желающих участвовать в проекте и занималось сопровождением проекта — от создания сувениров и проведения лекций до прокладки электрокабеля к собору⁹⁸⁰. Как отметила журналистка Н. Перова, благодаря усилиям членов общества «мы имеем сегодня столь высокую “температуру” общественного интереса к проблемам собора»⁹⁸¹.

Между тем идея воссоздания собора вдохновляла далеко не всех. Тот же В.В. Денисов был убеждён, что воплощение подобных замыслов приведёт к «обесцвечиванию и обесцениванию памятника»⁹⁸². Сомнение в необходимости реализации такого дорогостоящего проекта высказывали и

---

⁹⁷⁸ Снигирёв В., Канаевский В., Юров В., Букатин П. На реставрацию собора // Калининградская правда. 1989. 13 окт. С. 3; На счёт 702001 // Калининградский комсомолец. 1989. 21 окт. С. 7.

⁹⁷⁹ Панфилов Д. Дорога, ведущая к храму // Калининградский комсомолец. 1990. 20 янв. С. 4.

⁹⁸⁰ К гражданам Калининграда // Калининградский комсомолец. 1990. 7 июля. С. 4.

⁹⁸¹ Перова Н. Кафедральный собор: перспективы реставрации // Калининградская правда. 1990. 21 апр. С. 3.

⁹⁸² Денисов В. Заброшенное достояние // Калининградская правда. 1989. 20 янв. С. 3.

жители города, предлагая переориентировать финансовые средства на решение насущных потребностей калининградцев: продолжить программу жилищного строительства, благоустройства города, улучшений в социальной сфере⁹⁸³.

В это время о себе громко заявил молодой калининградский архитектор, выпускник Московского инженерно-строительного института Ю.И. Забуга, чья дипломная работа была посвящена теме благоустройства Центрального острова и воссоздания Кафедрального собора⁹⁸⁴. По словам автора, основная цель его проекта состояла в том, чтобы «оживить центр города, создав на острове культурно-музейный комплекс, объединённый общей идеей». Для этого предлагалось полностью восстановить Кафедральный собор и в «парковом характере» сеть улиц старого города, а в некоторых местах снять культурный слой и обнажить старую мостовую, «по которой некогда ступал Кант»⁹⁸⁵. В целом это была смелая идея, не только противоречащая прошлым официальным установкам, но и продемонстрировавшая видение будущего города, учитывавшее его богатое прошлое. Кроме того, проект Ю.И. Забуги коррелировал с общесоюзной тенденцией поиска архитектурно-художественного своеобразия городов, вызванный, по мнению градостроительных специалистов Л.И. Соколова и С.К. Регамэ, во многом «утратой характерных особенностей облика исторических городов»,

---

⁹⁸³ На весах наших забот // Калининградская правда. 1989. 19 марта. С. 2; Перова А. Кафедральный собор: перспективы реставрации // Там же. 1990. 21 апр. С. 3; Боровская Н. Кафедральный собор: вчера, сегодня, завтра // Кёнигсбергский курьер. 1991. №2. С. 10.

⁹⁸⁴ Диплом, по словам архитектора, он смог защитить только с третьей попытки, поскольку дважды снимался с защиты «по идеологическим соображениям». Комиссия считала тему неудачной — «говорили, что чуждая нам культура». По воспоминаниям Ю.И. Забуги, поиск исторических данных для проекта шёл сложно: «Материалов же вообще не было никаких исторических. <...> тогда у меня было три мутных фотографии всего: по острову и по собору. Я по ним, собственно, и работал. Прихожу в библиотеку, библиографа вызываю, говорю: “Дайте мне какую-нибудь историческую литературу по Кёнигсбергу”. Она мне приносит карту Советского Союза, демонстративно раскладывает: “Вот карта нашей страны. Покажите мне, где город Кёнигсберг”. Я пальцем тыкаю, а она говорит: “Это же Калининград, Кёнигсберга нет, поэтому ничего у нас по нему нет”» (Интервью с архитектором Ю. И. Забугой от 04.10.2017. Из архива С.А. Фостовой).

⁹⁸⁵ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 82. Л. 35.

спровоцированных ошибками советского проектирования и строительства⁹⁸⁶.

Проект собора стал консолидирующим не только для горисполкома, отдела культуры, областного историко-художественного музея, отделения Фонда культуры, но и религиозных конфессий.

В мае 1990 г. в Калининграде с визитом находилась немецкая делегация, во главе которой находился руководитель отдела иностранных дел Евангелической церкви Германии Х. Хельд. В беседе с журналистами зарубежный гость отметил, что их переговоры с РПЦ⁹⁸⁷ касались возможности объединения усилий для восстановления собора — «символа духовности, нравственности, исторической памяти». При этом совместная акция церковью была необходима, по его словам, «чтобы исключить любые политические недоразумения о якобы наших притязаниях на восстановление права собственности. Это исключено»⁹⁸⁸. В результате были достигнуты договорённости о совместном финансировании проекта⁹⁸⁹, хотя, в отличие от светских властей, представители ЕЦГ были убеждены, что собор должен служить целям отправления религиозного культа.

Внутриполитические процессы в Германии, связанные с её объединением, отсрочили участие зарубежных партнёров в проекте, но сбор средств местными силами продолжался⁹⁹⁰. Проводились мероприятия по

---

⁹⁸⁶ Соколов Л.И., Регамэ С.К. Методика сохранения и развития своеобразия исторических городов // Градостроительная охрана памятников истории и культуры. М., 1987. С. 22–23.

⁹⁸⁷ В частности, с архиепископом Калининградским и Смоленским Кириллом, который также считал, что «собор должен ожить во имя нравственного совершенствования человека» (Боровская Н. Кафедральный собор: пока... затишье // Калининградская правда. 1990. 22 авг. С. 3).

⁹⁸⁸ Замятина Т. «Мы — наследники прошлой культуры» // Калининградская правда. 1990. 6 мая. С. 4.

⁹⁸⁹ Ранее при посредничестве бывшей жительницы Кёнигсберга и общественной деятельницы М. Дёнхофф был открыт банковский счёт в Гамбурге для сбора пожертвований от иностранцев (Яковлева Е. Путь начинается с шага // Калининградский комсомолец. 1990. 12 мая. С. 6).

⁹⁹⁰ Практиковался также перевод гонораров за работу в фонд восстановления собора (Константинов В. «На ремонт храма» // Калининградский комсомолец. 1990. 14 апр. С. 10; Овсянов А. Кафедральный собор // Калининградская правда. 1991. 27 фев. С. 4; Кострюкова Э. Мост Дружбы Дуйсбург — Калининград // Маяк. 17 дек. 1991. С. 9)

расчистке площадки от мусора и завалов⁹⁹¹. Уже в 1991 г. в ходе ответного визита в Германии была образована советско-германская рабочая группа для решения проблемы восстановления Кафедрального собора⁹⁹². А в апреле 1991 г. в соборе было проведено богослужение евангелическим пастором из Кёнигсберга Р. Георге, служившим в соборе⁹⁹³.

Несмотря на немалый вклад религиозных конфессий в проект возрождения собора, основные решения принимались городскими властями. 3 декабря 1991 г. в администрации Калининграда состоялось совещание, целиком посвящённое возобновлению работ по консервации и музеефикации руин Кафедрального собора. В.В. Денисов, бывший мэр, а теперь советник главы администрации города, изменивший своё мнение о необходимости полного восстановления собора, подчеркнул, что памятник находится в «плачевном состоянии» и интенсивно разрушается из-за отсутствия ухода; «требует ремонта» и усыпальница И. Канта. Он призвал собравшихся приступить к «оживлению руин», чтобы они начали работать и «давать духовную пищу людям»⁹⁹⁴. Оратор имел в виду возвращение к проекту создания концертного зала, что предлагал рассматривать как первый этап на пути полного восстановления храма⁹⁹⁵.

Вопрос о судьбе Кафедрального собора также неизбежно активизировал дискуссию о территории вокруг него. В 1984 г. озеленённое пространство острова было решено дополнить скульптурами и впредь именовать его Парком скульптуры⁹⁹⁶ в ранге нового филиала областного историко-художественного музея.

---

⁹⁹¹ Минакова Р. Сбор — в соборе // Калининградская правда. 1990. 22 апр. С. 3.

⁹⁹² Афанасьев В. Полезный визит // Маяк. 1991. 30 апреля. С. 1.

⁹⁹³ Перова Н. Рейнхольд Георге: «Я — калининградец» // Калининградская правда. 1991. 5 апр. С. 3; Молитва за возрождение храма // Проспект мира. 1991. 6 апр. С. 3.

⁹⁹⁴ Протокол №2 совещания, проводимого Советником Главы Калининградской администрации от 3 декабря 1991 г. на 6 листах. Из архива Ю.И. Забуги. Л. 3.

⁹⁹⁵ Яшин Л. Культуру не оставишь на потом // Кёнигсбергский курьер. 1991. №12. С. 2.

⁹⁹⁶ Вплоть до 1985 г. в архивных документах встречается также название «Парк искусств» (АКОИХМ. Ф. 1. Оп.3 Д. 48. Л. 77).

Создание на острове парка отвечало современным урбанистическим тенденциям того времени, а размещаемая коллекция скульптур должна была служить задаче эстетического воспитания граждан и их просвещения с помощью включения в экспозицию Парка скульптур ключевых для российской и региональной истории персонажей. Последнее представлялось особенно важным, так как Калининград, по выражению члена Академии художеств СССР С.П. Ткачева, до сих пор был «лишён того национального исторического пласта, который есть в любом другом нашем городе»⁹⁹⁷. Поэтому изначально парк планировался как мемориальный и посвящённый деятелям общественной и мировой культуры, хотя впоследствии эта тематика была расширена⁹⁹⁸.

Одним из инициаторов создания парка называют В.В. Денисова, который пришёл к этой идее под впечатлением от первой Всесоюзной выставки «Скульптура-83»⁹⁹⁹, некоторые экспонаты которой были впоследствии приобретены калининградскими властями¹⁰⁰⁰. Однако основная часть коллекции скульптуры была сформирована из собрания Художественного фонда СССР.

За архитектурно-планировочное решение парка ещё до его официального создания взялась московская организация Союза художников РСФСР¹⁰⁰¹. По замыслу москвичей, территория острова условно разделялась на 3 зоны: район собора, где располагались скульптуры различных исторических персонажей; центральная часть, которую предполагалось наполнить работами аллегорического содержания; специальная детская зона,

---

⁹⁹⁷ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 49. Л. 46.

⁹⁹⁸ Там же. Л. 32.

⁹⁹⁹ Дом, в котором... С. 140.

¹⁰⁰⁰ В частности, городом были закуплены оригинальная гранитная скульптура «Мир и Созидание» А.Н. Черницкого и копия скульптуры Петра I В.П. Мокроусова, ставшая первым в крае памятником царю, несколько раз посетившему Восточную Пруссию.

¹⁰⁰¹ При участии архитектурно-планировочного управления Калининградского горисполкома во главе с главным архитектором города Е.А. Поповым (АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д.49. Л. 17; Оп. 6. Д. 74. Л. 8).

отводившаяся под преимущественно анималистическую скульптуру. Кроме того, в конце эспланады¹⁰⁰², возле собора проектировалась вертикальная монументальная композиция, символизировавшая Победу, а также галереи на темы: «мир», «труд», «материнство», «творчество»¹⁰⁰³.

Со временем Парк скульптуры стал позиционироваться как «новая форма музея» под открытым небом, представляющая собой архитектурный, ландшафтный, культурный комплекс¹⁰⁰⁴. С августа 1985 г. стали вестись работы по монтажу экспозиции. В разные годы планировалось разместить в музее от 150 до 200 скульптур. В действительности же их количество оказалось в два раза меньше.

Открытие экспозиции изначально предполагалось приурочить к 40-летию образования области, но хотя часть скульптур уже была установлена на острове, проект оказался сложно реализуемым. Для более эффективной работы в 1986 г. был создан художественный совет — представительный общественный орган при горисполкоме¹⁰⁰⁵. В этот же период стало очевидно, что создание тематического парка скульптуры нельзя признать вполне удачным, так как он явно не гармонировал с Кафедральным собором. Так, в конце 1980-х гг., заведующая Парком скульптуры И.И. Мирончук писала, что «экспозиция очень сложно “приживалась” в среде, вызывала бурные публикации в прессе, поскольку набор случайных для данного исторического места работ 60–80-х годов явно диссонировал с доминантой острова — Кафедральным собором, который при разработке проекта был “опущен” авторами из-за политической ситуации в стране»¹⁰⁰⁶.

Принимая во внимание этот факт, было решено ещё раз преобразовать

---

¹⁰⁰² Эспланада — в фортификационном строительстве широкое открытое пространство перед крепостью, создаваемое с целью затруднить нападение на крепость.

¹⁰⁰³ Данная формулировка тематики в разные годы расширялась или, наоборот, обобщалась, как в 1985 и 1987 гг.

¹⁰⁰⁴ Азарова Ж. Парк на зелёном острове // Калининградская правда. 1985. 25 сен. С. 4.

¹⁰⁰⁵ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 49. Л. 32.

¹⁰⁰⁶ Там же. Оп. 6. Д. 82. Л. 11.

ландшафтную среду парка и острова. 14 октября 1986 г. областной историко-художественный музей обратился за помощью к Ленинградскому отделению Художественного фонда РСФСР¹⁰⁰⁷.

Для своего архитектурного решения ленинградцы заимствовали у коллег-предшественников тематическое зонирование территории, которое существенно дополнили скульптурными группами и готическими элементами, которые должны были быть установлены в «ключевых местах» и напоминать об истории острова.

Главная композиция «Театр Гофмана», по замыслу зодчих, должна была символизировать «память древнего города»¹⁰⁰⁸ и состоять их образов по мотивам творчества писателя. В начале Центральной аллеи, со стороны ул. Октябрьской, предлагалось установить многофигурную композицию «Кант и его время» с портретным изображением знаменитого кёнигсбержца и аллегорическими фигурами философии, науки и поэзии¹⁰⁰⁹. В конце аллеи, со стороны Эстакадного моста, планировалось разместить 12-метровую колонну из гранита с фактурой, напоминающей «следы эрозии» и «шрамов времени». Венчала колонну скульптура «Мать и дитя», которая символизировала мир, добро, свет. В контексте собора фигура интерпретировалась как Мадонна с младенцем, а также, по словам директора историко-художественного музея Е.Н. Пенкиной, была «воспроизведенной копией знаменитой “Кёнигсбергской мадонны”, находившейся ранее в храме Юдиттен»¹⁰¹⁰.

Несмотря на то, что ленинградцы подчеркивали оригинальность своего подхода, их концепция не решала главной задачи творческого задания — гармонизации парка скульптур с собором. Основой их проекта стало сочетание материалов, из которых был выполнен собор и были бы сделаны скульптуры, а также размер придуманных ими фигурных композиций,

---

¹⁰⁰⁷ В частности архитекторы Л. Копыловский, Л. Бочкарев и скульптор Л. Ланец (АКОИХМ. Ф.1. Оп. 3. Д. 49. Л. 4).

¹⁰⁰⁸ Там же. Оп. 6. Д. 82. Л. 17.

¹⁰⁰⁹ Мирончук И. Каким мы видим остров // Калининградская правда. 1989. 5 дек. С. 3.

¹⁰¹⁰ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 61. Л. 67.

сопоставимых по массе с руинами культового сооружения. Имевшееся у музея собрание скульптур, ленинградцы, по сути, предлагали скрыть среди деревьев.

В мае 1989 г. ленинградский проект был сначала представлен в Художественной галерее властям города, которые одобрили концепцию, а затем там же вынесен на общественное обсуждение. Участников собрания интересовали технические вопросы, в ходе которых был поднят вопрос о реконструкции Кнайпхофа. Архитектор Л.И. Копыловский напомнил, что такая задача не ставилась, но разработанное «архитектурно-художественное решение корнями уходит в прошлое, устанавливая своего рода диалог с Собором, воссоздавая этим самым своеобразную духовную среду вокруг Собора», поэтому воссоздание довоенного острова и не требовалось¹⁰¹¹.

Публичное доброжелательное отношение горожан к проекту контрастировало с преимущественно негативными отзывами о парке скульптур. Художник И.Е. Шелепов высказался, что «наш парк своими бюстами напоминает кладбище», а писатель Ю.Н. Иванов развил тезис словами: «Идея создания парка скульптуры — это полуидея. Создание парка на соборном кладбище — это преступление. Трагично создание парка на месте мёртвого города»¹⁰¹².

Одним из итогов совещания 1989 г. стало решение экспонировать архитектурно-художественное решение группы Л. И. Копыловского одновременно с проектом Ю.И. Забуги на выставке под названием «Каким быть острову?». Судя по книге отзывов выставки, за идеи молодого архитектора Ю.И. Забуги высказалась почти половина посетителей выставки. Калининградцам однозначно приглянулась мысль реконструкции старого облика Кёнигсберга, а работнику отдела культуры Е.И. Жукову так понравился проект, что он с пафосом заявил: «Если мы, калининградцы, воплотим этот именно проект, считаю, уже не зря прожили, и наши дети

---

¹⁰¹¹ Там же. Д. 47. Л. 64.

¹⁰¹² Там же. Д. 61. Л. 57–58.

скажут нам спасибо»¹⁰¹³. В отличие от ленинградского проекта, основанного на ином опыте обращения с культурным наследием, проект калининградца воспринимался жителями города как разработанный с пониманием и учётом местных особенностей.

Дискуссии о соборе и судьбе исторической территории Кнайпхофа оставили в стороне сам Парк скульптур, для которого и создавались архитектурно-планировочные решения. Немногочисленные упоминания о нём в книге отзывов, а также в прессе свидетельствовали о преимущественно отрицательном восприятии его горожанами¹⁰¹⁴. Причины этого ёмко сформулированы в одном из комментариев: «трудность обзора, оторванность большинства скульптур от реальной городской среды, разнотемность и разномасштабность, и главное — несоответствие значимости самого “парка скульптур” центральной территории города»¹⁰¹⁵. Для большинства горожан основная идея парка оказалась неясной.

Таким образом, в основе отношения к памятникам области в контексте политики памяти, откорректированной перестройкой, лежало отношение к довоенному прошлому. Гласность способствовала критической оценке деятельности органов охраны памятников, выдвижению требования их реформирования, а также изменению методов консервации и реставрации. В этот период в процесс музеефикации и реставрации включились международные организации, а также РПЦ. Главным историко-культурным объектом, концентрировавшим вокруг себя новые идеи и смыслы стал Кафедральный собор, который, вместе с тем, символизировал всё довоенное наследие и потому его восстановление становилось делом первостепенной значимости.

В целом «историческая революция», происходившая на волне

---

¹⁰¹³ Там же. Д. 69. Л. 6 обр.

¹⁰¹⁴ О вкусах спорят // Калининградская правда. 1988. 28 фев. С. 3; Каким быть музею-парку? // Калининградская правда. 1988. 30 марта. С. 2.

¹⁰¹⁵ АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 69. Л. 4.

гласности, привела к существенному по сравнению с предшествующими периодами расширению нарратива о прошлом, характеризующемуся открытым интересом и вниманием к довоенной истории. Хотя магистральные тенденции общесоюзной политики памяти, пусть с опозданием, но отчётливо проявились в локальных мемориальных процессах, на первый план общественного обсуждения вышла прежде всего местная специфика, связанная с планомерным отходом от мифа о Восточной Пруссии как оплоте прусского милитаризма.

Благодаря массовым публикациям и репортажам в СМИ журналистов, историков, краеведов о культуре, науке, искусстве, повседневности региона, стремившихся к объективному изложению фактов, образ бывшей немецкой провинции стал переосмысливаться в новом ключе, особенно на фоне ранее неизвестных страниц истории Советского государства. Вместе с тем неизменным моральным камертоном для принимавших участие в общественных обсуждениях являлось сохранение памяти о Восточно-Прусской операции 1945 г. и Победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Условия перестройки были благоприятны для самоорганизации граждан и создания неформальных объединений, которые становились участниками формирования мемориального ландшафта, создавали конкурирующие нарративы, новые места памяти. Основной проблемой, вокруг которой концентрировались дискуссии о прошлом, стало состояние историко-культурного наследия. Расширение международных контактов продемонстрировало, что объекты этого наследия являются посредниками памяти, имеют мультикультурное и в некоторой степени наднациональное и внеконфессиональное значение.

Вместе с тем активная фаза перестройки в значительной степени была плодотворна на уровне накопления знаний о прошлом, коллективной рефлексии над историческими событиями и концептуализации преемственности в отношении наследия. На практике до конца советского

периода была реализована малая часть проектов, но были заложены тенденции, которые стали определять политику памяти в постсоветский период.

Заключение

На протяжении большей части советского периода в истории Калининградской области проводимая здесь политика памяти транслировала интерпретации прошлого и отношение к культурному наследию, основываясь на установках, первоначально выработанных для нужд военного времени и первых лет строительства области, когда всё немецкое напрямую ассоциировалось с фашистским, а значит, негативным и враждебным. Советизация края осуществлялась с помощью исключения или нивелирования специфических элементов довоенной архитектуры, внедрения привычных для СССР планировочно-градостроительных практик, включения в городское пространство соответствующих («своих») знаков, памятников, символов, названий, а также убежденности в неизбежности Победы СССР в войне с милитаристской нацистской Германией. Все эти направления деятельности, по замыслу властей, служившие механизмом адаптации новосёлов в новых для них условиях, должны были способствовать интеграции новой области в общий советский контекст.

Период хрущёвской оттепели расширил возможности проявить себя для новых локальных акторов политики памяти (индивидуальных из среды интеллигенции и краеведов-любителей, а также коллективных, например, членов местных отделений творческих союзов). Нормативно оформленная в это время центральными органами власти необходимость выявления и учёта памятников, а также распространение туризма вкупе с появлением краеведческой литературы, расширявшей горизонты исторического нарратива, способствовали включению в сферу официально признанного культурно-исторического наследия некоторого количества восточнопрусских объектов, соответствовавших критерию общекультурной значимости и их роли в истории искусства или науки.

Одновременно под большим вопросом оказывались несовместимые с атеистическим мировоззрением культовые здания и фортификационные

сооружения, символизировавшие милитаристское прошлое края и немецкий «Дранг нах Остен». Сохранялись различия в интерпретации прошлого у части калининградской интеллигенции и некоторых представителях московской культурной бюрократии, которые рассматривали довоенное наследие как общечеловеческое культурное достояние, с одной стороны, и, с другой, – у противостоящих им местных партийных и государственных чиновников, считавших его фашистским, чуждым и подлежащим забвению. Показательным примером, продемонстрировавшим эти различные подходы и потенциал сторон, стали дискуссия о судьбе руин Кёнигсбергского замка и последующий их снос в конце 1960-х гг.

При внешней незыблемости курса властей на перекодировку городских и общественных пространств в «советском духе» период с конца 1960-х до середины 1980-х гг. характеризовался наличием отличавшихся от официального дискурса и отчасти успешных способов сохранения памяти и объектов культурного наследия. Музейный бум привёл к организации целой сети посредников памяти. Появились памятники, отражавшие советскую историю периода становления области, — второй по важности после глорификации Победы в Великой Отечественной войне сегмент исторического нарратива. За счёт появления в калининградском пространстве символов связей края с Польшей и Литвой, а также коммеморации революционной истории всей страны Советов мемориальный ландшафт области стал более разнообразным. Был музеефицирован и ревитализирован ряд крупных немецких архитектурных памятников, которые, в свою очередь, можно было предъявить международному сообществу как яркое свидетельство интернационального характера советского государства и его приверженности принципу уважения культуры других народов.

Гласность второй половины 1980-х гг. на региональном уровне актуализировала противоречия в освоении культурного наследия, показала несостоятельность отождествления немецкого с фашистским и излишнего упрощения содержания, сформировавшегося к этому времени регионального

исторического нарратива. Благодаря созданию неформальных, а впоследствии независимых общественных объединений, негосударственных печатных изданий, увеличилось количество акторов памяти, а замалчивание как способ обращения с историей уступило место открытому диалогу, в ходе которого были высвечены «белые пятна» и прежние фигуры умолчания. К ним, например, относились события Первой мировой войны на территории края, сосуществование немецкого и советского населения в первые послевоенные годы, случаи вандализма и неуважительного отношения к наследию предшественников и т.д.).

Проводимая в области политика памяти во многом носила ситуационный характер, она не была оформлена в виде какого-либо директивного документа или манифеста, в некоторых случаях могла под давлением объективных обстоятельств и воздействием общественных инициатив отступить от генеральной линии. При простоте формулировки курса на «изгнание прусского духа» нередко возникали сложности его применения, связанные с теми или иными сферами (музейная экспозиция, краеведческое пособие, литературное произведение, лекция, историческая экскурсия). Важно также принимать во внимание субъективную интерпретацию истории со стороны конкретных участников реализации политики памяти, их индивидуального понимания актуального политического курса и, что немаловажно, финансовых учёта затрат на содержание и реставрацию памятников, их использование или установку новых. Учитывая, что принципы и нормы политики памяти не были властями детально регламентированы, возникали расхождения в толковании возможных программ действий, что нашло отражение в кулуарных или публичных дискуссиях (о городской планировке, топонимике, сохранении или сносе того или иного сооружения, облике и символике нового памятника).

Востребованное довоенное, в первую очередь связанное с культурой и наукой, наследие, будучи объектом политики памяти и транслятором знаний и представлений о прошлом края, являлось, хотя и в разной степени,

компромиссной зоной для диалога между приверженцами официального дискурса о прошлом и неформальными, разрозненными попытками калининградцев предложить и реализовать другие способы взаимодействия с памятниками и памятными местами с целью их адаптации и «присвоения». Благодаря этим особенностям формирования региональной культурной памяти в период перестройки на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века был обеспечен относительно мягкий поворот в массовом историческом сознании, восстановивший связь времён и обеспечивший условия для наиболее эффективного и рационального использования культурного наследия края в интересах всех калининградцев.

Список источников и литературы

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. Неопубликованные источники

1.1.1. Архивные фонды

Государственный архив Калининградской области

1. Ф. П-1. Региональное отделение КПСС в Калининградской области.
2. Ф. П-2. Калининградский городской комитет КПСС.
3. Ф. П-4089. Партийная организация КПСС Калининградского областного краеведческого музея.
4. Ф. Р-19. Калининградский областной комитет по телевидению и радиовещанию.
5. Ф. Р-65. Калининградский государственный педагогический институт.
6. Ф. Р-68. Управление культуры Калининградского облисполкома.
7. Ф. Р-116. Калининградское областное книжное издательство.
8. Ф. Р-133. Калининградская писательская организация.
9. Ф. Р-135. Калининградская организация Союза архитекторов СССР.
10. Ф. Р-153. Калининградский областной совет по туризму и экскурсиям.
11. Ф. Р-216. Калининградский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.
12. Ф. Р-232. Управление по охране государственных тайн в печати при Калининградском облисполкоме.
13. Ф. Р-297. Калининградский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.
14. Ф. Р-300. Комитет по печати администрации Калининградской области.

15. Ф. Р-310. Управление коммунального хозяйства Калининградского горисполкома.

16. Ф. Р-414. Калининградское областное лекционное бюро.

17. Ф. Р-520. Главное управление архитектуры и градостроительства Калининградского облисполкома.

18. Ф. Р-522. Архитектурно-планировочное управление Калининградского горисполкома.

19. Ф. Р-615. Калининградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

20. Ф. Р-1091. Снегов Сергей Александрович — писатель, член Союза писателей СССР.

21. Ф. Р-1167. Калининградское областное отделение Российского фонда культуры.

22. Ф. Р-1183. Иванов Юрий Николаевич — писатель, председатель Калининградского отделения Российского фонда культуры.

23. Ф. Р-1233. Лавринович Казимир Клеофасович — доктор физико-математических наук, профессор, астроном.

Калининградский городской архив

24. Ф. 1. Калининградский городской совет депутатов трудящихся и его исполком

Архив Калининградского областного историко-художественного музея

25. Ф. 1.

Архив Калининградской областной научной библиотеки

26. Ф. 1.

Фонды Калининградского областного историко-художественного музея

27. *Навалихин Д.К.* Доклад по диссертации «К вопросу реконструкции центра г. Калининграда». 1960 г. // КОИХМ. № КГОМ1–12092.34. Л. 1–11.

28. *Навалихин Д.К.* Стенограмма выступления на совещании в горисполкоме. 1964 г. // КОИХМ. № КГОМ1–12092.35. Л. 1–7.

1.1.2. Интервью и материалы личных архивов

29. *Богданов А.* Рецензия на переработанный вариант рукописи С. Снегова «Ветер с океана» (Из личного архива Е.С. и Т.С. Ленских. 8 л.).

30. *Богданов А.* Рецензия на рукопись романа С. Снегова «Ветер с океана» (Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 25 л.).

31. Интервью Алексея Ефимовича Мальцева. Запись 5.07.2001 г. (ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 50. Л. 102–111.).

32. Интервью Петра Яковлевича Немцова. Запись 28.12.1990 г. (ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 11. Л. 20–59).

33. Интервью Юрия Ивановича Забуги. Запись 04.10.2017 г. (архив автора).

34. Протокол № 2 совещания, проводимого советником Главы Калининградской администрации от 3 декабря 1991 г. (Из архива Ю.И. Забуги. 6 л.).

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Законодательные и иные нормативные акты

35. Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Кёнигсбергской области в составе РСФСР от 7 апреля 1946 г. // Самая западная. Сб. документов. 1946–1952 гг. Калининград, 1980. Вып. 1. С. 17.

36. Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Кёнигсбергской области в составе РСФСР от 7 апреля 1946 г. // Самая западная: сборник документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области, 1946–1952 гг. Калининград, 1980. Вып. 1. С. 17.

37. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): сб. док-ов. М.: Политиздат, 1978. С. 206.

38. Решение облисполкома о мероприятиях по учёту и сохранению памятников истории, археологии, искусства и архитектуры // Самая западная. Калининград, 1987. Вып. 2. С. 259–260.

39. Постановление Совета министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2077#TEdEm0UQTgcG6ZJH> (дата обращения: 08.01.2024).

40. Постановление Совета министров РСФСР от 14 февраля 1968 г. «Об утверждении Положения о порядке наименования и переименования государственных объектов республиканского (РСФСР) и местного подчинения, а также колхозов и других кооперативных организаций». URL: <https://docs.cntd.ru/document/885216865> (дата обращения: 28.01.2024).

1.2.2. Делопроизводственная документация и стенограммы конференций

41. Информация президиума Совета областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры обкому КПСС о проделанной работе по реставрации, ремонту и благоустройству памятников истории и культуры // Самая западная. Вып. 3, кн. 3: / ред. Г.И. Щеглова. Калининград, 2002. С. 373-374.

42. Имя твоего дома. Материалы «круглого стола» по охране и восстановлению исторических географических названий, проведённого СФК в период работы XIX Всесоюзной конференции КПСС // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры», 17–20 апреля 1989 г. М.: Наука, 1989. С. 130–139.

43. Кампания переименований 1946–1947 гг. // Калининградские архивы. 1998. Вып. 1. С. 90–106.

44. Кёнигсберг — Калининград: из фондов ЦХИДНИКО / сост. Н.Г. Макарьева // Калининградские архивы. 2001. Вып. 3. С. 205–226.

45. О митингах трудящихся по случаю переименования Кёнигсберга: из документов ЦХИДНИКО // Калининградские архивы. 1998. Вып. 1. С. 109–110.

46. Отчёт политотдела управления по гражданским делам Калининградской области / публ. В.Н. Маслов, В.А. Грицаенко // Калининградские архивы. 2013. Вып. 10. С. 158–200.

47. Охрана и воссоздание в посёлке Чистые Пруды Нестеровского района мемориальных мест К. Донелайтиса / сост. В.Н. Маслов, Е.А. Маслов // Калининградские архивы. 2013. Вып. 10. С. 113–137.

48. *Перетяка Н.П.* Охрана памятников истории и культуры — важная задача государственных органов и общественных организаций // Научно-практическая конференция, посвящённая 70-летию архивного дела в СССР. Калининград: [б. и.], 1988. [С. 29–39].

1.2.3. Периодическая печать

49. Блокнот агитатора. 1982, 1984 гг. — журнал, орган отдела пропаганды и агитации Калининградского обкома КПСС.

50. Верный путь. 1980–1981 гг. — газета, печатный орган партийного комитета Правдинского производственного колхозно-совхозного управления и Правдинского районного Совета депутатов трудящихся Калининградской области.

51. Знамя коммунизма. 1967 г. — орган Гурьевского сельского производственного парткома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся Калининградской области.

52. Известия. 1947, 1960, 1989 гг. — газета, печатный орган Верховного Совета депутатов трудящихся СССР.

53. Калининградская правда. 1946–1955, 1957–1959, 1961, 1963, 1964, 1966–1967, 1969, 1970–1981, 1984–1985, 1987–1991 гг. — газета, печатный орган Калининградского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся (с 1991 г. — независимая газета).

54. Калининградский комсомолец. 1950, 1956–1957, 1967, 1969, 1974, 1979–1980, 1985–1990 гг. — газета, печатный орган Калининградского областного комитета ВЛКСМ.

55. Калининградский университет. 1984, 1989 гг. — газета, печатный орган партбюро, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома Калининградского государственного университета.

56. Кёнигсбергский курьер. 1991 г. — общественная газета.

57. Комсомольская правда. 1945 г. — газета, печатный орган Центрального и Московского комитетов ВЛКСМ.

58. Литературная газета. 1965 г. — газета, печатный орган правления Союза писателей СССР.

59. Маяк. 1967, 1971–1975, 1984, 1991 гг. — газета, орган Калининградского производственного управления рыбной промышленности и парткомов управлений экспедиционного лова, «Запрыбхолодфлота» и тралового флота.

60. Новатор строительства. 1959, 1962, 1964 гг. — газета, орган партийной, комсомольской, профсоюзной организаций и администрации Балтстройтреста.

61. Новая жизнь. 1973 г. — газета, орган Багратионовского сельского производственного партийного комитета и районного Совета депутатов трудящихся Калининградской области.

62. Огонёк. 1947 г. — еженедельный общественно–политический и литературно–художественный журнал.

63. Правда. 1945, 1946, 1979 гг. — газета, печатный орган ЦК ВКП(б).

64. Проспект Мира. 1991 г. — газета, независимый молодёжный еженедельник СССР.

65. Русская речь. 1989 г. — научно-популярный журнал Академии Наук СССР.

66. Смена. 1945 г. — литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального комитета ВЛКСМ.

67. Страж Балтики. 1980, 1991 гг. — газета дважды Краснознаменного Балтийского флота.

68. Янтарный край. 1991 г. — независимая газета Калининградской области.

1.2.4. Путеводители

69. *Бутовская С.Г.* Калининград: Иллюстрированный очерк. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1959. 67 с.

70. *Губин А.Б.* Если вы в Калининграде впервые: путеводитель. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1990. 111 с.

71. Калининградский музей янтаря: путеводитель / ред. Л.Г. Зайчикова. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1982. 79 с.

72. Калининградский областной краеведческий музей: путеводитель / сост. С.П. Гуляева и др., ред. Л.Г. Зайчикова. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1976. 79 с.

73. *Колганова Э.М., Колганов И.П., Иванов Ю.Н.* Путешествуйте по Калининградской области. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1961. 222 с.

74. *Колганова Э.М., Строкин В.Н.* Страницы памяти: О памятниках и памятных местах Калининградской области. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1985. 159 с.

75. *Колганова Э.М., Колганов И.П.* Путеводитель по Калининграду. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1967. 74 с.

76. *Медонис А.* По Балтийскому побережью. Вильнюс: Госполитнаучиздат, 1962. 48 с.

77. *Метельский Г.* Янтарный берег. М.: Мысль, 1969. 203 с.

78. *Мешис Ю.* Куршю Неринга. Вильнюс: Госполитиздат ЛССР, 1959. 128 с.

79. Светлогорск. Курорт Калининградского взморья. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1960. 60 с.

1.2.5. Источники личного происхождения

80. *Адамов Б.Н.* Познавая историю края // Запад России. 2002. № 1 (27). С. 98–100.

81. Архив Маркса и Энгельса. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1938. 424 с.

82. *Афонин И.* В начале девяностых... // Краеведы янтарного края. Калининград: Янтарная летопись, 2015. С. 7–8.

83. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против советских граждан на территории Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) в годы Великой Отечественной войны. Калининградская область: сб. док-ов / редкол.: С.А. Якимов и др.; Калининград: Страж Балтики, 2021. 432 с.

84. *Боровская Н.* Память: оковы или тайна спасения? // Запад России. 1992. № 1. С. 157–169.

85. *Валуев А.А.* Спасти память о первоистоках // Запад России. 1993. № 4 (8). С. 27–29.

86. *Вишняков И.* Анжелика Шпилёва: «Музей — это место, где живёт память». URL: <http://vis39.ru/news/4494> (дата обращения: 03.04.2024).

87. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / ред. Ю.В. Костяшов. 3-е изд-е., испр. и доп. Калининград: Калинингр. книга, 2018. 364 с.

88. *Губин А.* Рождение краеведа // Запад России. 2001. № 1 (24). С. 231–234.

89. *Денисов В.В.* Калининград — судьба моя. Калининград: ОГУП Калинингр. кн. изд-во, 2001. 462 с.

90. Запись дневника геолога и писателя Б.И. Вронского от 4 февраля 1970 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/386> (дата обращения: 22.01.2023).

91. Запись из дневника искусствоведа и члена Союза московских архитекторов С.С. Попадюка за 7 марта 1980 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/4495> (дата обращения: 09.10.2023).

92. Запись из дневника палеонтолога и туриста О.В. Амитрова от 13 июля 1980 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/517834> (дата обращения: 07.02.2024).

93. Запись из дневника учителя истории из московской школы Л.Я. Липкина от 8 марта 1953 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5382> (дата обращения 08.10.2023).

94. *Ленин В.И.* С чего начать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т. 5. С. 1–13.

95. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6. С. 163–286.

96. *Максимова-Рутман З.* Воспоминания о И.Я. Рутмане // Балтийский альманах. 2017. № 6. С. 48–50.

97. *Нисневич Б.А.* Свет памяти моей: дневник очеркиста. Майкоп: Полиграф-Юг, 2018. 285 с.

98. Новиков Н. Письмо из курсантской юности // Запад России. 1993. № 2 (6). 1993. С. 103–105.

99. *Павловский О.* Город мой // Запад России. 1993. № 4 (8). С. 20–26.

100. Первые впечатления переселенцев о новом крае (по материалам интервью) / публ. М.А. Клемешевой // Калининградские архивы. 2003. Вып. 4. С. 136–151.

101. *Перетьяка Н.* Перебирая наши даты, или Краткий комментарий к хронике // Запад России. 2002. № 1. (27). С. 13–16.

102. *Перетьяка Н.П.* Причалы Юрия Иванова: воспоминания и размышления о жизни и творчестве калининградского писателя Ю. Н. Иванова. М.: Буки Веди, 2016. 103 с.

103. Письма калининградского писателя и руководителя отделения Российского фонда культуры Ю.Н. Иванова за 1988–1993 гг. / публ. Е.Н. Мамышевой // Калининградские архивы. 2007. Вып. 7. С. 37–58.

104. Рождённая победой. Имена в истории края: воспоминания, очерки, стихи / ред. Т.А. Ермакова. Калининград: [Б. и.], 2011. 126 с.

105. *Саруль А.* Наше наследие // Запад России. 2002 № 1 (27). С. 37–39.

106. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Л.: Госполитиздат, 1944. 159 с.

107. *Чагин П.А.* Город нашей молодости // Калининградские архивы. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 189–195.

108. *Matthes E.* Als Russe in Ostpreußen: Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg/Kaliningrad nach 1945. Ostfildern: Edition Tertium, 1999. 501 S.

1.2.6. Художественная литература

109. *Андрущенко Ю.* Калининград // Калининград: литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград: Изд-во «Калинингр. правда», 1951. С. 163–164.

110. *Баринов М.М.* Вилла «Эдит». Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1958. 102 с.

111. *Ведин Ф.* Город — будет! Рига: Латгосиздат, 1953. 328 с.

112. *Ведин Ф.* Золотая жила // Калининград: литературно-художественный и общественно–политический сборник. Калининград: Изд-во «Калинингр. правда», 1951. С. 15–144.

113. *Грязева Н.* Черепки // Калининград. Калининград: Изд-во «Калинингр. правда», 1951. С. 222–233.

114. *Жернаков И.* Восход // Калининград: литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград: Изд-во «Калинингр. правда», 1951. С. 145–162.

115. *Иванов Ю.Н.* Танцы в крематории. Десять эпизодов кенигсбергской жизни. Калининград: ИП Мишуткина И. В., 2006. 400 с.

116. *Снегов С.А.* Ветер с океана. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1977. 270 с.

1.2.7. Учебная и просветительская литература

117. *Бирковский В.Г., Исупов В.С., Фарутин И.А.* История нашего края: пособие для учащихся. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1990. 96 с.

118. В помощь сельскому культпросветработнику. Краеведческие экскурсии. Калининград: [б. и.], 1952. 32 с.

119. Военно-патриотическая тема в газете «Калининградская правда». [Калининград]: [б. и.], [1968]. 53 с.

120. *Грацианский Н.П.* Кёнигсберг: стенограмма публичной лекции, прочитанной 19 сентября 1945 года в Лекционном зале в Москве / ред. А.Л. Минаев. М., 1945. 17 с.

121. *Ерофеев Н., Хейфец Ф.* Восточная Пруссия. Справка (в помощь слушателям школ партактива). М.: Военмориздат, 1945. 7 с.

122. *Ерусалимский А.С.* Ликвидация Прусского государства: стенограмма публичной лекции, прочитанной 31 марта 1947 г. в Лекционном зале в Москве. М.: Правда, 1947. 23 с.

123. История края (1945–1950): учебное пособие для студентов-историков Калининградского университета / ред. В.Г. Бирковский. Калининград: Изд-во КГУ, 1984. 118 с.

124. Охрана и использование памятников: методические рекомендации для пропаганды памятников истории и культуры. Калининград: [б. и.], 1986. 13 с.

125. По пути славы русского оружия [буклет] / сост. А.Е. Цыганкова. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1966. 1 л.

1.2.8. Визуальные источники

126. *Аладжаловы С.* и Ст. Плакат «Штурм Кенигсберга», 1946 г. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34625464> (дата обращения: 09.05.2023).

127. *Белов А.* Калининград. Калининград, 1968. 1 л.

128. Выставки советского изобразительного искусства: справочник. М.: Советский художник, 1965. 717 с.

129. *Едунов Б.В.* Барельеф «Портрет Юлиуса Руппа», 1979 г. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=37161659> (дата обращения: 13.02.2024).

130. *Ершов И.А.* Медсанбат в жилых домах., 1945. Этюд. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25030001> (дата обращения: 09.05.2023).

131. *Ершов И.А.* Штурм города Кёнигсберга, 1945. Этюд. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19015774> (дата обращения: 09.05.2023).

132. Карта-схема расположения лагерей для военнопленных и интернированных Калининград: [Янтарный сказ], [2005]. 1 л.

133. Каталог предметов периода образования и становления Калининградской области / сост.: О.Н. Щеглова, И.И. Эйдельман. Калининград: Аксиос, 2017. 168 с.

134. Калининградской области — 25 лет. Киножурнал «Наш край». 1971. № 37. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hkohEXWOfK8&ab_channel=MemelKlaiped (дата обращения: 26.01.2024).

135. Калининград: [альбом]. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1966. [62] с.

136. Калининград: [фотоальбом] [Калининград]: [Калинингр. кн. изд-во], [1964]. [28] с.
137. Калининград [фотобуклет] / ред. А. Г. Либрехт. Калининград: [б. и.], 1975. 1 л.
138. *Митяевский В.М.* «Штурм Кёнигсберга» (1955). URL: <https://gokatalog.ru/portal/#/collections?id=10847479> (дата обращения: 09.05.2023).
139. *Навалихин Д.К.* Проект реконструкции площади Победы, 1949–1951 гг. URL: <https://gokatalog.ru/portal/#/collections?id=2118707> (дата обращения 09.10.2023).
140. *Навалихин Д.К.* Проект реконструкции стадиона «Динамо», 1949–1951 гг. URL: <https://gokatalog.ru/portal/#/collections?id=21187111> (дата обращения 09.10.2023).
141. План г. Калининграда: маш. 1:10000 / сост. В.И. Поляков, М.И. Бусоргин, Н.И. Литвинов и др. [Б. м.]: [б. и.], 1959. [4 л.]. URL: http://www.etomesto.ru/map-kaliningrad_1956/ (дата обращения: 31.07.2023).
142. *Скитальцев Е.Н.* «Калининград строится» (1950). URL: <https://gokatalog.ru/portal/#/collections?id=11472872> (дата обращения: 09.05.2023).
143. У моря янтарного: фотоочерк о земле Калининградской — самом западном крае нашей Родины / фот. Н.Н. Пшенецкий [и др.]. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1981. 176 с.
144. Четвёртая областная калининградская художественная выставка: каталог. Калининград: [б. и.], 1958. 12 с.
145. Родина будет славить вас вечно: [фотоальбом] / сост. В.Н. Строкин. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1986. 49 с.
146. *Навалихин Д.К.* Проект реконструкции драматического театра, 1949–1951 гг. URL: <https://gokatalog.ru/portal/#/collections?id=21187067> (дата обращения 09.10.2023).

147. Königsberg in 144 bildern. Leer (Ostfriesland): Verlag Gerhard Rautenberg, 1955. 75 S.

2. ЛИТЕРАТУРА

2.1. Исследования

148. *Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В.* Алма-Ата: некоторые архитектурные нарративы советского города // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 1 (134). С. 10–21.

149. *Авдомина Н.С.* Метаморфозы исторической памяти о войне в Афганистане (1979–1989) // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 338–346.

150. *Айрапетов Л.Д.* Приморские курорты Калининграда и Выборга. М.: Госмедиздат, 1951. 28 с.

151. *Аполлонов И.А., Хлезов А.А.* Памятник в контексте исторической памяти // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 4. С. 76–85.

152. *Аристов С.В., Смирнова М.И.* Неизвестные страницы Великой Отечественной войны: советская и постсоветская историография проблемы нацистских концентрационных лагерей // Вестник Московского энергетического института. 2020. № 2. С. 140–149.

153. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

154. *Балязин В.Н.* Битва при Гросс-Егерсдорфе // Под знамёнами Родины: литературно-художественный сборник / ред. И. Ф. Половинкин. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1958. С. 193–196.

155. *Балязин В.Н.* Памятники славы: очерки о памятниках славы русского оружия на территории Калининградской области. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1959. 69 с.
156. *Балязин В.Н.* Штурм Кёнигсберга. М.: Воениздат, 1964. 128 с.
157. *Баранова Е.В.* Формирование образа Калининграда 1940-х годов на примере анализа фотографий «Калининградской правды» // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 128–136.
158. *Бахтин А.П.* Кёнигсбергские кирхи // Запад России. 1994. № 4 (12). С. 167–176.
159. *Безруков В.Н.* Прошлое для настоящего и будущего // Запад России. 1993. № 4 (8). С. 3–7.
160. *Белевитнев Р.А.* Иван Мартынович Ладушкин. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1966. 22 с.
161. *Белинцева И.В.* Архитектура Восточной Пруссии в Калининградской области: проблемы осмысления и сохранения // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 123–144.
162. *Белинцева И.В.* Архитектура Калининградской области: «чужое» как «чуждое» и как «своё» // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти / ред. Ю. Костяшов, О. Курило. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 151–162.
163. *Белинцева И.В.* Архитектура соцреализма в Калининградской области // Современная архитектура мира. 2018. Вып. 1 (10). С. 87–111.
164. *Белинцева И.В.* Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг). М.: Высшая школа культурологии МГУКИ, 2002. 146 с.
165. *Бершадская О.И.* Из истории революционного содружества русского и немецкого пролетариата (Кёнигсбергский процесс 1904 года) // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 85–95.

166. *Бродерзен П.* «Много прекрасных мест и зданий». Калининград как туристический объект в 1950–1971 гг. // Калининградской области — 60 / ред. В.Н. Маслов. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 106–117.

167. *Бродерзен П.* «Позови меня тихо по имени...». Кампания переименований в Калининградской области в 1946–1950 гг. в контексте калининградско-московских отношений послевоенного времени // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 201–210.

168. *Брокар Е.Н.* Архитектурное развитие Калининграда в первые послевоенные годы // Балтийские исследования. 2009. Вып. 4. С. 78–84.

169. *Будрис С.* Памятник Победы в Калининграде // *Budrys St. Pergalės monumentas Kaliningrade*. Vilnius: Vaga, 1965. С. 1–32.

170. *Булавин А.В.* Исторический нарратив в междисциплинарных исследованиях: проблемы и критерии определения понятия // Центр и периферия. 2021. № 2. С. 4–8.

171. *Бушмаков А.В.* «Пусть живёт в веках беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне!» Память о войне и советская историческая политика в 1965–1980 гг. // Культурный код. 2019. № 3. С. 26–35.

172. *Бушуев В.В.* Историческая политика в СССР: императивы и специфика реализации // Ценности и смыслы. 2012. № 4 (20). С. 119–128

173. *Быкова Н.И., Воробьева Ю.С.* История отдельно стоящей экспозиции Калининградского областного историко-художественного музея «Бункер» // Время музея. 2018. Вып. 1. С. 53–65.

174. *Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В.* Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022. № 34 (1). С. 69–94.

175. *Васильев А.Г.* Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 19–49.

176. *Васютин О., Попадин А.* Городской палимпсест: Градостроительная практика в Калининградской области (1945 — 1990 годы) // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. Т. 4. № 1. С. 97–123.

177. *Вертяшкина А.В., Ярцев А.А.* Образование и развитие музея «Фридландские ворота» в Калининграде // Время музея. 2021. Вып. 4. С. 414–426.

178. Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1996. 538 с.

179. *Габович М.* Памятник и Праздник // Памятник и праздник: этнография Дня Победы / ред. М. Габович. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 8–26.

180. *Гальцов В.И.* История Калининградской области в документальных публикациях // Калининградской области — 60 / ред. В.Н. Маслов. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 5–23.

181. *Гареев М.А., Кретицин Г.В.* Познание Победы // Калининградские архивы. 2019. Вып. 16. С. 163–177.

182. *Гаркави А.* О калининградских поэтах. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1959. 32 с.

183. *Глухарев Н.Н.* Октябрь 1917 г. в пространстве исторической памяти: от мемориализации к забвению // Война и революция: социальные процессы и катастрофы / ред. А.Б. Ананченко. М.: МПГУ, 2016. С. 98–106.

184. *Гордеев И.А.* Из истории становления краеведения Калининградской области // Калининградской области — 60 / ред. В.Н. Маслов. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 201–208.

185. *Гордеев И.А.* Петр Викторович Снесаревский // Калининградские архивы. 2007. Вып. 7. С. 165–186.

186. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 407 с.

187. Градостроительная охрана памятников истории и культуры: сб. науч. тр. / ред. А.Ю. Беккер. М.: НМС МК СССР, 1987. 187 с.

188. *Губин А.Б.* Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. Вып. 5. С. 139–196.
189. *Губин А., Салахов В.* Калининград: восстановление и строительство // Запад России. 1996. № 1 (15). С. 180–192.
190. *Губин А.Б., Салахов В.Т.* Кёнигсберг — Калининград: концепция градостроения // Кёнигсберг — Калининград: город, история. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 70–81.
191. *Губин А.Б., Строкин В.Н.* Очерки истории Кёнигсберга. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1991. 188 с.
192. *Давиденко А.А., Мегем М.Е.* «Политически целеустремленные, идейно-содержательные и литературно грамотные местные передачи»: новостная повестка Калининградской области в 1947 году // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гум. и общ. науки. 2021. Вып. 4. С. 57–66.
193. *Дементьев И.О.* «Древние славянские имена» Восточной Пруссии в российской пропаганде начала Первой мировой войны // Калининградские архивы. 2016. Вып. 13. С. 34–41.
194. *Дементьев И.О.* «Золотая жила» янтарного края: образы Восточной Пруссии и Калининградской области в период господства социалистического реализма // Балтийские исследования. 2013. Вып. 7. С. 63–93.
195. *Дементьев И.О.* «Разделённая история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 105–120.
196. *Дементьев И.О.* «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970-е — 1980-е годы) // *Erdvių patisavinimas Rytų Prūsijoje XX amžiuje*. Klaipėda, 2012. С. 92–118.
197. *Дементьев И.О.* «Что я могу знать?»: Формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е годы) // Люди и тексты. Исторический альманах. М., 2014. № 6. С. 175–218.

198. *Дементьев И.О.* Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гум. и общ. науки. 2019. Вып. 2. С. 104–112.
199. *Дементьев И.О.* Политика памяти в Калининградской области // Политика памяти в России — региональное измерение / ред. А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2023. С. 137–175.
200. *Дементьев И.О.* Современная зарубежная историография об исторической политике в советском Калининграде // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 233–250.
201. *Дементьев И.О.* Цензура как институт политики памяти Калининградской области советского периода // Калининградские архивы. 2016. Вып. 13. С. 98–110.
202. *Дементьев И.О.* Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. 2020. № 3. С. 40–61.
203. *Демьянов К.В., Рыженко В.Г.* Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Сер.: Ист. науки. 2017. № 4 (16). С. 153–160.
204. *Дергачева В.Е., Чернышов Ю.Г.* Карибский кризис в политике памяти СССР (России) и США сравнительная характеристика // Известия Алтайского гос. ун-та. 2020. № 6 (116). С. 22–28.
205. *Дмитриев В.Д.* Дело о Янтарной комнате. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1960. 68 с.
206. Дом, в котором живёт история... / ред.: О.И. Якимов, С.А. Тепляков. Калининград: Аксиос, 2017. 223 с.
207. *Дриго С.В.* Иван Данилович Черняховский. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1964. 16 с.
208. *Дриго С.В.* Петр Ильич Романов. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1965. 11 с.
209. *Дриго С.В.* Сергей Иванович Гусев. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1965. 10 с.

210. *Дриго С.В.* Степан Кузьмич Нестеров. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1964. 14 с.
211. *Дриго С.В.* Степан Савельевич Гурьев. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1966. 15 с.
212. *Дюженко Ю.* Творческий путь Бориса Едунова // Борис Васильевич Едунов, 1921–1982. М.: Советский художник, 1986. С. [5–14].
213. *Елисеева Н.В.* История перестройки в СССР 1985–1991 гг. М.: РГГУ, 2017. 550 с.
214. *Елисеева Н.В.* Письма советских граждан в средства массовой информации // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 95–113.
215. *Елисеева Н.В.* Формирование исторической политики времён перестройки в СССР (1985–1988 гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. Т. 11. № 1. С. 19–27.
216. *Еремеева А.Н., Маркова О.Н.* Основные этапы и тенденции монументальной пропаганды в СССР // Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы. М.: РНИИКПН им. Д.С. Лихачёва, 2022. С. 43–79.
217. *Зиновьева О.А.* Памятники Великой Отечественной войны Москвы // Новое прошлое. 2017. № 3. С. 55–64.
218. *Казусь И.А.* Дома советов в архитектуре СССР 1930-х годов // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН. М.: Изд-во АСВ, 2018. Т. 1. С. 63–73.
219. *Каменева И.Н.* Кёнигсберг мог стать Балтийском // Балтийский альманах. 2005. № 5. С. 7–14.
220. *Каракова Т.В., Рыжикова Е.В.* Исторические этапы развития индустриального жилища в России // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2011. № 3. С. 92–94.
221. *Кёнигсберг А.К.* Рихард Вагнер. 1813–1883. Л.: Музыка, 1972. 118 с.
222. *Клемешева М.А.* Очерки истории края. Калининград: [б. и.], 1991. 70 с.

223. *Клопихина В.С.* Исторический нарратив об Октябрьской революции 1917 г. как основа советской идеологии 1920–х гг.: региональный аспект // Гум. и юр. исследования. 2018. № 2. С. 84–91.

224. Клубу краеведов — четверть века! // Балтийский альманах. 2015. № 14. С. 3.

225. *Коваль С.А.* Материалы работ Калининградского отряда Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР (1949–1958 годы) // Время музея. 2021. Вып. 4. С. 224–240.

226. *Коенкер Д.* SPАсибо партии. Отдых, путешествия и советская мечта. СПб.: Библиороссика, 2022. 454 с.

227. *Кожевникова И.В.* Памятник Юлиусу Руппу в Калининграде // Калининградские архивы. 2021. Вып. 18. С. 43–53.

228. *Кокоулин В.Г.* Покорение космоса в политике исторической памяти советского периода и в постсоветской России // Архив в социуме — социум в архиве/ ред. Н.А. Антипин. Челябинск: [б. и.], 2021. С. 383–386.

229. *Колганова Э., Колганов И.* Самая западная: краткий очерк о Калининградской области. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1959. 64 с.

230. *Колганова Э.М.* Заселение Калининградской области // Учёные записки Калининградского гос. пед. ин-та. 1962. Вып. 8. С. 154–174.

231. *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011. 320 с.

232. *Костюк А.П.* Становление самодеятельного туризма в Калининградской области // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 170–178.

233. *Костяшов Ю.В.* Красный карандаш цензуры: калининградский обллит в 1947–1956 гг. // Калининградские архивы. 2003. Вып. 5. С. 129–138.

234. *Костяшов Ю.В.* Изгнание прусского духа: как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы; Маттес Э. Запрещенное воспоминание: возвращение истории Восточной

Пруссии и региональное сознание жителей калининградской области (1945–2001). Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 7–80.

235. *Костяшов Ю.В.* Кёнигсбергский Кафедральный собор и могила И. Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. Т. 35. № 4. С. 79–102.

236. *Костяшов Ю.В.* Кто спас усыпальницу И. Канта от разрушения? // Кантовский сборник. 2002. Вып. 23. С. 125–132.

237. *Костяшов Ю.В.* О неосуществлённых проектах возведения в Калининграде монумента Победы // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 137–147.

238. *Костяшов Ю.В.* Проблемы сохранения и использования историко-культурного наследия в деятельности писателя Юрия Иванова // Калининградские архивы. 2019. Вып. 16. С. 178–187.

239. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области: очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 351 с.

240. *Костяшов Ю.В.* Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX–начало XXI в.) // Наследие веков. 2020. № 3. С. 62–72.

241. *Костяшов Ю.В.* Товарищество «Калининградский художник»: из истории художественной жизни края в 1947–1953 годах // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С. 111–128.

242. *Костяшов Ю.В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1996. Т. 2. С. 82–88.

243. *Кочеляева Н.А.* Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе // Культурологический журнал. 2012. № 1. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9 (дата обращения: 13.10.2023).

244. *Кретинин Г.В.* По маршруту М.Г. Григоренко. Калининград: Страж Балтики, 2020. 44 с.

245. *Кретинин Г.В.* Генезис и формирование региональной исторической памяти о боях за Восточную Пруссию в 1944–1945 годах //

Балтийский регион в Новое и Новейшее время. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 150–178.

246. *Кретинин Г.В.* Генерал Н.Н. Мазовский — человек и память // Баркляя помнит вся Россия / ред. С. А. Якимов. Калининград: Аксиос, 2019. С. 93–101.

247. *Кретинин Г.В.* Домнау / Домново как «место памяти» // *Honoris causa* / ред. И.О. Дементьев. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 217–224.

248. *Кретинин Г.В.* Калининградская земля — место памяти россиян // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гум. и общ. науки. 2021. № 4. С. 86–94.

249. *Кретинин Г.В.* Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник БФУ им. И. Канта. 2015. Вып. 12: Гум. науки. С. 61–66.

250. *Кретинин Г.В.* Что храним и как храним? // Время музея. 2019. С. 25–35.

251. *Криворуцкая И.Е.* Использование документов областного Государственного архива в изучении истории края // Калининградские архивы. 1998. Вып. 1. С. 23–27.

252. *Криворуцкая И.Е.* Традиция хранения и использования историко-культурного наследия в ГАКО в свете взглядов академика Д.С. Лихачева // Калининградские архивы. 2008. Вып. 8. С. 20–24.

253. *Кузнецова И.С.* В.В. Денисов. К 95-летию со дня рождения // Культура: Калининград 2022. Вып. 6 (1). С. 170–175.

254. *Кузнецова И.С.* Существовало ли в советском Калининграде гражданское общество // Калининградские архивы. 2017. Вып. 14. С. 106–113.

255. *Куручкин С.С.* Образ П. С. Нахимова в советской историографии, литературе и исторической памяти // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее. СПб.: ГУПТД, 2019. Т. 3. С. 328–331.

256. *Кушнер П.И.* Этнические территории и этнические границы. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 277 с.

257. *Лавринович К.К.* Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1995. 410 с.
258. *Лавринович К.К.* Орден крестоносцев в Пруссии. Калининград: [б. и.], 1991. 42 с.
259. *Лапин В.В.* Война памятников и война с памятниками // Россия XXI век. 2014. Вып. 1. С. 122–145.
260. *Липатов А.В.* Военные праздники и дни воинской славы в праздничной культуре советского общества в период хрущевской «оттепели» // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы памяти. СПб.: Свое издательство, 2020. С. 295–304.
261. *Литвиненко И.В.* Историки и советская пропаганда: славянский мираж на территории бывшей Восточной Пруссии // Калининградские архивы. 2016. Вып. 13. С. 74–86.
262. *Лифшиц Л.И.* История законодательства в области охраны и реставрации памятников культуры // Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX–XX веках. М.: Альма Матер: Академический Проект, 2008. С. 79–126.
263. *Мазур Л.Н.* Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 100–119.
264. *Мазур Л.Н.* Музеи малых городов России: особенности медиации локальной истории // История и архивы. 2023. № 3. С. 71–88.
265. *Мазур Л.Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского фед. ун-та. Сер. 2: Гум. науки. 2013. № 3. С. 243–256.
266. *Мазур Л.Н.* Провинциальный музей в фокусе культурной политики советского государства: между просвещением, пропагандой и памятью // Документ. Архив. История. Современность. 2023. Вып. 23. С. 157–177.
267. *Малинова О.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6–12.

268. *Малинова О.Ю.*, Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2021. С. 7–37.

269. *Манаев А.Ю.* Арсенал Победы: боевая техника Великой Отечественной войны в мемориальном ландшафте городов–героев Причерноморья // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения России. Симферополь, 2020. С. 55–62.

270. *Манкевич Д.В.*, Мегем М.Е. Иностранное наследие в мемориальном ландшафте Калининградской области // Балтийский регион. 2023. Т. 1. №2. С. 139–155.

271. *Манкевич Д.В.*, Мегем М.Е., Филёв М.В. От «правильного немца» к «калининградскому философу» // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2023. Т. 64. № 6. С. 138–160.

272. *Манкевич Д.В.* Калининградский филиал Советского / Российского фонда культуры и политика памяти в самой западной области России (1987–2007) // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 159–168.

273. *Манюк Е.С.* Д.К. Навалихин — главный архитектор города Калининграда // Время музея. Калининград, 2018. Вып. 1. С. 407–425.

274. *Манюк Е.С.* Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945–1950-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2015. 209 с.

275. *Маслов В.Н.* Деятельность экскурсионных бюро в середине 1970-х — 1980-е годы по формированию исторической памяти калининградцев о Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права. Витебск, 2018. С. 171–173.

276. *Маслов В.Н.* Переименование городов районного подчинения Калининградской области в 1946–1947 годах // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 139–151.

277. *Маслов В.Н.* Переименование населённых пунктов Калининградской области во второй половине 1940-х годов: литовская альтернатива // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации. / ред. А.Б. Ананченко. М.: МПГУ, 2018. С. 245–253.

278. *Маслов В.Н.* Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник БФУ им. И. Канта. 2014. Вып. 12: Гум. науки. С. 58–69.

279. *Маслов В.Н.* Переписка о Кёнигсбергском замке в 1956 году // Балтийский альманах. 2019. № 18. С. 38–40.

280. *Маслов В.Н.* Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь — ноябрь 1946 года) // Калининградские архивы. 2019. Вып. 16. С. 84–123. 277. *Маслов В.Н.* Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населённых пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 100–107.

281. *Маслов В.Н.* Создание Кёнигсбергской области и её переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. 2014. Вып. 11. С. 99–109.

282. *Маслов В.Н.* Экскурсионная деятельность и формирование исторической памяти калининградцев в 1964–1975 годах // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гум. и общ. науки. 2017. Вып. 4. С. 77–84.

283. *Маттес Э.* Государственный архив Калининградской области // Калининградские архивы. 2001. Вып. 3. С. 64–76.

284. *Маттес Э.* Запрещённое воспоминание: возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей калининградской области (1945–2001). Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 81–150.

285. *Мегем М.Е.* «Натиск на Восток» в советском историческом дискурсе // Вестник РГУ им. И. Канта. 2010. Вып. 12: Гум. науки. С. 78–84.

286. *Межем М.Е., М.В. Филёв* «Сверх плана»: роль региональных СМИ в формировании сознания советского человека // «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991). Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022. С. 179–196.
287. *Мезин С.А.* Петр I и его эпоха глазами историков // Историографический сборник. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 86–132.
288. *Мельникова Л.* Предисловие к описи № 3 фонда № Р–300 Государственного архива Калининградской области. 1 с.
289. *Мемориал К.* Донелайтиса в п. Чистые Пруды (Толльмингкемен, Толминкемис). Калининград, Вильнюс: Аксиос, 2013. 389 с.
290. *Миллер А.* Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / ред. А. Миллер, М. Лимпан. М.: НЛЮ, 2002. С. 7–32.
291. *Миллер А.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. М.: НЛЮ, 2002. С. 7–32.
292. *Мисиянцева Е.Н.* Жилищное строительство и градостроительная политика в Калининграде (середина 1950-х — середина 1960-х годов) // Вестник БФУ им. И. Канта. 2014. Вып. 6: Гум. науки. С. 159–166.
293. *Митина Е.С.* Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 — середина 1950-х годов) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12: Гум. науки. С. 71–77.
294. *Митина Е.С.* Первые градостроительные проекты Калининграда (1946 — первая половина 1950-х годов) // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2014. Вып. 8. С. 51–58.
295. *Мишалова Е.В.* Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология & философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 157–173.

296. *Нарочницкий А.Л.* Восточная Пруссия как плацдарм против славян и прибалтийских народов // Преподавание истории в школе. 1946. № 1. С. 39–51.

297. *Нарский И.* Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 211–236.

298. *Наумов С.С.* Местные сообщества интеллигенции и проблема трансляции исторической памяти (на примере деятельности новосибирского отделения всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1985–1991 гг.) // Известия высших учебных заведений. Серия: Гум. науки. 2017. Т. 8. № 4. С. 272–277.

299. *Нетреба М.П.* Индустриализация – главное направление в строительстве. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1962. 37 с.

300. *Нечаева А.А.* Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. Вып. 4 (60). С. 121–129.

301. *Никитина А.С.* Политика советского государства в области периодической печати // Поволжский вестник науки. 2023. № 4 (30). С. 27–30.

302. *Новиков А.С.* Первый калининградский памятник Петру I // Время музея. 2022. Вып. 5. С. 39–51.

303. *Новиков А.С.* Поля воинской славы и памятные знаки четырёх войн самой западной области России // Проблемы межрегиональных связей. СПб.; Клайпеда; Калининград: Аксиос, 2018. Вып. 13. С. 12–17.

304. *Новикова М.В.* Особенности исторической политики советского государства в годы перестройки 1985–1991 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. №. 2. С. 24–38.

305. *Нора П.* Между памятью и историей: нация-память. Как писать историю Франции? Эра коммемораций // Франция — память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. 328 с.

306. *Овсянкин Е.И.* Николай Васильевич Мамонов. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1966. 20 с.
307. *Овсянов А.* Архитектор Арсений Максимов // Запад России. 1995. № 2 (14). С. 185–196.
308. *Овсянов А.П.* В руинах старого замка. Калининград: Янтарный сказ, 1997. 397 с.
309. *Овсянов А.П.* Форт № 5. Памятник героям штурма Кёнигсберга. Калининград: Аксиос, 2010. 144 с.
310. *Одинцов И.А.* Кафедральный собор в Калининграде. Калининград: Янтарный сказ, 2005. 199 с.
311. *Ольмезова С.И.* Башня Дона — архитектурный и исторический памятник // Калининградский музей янтаря. Калининград, 2008. С. 111–119.
312. Основы музееведения / ред. Э.А. Шулепова. М.: Едиториал УРСС, 2005. 501 с.
313. *Отто Р., Келлер Р.* Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / пер. с нем. Л.В. Ланника и Н.А. Власова. М.: Аспект Пресс, 2020. 400 с.
314. Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов и др. Калининград: Янтарный сказ, 2002. 533 с.
315. *Панасенко О.М., Гришечкина М.Л., Луганский Н.Л.* Национально-культурные объединения Калининградской области. Информационный справочник. Калининград: [б. и.], 2004. 64 с.
316. *Перцев В.Н.* Пруссия до её завоевания немцами // Исторический журнал. 1944. № 4. С. 44–52.
317. *Полатовский С.А.* Исторические сюжеты в творчестве калининградских писателей 1960-х годов // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 148–158.
318. *Полх П.П.* Сельская топонимика Калининградской области как отражение исторической памяти населения проблемы // Между Одером и

Неманом: проблемы исторической памяти / ред. Ю. Костяшов, О. Курило. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 72–78.

319. *Попов А.* Полковнику никто не верит? // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 169–183.

320. *Попов А.Д.* Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 43–48.

321. *Попов А.Г.* Формирование музейной сети Калининградской области с 1946 года по настоящее время // Время музея. 2018. Вып. 1. С. 241–258.

322. *Поршнева О.С.* Политика памяти vs историческая память о Первой мировой войне в Советской России / СССР // Международные отношения в XX–XXI веках/ ред. О.С. Поршнева. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 98–105.

323. *Потапова С.А.* Преобразование музеев политической истории как отражение государственной политики России: 1917–2009 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 203 с.

324. *Разумный Г.* Пять памятников генералу Черняховскому // Запад России. 1996. № 16 (2). С. 8–9.

325. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

326. *Репина Л.П.* Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2008. С. 7–18.

327. *Ржевский В.* Вилла «Эдит» // Культура: Калининград. М.: Лето–Пресс, 2020. Вып. № 4 (1), март. С. 38–43.

328. *Риер Г.Я.* Кёнигсберг XIII — начала XVI веков — оплот агрессии немецкого рыцарства в Прибалтике: дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1952. 286 с.

329. *Романовская Е.В.* Идея социальной памяти: М. Хальбвакс и А. Варбург // После постпозитивизма: сб. ст. М.: Изд-во РОИФН, 2022. С. 709–712.

330. *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 16–21.

331. *Рутман И.* Из Советска — в Тильзит. Путешествие в историю города. Советск: «Наса», 1993. 204 с.

332. *Свичкарь И.Г.* Деятельность государственных органов по охране историко-культурного наследия в Российской Федерации в 1960–1980 гг. // Вестник ЮУГУ. Серия: Соц.-гум. науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 52–56.

333. *Серов Н.С.* Жилищно-коммунальное хозяйство области к 40-й годовщине Великого Октября // Жилищно-коммунальное хозяйство Калининградской области к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Калининград: Изд-во «Калининградская правда», 1957. С. 5–12.

334. *Соколов Л.И., Регамэ С.К.* Методика сохранения и развития своеобразия исторических городов // Градостроительная охрана памятников истории и культуры. М.: Изд-во НМС МК СССР, 1987. С. 22–38.

335. *Сологубов А.М.* Формирование образа Восточной Пруссии советской военной пропагандой и его использование в послевоенное время // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гум. и общ. науки. 2011. Вып. 12. С. 76–82.

336. *Сосницкий Д.А.* Ермак Тимофеевич в исторической памяти советского общества // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 56–10. С. 68–72.

337. *Сосницкий Д.А.* Образы российских правителей в монументальной скульптуре современного Санкт-Петербурга // Клио. 2024. № 4 (208). С. 170–177.

338. *Сосницкий Д.А.* Пантеон героев и событий отечественной истории в монументальной скульптуре Ленинграда (1985-1991 гг.) // Tractus Aevorum:

эволюция социокультурных и политических пространств. 2024. Т. 11. № 1. С. 50–67.

339. *Стальмакова А.В.* Проблемы советской истории на страницах калининградской партийной прессы в период перестройки // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях: материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 25–28 сентября 2023 г. Красноярск, 2023. С. 74–78.

340. *Становов А.И.* Александр Анатольевич Космодемьянский. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1967. 22 с.

341. *Стратиевский Д.В.* Бывшие советские военнопленные: позднее признание // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4 (11). С. 104–118.

342. *Суворов В.С.* Древняя история края в исследованиях 1940–1960 годов // Калининградские архивы. 1998. Вып. 1. С. 116–127.

343. *Суворов В.С.* Становление исторического краеведения Калининградской области // Проблемы истории Восточной Пруссии. Калининград: [б. и.], 1993. С. 3–7.

344. *Суворова Т.Ю.* Из истории создания Музея янтаря // Время музея. Калининград, 2021. Вып. 4. С. 347–368.

345. *Терентьев Е.А.* Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 3. С. 73–86.

346. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

347. *Хоппе Б.* Борьба против вражеского прошлого: Кёнигсберг / Калининград как место памяти в послевоенном СССР // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 237–268.

348. *Чебуркин Н.А.* Конный памятник // Балтийский альманах. 2004. № 4. С. 10–12.

349. *Чебуркин Н.* Кирха на Штайндамме // Запад России. 1997. № 3 (17). С. 147–148.
350. *Червонная С.* Микенас. Л.; М.: Искусство, 1963. 66 с.
351. *Шевцов И.* Певец возвышенной души // Борис Васильевич Едунов, 1921–1982. М.: Советский художник, 1986. С. [18–20].
352. *Щеглова О.Н.* Международная выставочная деятельность ГБУК «Калининградский областной историко-художественный музей» в 1946–2017 годах // Время музея. Калининград, 2018. Вып. 1. С. 259–294.
353. *Щеглова Т.К.* Материалы устной истории как исторический источник и поиски им места в научных классификациях российского источниковедения в XX–XXI столетиях // Вестник Алтайского гос. пед. ун-та. 2019. № 4(41). С. 93–101.
354. *Щеглова Т.К.* Российский опыт развития устной истории (oral history): организационная структура, направления и формы деятельности. 1990–2020-е гг. // Русский архив. 2021. № 9(1). С. 12–28.
355. *Щеглова Т.К.* Устная история в российском историографическом пространстве 1990-2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5(13). С. 8–22.
356. *Щеглова Т.К.* Устная история. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2010. 363 с.
357. *Эйдельман И.* Калининградский областной историко-художественный музей — ровесник области // Балтика. 2006. № 3. С. 78–81.
358. *Юрченко Э.В.* Сохранение исторической памяти о Гросс-Егерсдорфском сражении // Время музея. Калининград, 2022. Вып. 5. С. 327–345.
359. *Bernhard M., Kubik J.* A Theory of the Politics of Memory // Twenty Years after Communism: The Politics and Commemoration / ed. by M. Bernhard., J. Kubik. Oxford: University Press, 2014. P. 7–34
360. *Brodersen P.* Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. 367 S.

361. *Brodersen P.* Fortsetzung der Heldentat. Berlin: [s. n.], 2000. 101 S.
362. *Budrys St.* Pergales monumentas Kaliningrade, Vilnius: Vaga, 1965. 27, [33] p.
363. *Erll A.* Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // Cultural Memory Studies / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 389–398.
364. *Erll A., Rigney A.* Literature and the Production of Cultural Memory: Introduction // European Journal of English Studies. 2006. Vol. 10, № 2. P. 111–115.
365. *Galcova S.* Die Geschichte des Kaliningrader Gebietes in der sowjetischen Forschung // Nordost-Archiv. 1994. N III. S. 495–505.
366. *Hoppe B.* Auf den Trümmern von Königsberg: Kaliningrad 1946–1970. München: Oldenbourg, 2000. 168 S.
367. *Kabus R.* Ruinen von Königsberg: Bilder eines Kaliningrader Architekten, Husum: Husum Druck- und Verlagsgesellschaft, 1992. 106 S.
368. *Maoz A.* RePlacing Memory: the reorientation of Buchenwald // Cultural Geographies. 2003. Vol. 10, № 1. P. 1–20.
369. *Podehl M.* Architektura Kaliningrada: Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2012. 420 S.
370. *Sezneva O.* Tenacious Place, Contingent Homeland: Making History and Community in the Repopulated City of Kaliningrad. Doctoral (Philosophy Dissertation), New York, 2005. 323 p.
371. *Verovšek P.J.* Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm, Politics, Groups, and Identities. 2016. Vol. 4. № 3. P. 529–543.

2.2. Справочные издания, путеводители и указатели литературы/

372. Большой энциклопедический словарь Калининградской области / ред. В.Н. Маслов. Калининград: Аксиос, 2011. 453 с.

373. Восточно-Прусская операция: научно-вспомогательный указатель литературы: В 3 ч. / под. ред. Г.В. Крестина, Н.А. Рузовой; сост. Т.И. Горбунова. Калининград: ГП «КГТ». 2002. Ч. 1. 285 с.
374. Геройски бились вы за Отечество / сост. К.Н. Медведев; ред. Г. Случевский. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1961. 143 с.
375. *Глебов В.И.* Восточная Пруссия: краткий справочник. М.: Воениздат, 1944. 64 с.
376. Государственный архив Калининградской области. Калининград: Terra Балтика, [2006]. [20] с.
377. История войн XX века в памятниках их участникам. М.: НИИЦентр, 2009. 399 с.
378. Калининградский зоопарк: путеводитель / авт. текста С. Колбанёва, ред. И. Дементьев. Калининград: Пикторика, 2023. 128 с.
379. Калининградский областной краеведческий музей: [буклет]. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1986. 1 л.
380. Каталог объектов культурного наследия Калининградской области. М.: НИИЦ, 2005. Т. 3. 175 с.
381. *Кёстер Б.* Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени. Калининград: Живём, 2014. 264 с.
382. Курорты СССР / ред. С.В. Курашов, Л.Г. Гольдфайль, Г.Н. Поспелова. М.: Медгиз, 1962. 798 с.
383. Летопись Калининградской области. Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2005. Т. 1. 590 с.
384. *Маковейчук О.Д.* Блиндаж / ред. Э. Григо. Калининград: Изд-во «Калинингр. правда», 1982. 1 л.
385. Музеи Калининградской области: справочник / ред. В.Л. Стрюк. Калининград: Terra Балтика, 2005. 172 с.
386. Назовём поимённо. Т. 19, дополнительный. Сведения о пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны и погибших в плену / сост. С.А. Гуров и др. Калининград: Янтарный сказ, 2006. 440 с.

387. Объекты культурного наследия Калининградской области: иллюстрированный каталог 2013 / сост., гл. ред. А.М. Тарунов. Калининград: Янтарь–Инфо, 2013. 781 с.

388. *Перетьяка Н.* Хроника основных дел и событий Калининградского фонда культуры с ноября 1987 г. по ноябрь 2002 г. // Запад России. 2002. № 1 (27). С. 5–12.

389. С чем связаны память и жизнь / авт.–сост. А.С. Мелехова, А.Е. Цыганкова, А.П. Михайлова. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1976. 127 с.

390. Слава бессмертна. О Героях Советского Союза, участниках разгрома гитлеровцев в Восточной Пруссии / сост. А. Петрикин. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1963. 173 с.

391. *Строкин В.Н.* Памятники ратного прошлого. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1995. 136 с.

392. Школьные музеи Калининградской области / сост. И.И. Шустер. Калининград: [б. и.], 1982. 15 с.

393. *Mühlpfordt H.M.* Königsberger Skulpturen und ihre Meister 1255–1945. Würzburg: Holzner, 1970. 299 S.